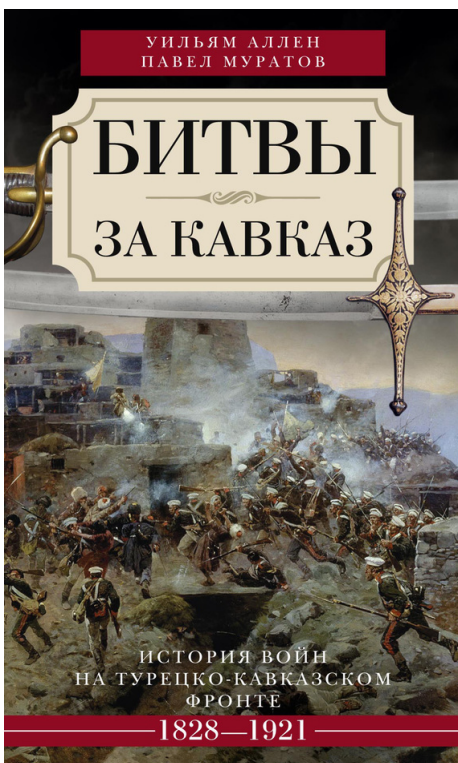

УИЛЬЯМ АЛЛЕН
ПАВЕЛ МУРАТОВ

БИТВЫ ЗА КАВКАЗ

ИСТОРИЯ ВОЙН
НА ТУРЕЦКО-КАВКАЗСКОМ
ФРОНТЕ

1828—1921

Уильям Аллен

**Битвы за Кавказ. История
войн на турецко-кавказском
фронте. 1828–1921**

«Центрполиграф»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Аллен У. Э.

Битвы за Кавказ. История войн на турецко-кавказском фронте. 1828–1921 / У. Э. Аллен — «Центрполиграф»,

Уильям Аллен – британский ученый, политик, дипломат и путешественник – в соавторстве с русским военным историком П. Муратовым создал внушительный обзор крупнейших военных конфликтов XIX–XX вв. на Кавказе, который всегда имел огромное стратегическое значение, являясь естественной границей между Азией и Европой. В книге подробно описываются сражения и битвы, проблемы снабжения войск в труднодоступных местностях, а также расклад политических интересов противоборствующих сторон. Этот труд содержит богатейшую информацию и может служить чрезвычайно авторитетным источником как для военных историков, так и просто любителей отечественной и мировой истории.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© Аллен У. Э.
© Центрполиграф

Содержание

Книга первая	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	33
Книга вторая	38
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	56
Книга третья	71
Глава 7	71
Глава 8	83
Глава 9	89
Глава 10	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Аллен Уильям, Муратов Павел Битвы за Кавказ. История войн на турецко-кавказском фронте. 1828–1921

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2016

* * *

Посвящается памяти старых друзей, принадлежавших к трем поколениям:

Джону Баддели, Чарльзу Хэгбергу Райту, Артуру Хинксу, благородным викторианцам, обладавшим огромной эрудицией, которые посвятили всю свою жизнь науке.

Арнольду Уилсону и Стэнли Кэссону, людям елизаветинского типа, погибшим на поле боя в ту пору, когда им было уже за шестьдесят. Гарри де Вильтрею, Марку Пилкингстону и Питеру Фарнэму, спутникам в путешествиях по пустыням, знатокам местного фольклора – в то недолгое время, которое судьба отвела им для занятия наукой.

За Кавказским перешейком и его внутренним бассейном, Каспийским морем, Россия непосредственно соприкасается с мусульманской Азией. С Кавказского перешейка Россия может проникнуть в любое место, если в этом возникнет необходимость... Для России Кавказский перешеек является мостом, переброшенным с российского берега в самое сердце Азиатского континента, стеной, защищающей Центральную Азию от чуждого влияния, и передовым бастионом, прикрывающим оба моря – Черное и Каспийское. Овладение этой страной представляет собой первейшую государственную необходимость.

Р.А. Фадеев. Сочинения

Таким образом, прошлое окружает нас и всегда с нами; и есть только один способ отдаленного управления им в каком-нибудь одном секторе – это знать, что стало причиной всех его событий. Это поможет понять их природу, характер, а также наличие или отсутствие связи между этими событиями и реалиями современной жизни.

Профессор Л.В. Намиер

Книга первая

Завоевание Кавказа Россией

Глава 1

Историческая география Кавказа

На протяжении всей своей истории Кавказ был пограничной областью. Главный хребет Кавказских гор, протянувшийся от Таманского полуострова на Азовском море до Апшеронского полуострова на Каспийском, представляет собой естественную границу горной зоны Среднего Востока, которая включает в себя Армянское и Иранское нагорья. Сама же эта зона представляет собой западные отроги Гималайской горной системы.

На севере склоны Главного Кавказского хребта спускаются к северокавказским степям. Они представляют собой западную оконечность обширных степей, которые орошаются реками, текущими в Черное море. Кубань, как и Дон, относится к бассейну Черного моря. Невысокие холмы Ставропольской возвышенности, доходящие на севере до реки Маныч, образуют водораздел между западными и восточными степями. На востоке северокавказские степи сливаются с плоскими песчаными равнинами Прикаспийской низменности, по которой протекает река Волга. Эта низменность представляет собой древнее дно Каспийского моря и является частью Арало-Каспийской аридной зоны. Эта степь очень похожа на полупустыни, граничащие с «огромным сердцем» Внутренней Азии (это выражение впервые употребил Х.Дж. Макиндер в своей книге «Демократические идеалы и реальность» (1919 г.). Вполне понятно, что степи Северного Кавказа были заселены кочевниками-калмыками, говорящими на языке монголов.

Главная цепь Кавказских гор состоит из нескольких параллельных хребтов. Эти хребты соединяются седловинами, по которым можно из северной части Кавказа добраться до южной. Между хребтами протягиваются широкие долины, расположенные иногда на очень большой высоте. Типичными примерами таких долин являются долины верхней Сванетии, а также Туша и Хевсура – в Северо-Восточной Грузии. Обитатели местных аулов в течение всего исторического периода жили практически в полной изоляции.

Гранитная цепь Главного Кавказского хребта протягивается в виде одиночной стены, которая пересекает Кавказский перешеек от моря до моря. Она отделяет бассейны рек, стекающих с северного склона Кавказа, от рек южного склона. Таким образом, этот хребет представляет собой главный водораздел Кавказа и поэтому называется «Водораздельный». Протягивающиеся параллельно боковые хребты короче Главного, однако выше его. Именно на нем расположены знаменитые кавказские вершины: Эльбрус (5630 м), Коштанану (5198 м), Казбек (5043 м) и Адай-Хох (4410 м)¹.

Склоны Западного Кавказа, находящиеся под влиянием влажного климата Черноморья, покрыты густыми лесами; граница ледяного покрова располагается здесь ниже, чем в восточной части гор, которые находятся под иссушающим влиянием Арало-Каспийской низменности.

На Кавказе существует три основных прохода с севера на юг. Первый – это Береговое шоссе, проложенное в первой половине XX в. Автомобильная трасса и железная дорога

¹ Тау и хох являются индоевропейскими (осетинскими) топонимами. Вершины Главного хребта ниже вершин Бокового: Ушба (4697 м), Тетнулд (4958 м) и Шкара (5182 м).

вдоль побережья Черного моря – от Новороссийска до Кутаиси в Грузии – была построена русскими.

Вторым проходом является Военно-Грузинская дорога, идущая из Владикавказа в Тбилиси (Тифлис). Она проходит по долине реки Терек через Дарьяльское ущелье, прославленное в истории и легендах Среднего Востока подобно знаменитым Киликийским Воротам в Таврию. Дорога доходит до Крестового перевала (сейчас его называют грузинским словом «Фуари», «Крест») и спускается оттуда в долину реки Арагви, к месту ее слияния с Курой, которое находится километрах в тридцати выше Тбилиси. Римляне и персы, а позже грузинские цари строили крепости и держали гарнизоны в Дарьяльском ущелье (Каспийские, или Иверские, Ворота), но этот путь был очень труден (его хорошо описал Лермонтов в «Герое нашего времени»), и варварские или средневековые армии предпочитали пересекать Кавказ по другим дорогам. Регулярное движение по Военно-Грузинской дороге было открыто лишь в конце XVIII в., когда генерал Тотлебен, захвативший в годы Семилетней войны Берлин, преодолел этот путь с двумя батальонами пехоты и четырьмя пушками; грузины, построившие в ущелье крепость, были его союзниками.

Третий путь проходит по песчаному берегу Каспийского моря у подножия Дагестанских гор. Они ближе всего подходят к морю в районе Дербента – здесь ширина прохода составляет всего лишь 9,5 км. Эта прибрежная полоса и была той самой столбовой дорогой истории, по которой огибали Кавказ различные армии. Сасанидские цари Персии обычно держали на так называемой Кавказской стене гарнизон, но ни персы, ни их последователи – арабы Восточного халифата так и не смогли сдержать вторжения кочевых народов с севера. По дороге, проходившей вдоль Каспийского моря, много раз вторгались в Закавказье и Персидский Азербайджан хазары. Дербент (по-персидски «Дар-банд», по-арабски «Баб-аль-абваб» («Ворота ворот»); его еще называли «Албанскими», но не «Каспийскими» воротами) являлся самой важной пограничной крепостью, защищавшей богатые каспийские провинции халифата. Он получал подкрепление из Барда'а (по-персидски «Партава»), города на востоке Закавказья, стоявшего в треугольнике, который образуют реки Кура и Тертер. Однако в X в. русские (варяги) внезапным ударом захватили Барда'а и разграбили его. Они спустились по Волге в Каспийское море, пересекли его и напали на город.

В XIII в. монголы, захватив Персидский Азербайджан, пошли на север, на русские княжества через Дербентские ворота, а во время войн между иранскими Иль-ханами и монголами Золотой Орды, осевшими в низовьях Волги, Каспийское побережье стало главной дорогой для воюющих армий. В XVIII в. Петр Великий предпринял первую Закавказскую экспедицию со своей модернизированной на западный манер армией, повторив путь своих варяжских предшественников.

Путь вдоль берега Каспийского моря всегда имел первостепенное значение, проистекавшее из стратегического единства Каспийской области и дельт рек Волги и Куры-Аракса, которые впадают в это внутреннее море.

На Кавказе существуют и другие перевалы; самыми известными из них являются Мамисонский (Военно-Имеретинская дорога), соединяющий верхнюю долину Ардона, притока реки Терек, с долиной Риони, а также Клухорский (2816 м), позволяющий попасть из долины реки Кубань в долину реки Кодор. Главный хребет пересекают еще около 70 других дорог и троп, часть из которых проходима только для вьючных животных, а другие – для людей, идущих цепочкой. Многие из них свободны от снега лишь два или три месяца в году.

В Закавказье, расположенном южнее Главного хребта, сохраняется то же диагональное деление на западную и восточную части. Малый Кавказ (Сурамские, или Мешкианские, горы) протягивается под прямым углом к главной цепи, образуя хребет с высотами от 1525 до 1830 м и соединяя Большой Кавказ с Армянским нагорьем. Западнее Сурамских гор расположен бассейн реки Риони, представляющий собой древнее дно Черного моря и при-

надлежащий по климатическим и природным условиям к Понтийскому региону. Восточнее Малого Кавказа реки Кура и Араке, стекающие с высокогорного Армянского плато, орошают засушливые степи Азербайджана. Эти степи, подобно Калмыкским, расположенным севернее Главного хребта, являются частью Арало-Каспийской низменности.

Хребты, образующие «периферийную гряду» Армянского плато, протягиваются параллельно Главному Кавказскому хребту в общем направлении с юго-востока на северо-запад. Эти хребты являются продолжением Эльбурской цепи, которая представляет собой соединительную складку между центральноазиатским комплексом горных цепей и кавказско-армянской системой. Продолжением Армянской «гряды» являются Понтийские Альпы, которые образуют южную пограничную стену Черноморского бассейна. С точки зрения стратегии горные цепи, расположенные между Персидским Эльбурсом и Понтийскими Альпами, представляют собой вторую горную стену, проходящую параллельно Главному Кавказскому хребту и прикрывающую подходы с Евразийской равнины к Иранскому нагорью и Месопотамской низменности. Эти цепи образуют обширное высокогорное плато со средними высотами 2135–2440 м: «озерную область» в районе истока Куры; Карское плато; Зангезур и Карабах – к северу от реки Араке и Карадаг – к югу от этой реки. Над плато возвышаются изолированные горные массивы Алагёз (4095 м) и Арарат (5165 м).

Периферийный хребет Армянского нагорья пересекают долины рек Кура и Араке, которые впадают в Каспийское море, и долина реки Чорох, впадающей в Черное. От хребта отходят несколько горных цепей, протягивающихся в целом с запада на северо-восток.

Таким образом, долины Куры, Аракса и Чороха образуют естественные проходы между этими цепями (а не поперек их): Ешил-Ирмак – Келкит-Ирмак – Чорох, Верхний Евфрат (Фират) – Араке – Кура, Восточный Евфрат (Мурат-Су).

Из одной диагональной цепи можно попасть в другую с помощью ограниченного числа седловин, которые обычно позволяют подняться к верховьям какого-нибудь притока одной из крупных рек. Наиболее известными являются речные долины, пересекающие Понтийские Альпы от Трабзона на Черном море до Эрзерума, который лежит позади хребта, разделяющего Евфрат и Араке. Зиганский и Вавукский перевалы (оба находятся на высоте более 1830 м) соединяют Трабзон с Байбуртом, который стоит в долине реки Чорох. По Коп-Дагской седловине проходит дорога через водораздел рек Чорох и Кара-Су, северного русла Евфрата. Другие седловины соединяют нижнее течение Чороха с верхней Курой, приток Чороха Ольты-Чай – с Кара-Чаем и Арпа-Чаем (притоками Аракса) и их же – с верхней Курой, а также долину Аракса – с долиной восточного Евфрата (Мурат-Су).

Война на границе Кавказа и горных цепей, прикрывающих подходы к Иранскому и Анатолийскому нагорьям, носила характер горной войны: это битвы за перевалы и ущелья, после которых следуют атаки на укрепленные пункты, контролирующие главные линии коммуникаций, проходящие по речным долинам. Трудности транспортировки и снабжения войск заставляют воюющие стороны использовать относительно небольшие армии, привычные к суровому климату Армянского нагорья. Опыт предыдущих войн показал, что даже после потери перевалов, контролирующих коммуникации, укрепленные пункты вполне могут выдержать длительную осаду, поскольку враг не имеет возможности подвозить тяжелую артиллерию и припасы, необходимые для продолжения этой осады (Карс, 1855 г.; Эрзерум, 1877–1878 гг.). Во время Русско-турецких войн крепости сдавались в основном из-за голода (Карс, 1855 г.) или брались в результате внезапного штурма (Карс, 1877 г.; Эрзерум, 1916 г.).

Главным уроком нескольких Русско-турецких войн, которые велись на одной и той же территории и в сходных климатических условиях, стало понимание того, что с каждой новой кампанией способность солдат терпеть и побеждать трудности, возникавшие из-за суровых

природных условий, увеличивалась (сравните операции против Эрзерума зимой 1877/78 и 1915/16 гг.).

Кавказ, преграждавший путь евроазиатским кочевникам в древние цивилизованные страны Среднего Востока, можно сравнить с Альпами, которые вставали барьером на пути завоевателей, живших на Европейской равнине к северу от них и мечтавших покорить средиземноморские страны. Аналогичным образом, подобно тому как Савой и Ломбардская долина стали аренами сражений народов Средиземноморья, так и Армянское нагорье и долины рек Риони и Куры, расположенные в огромных ложбинах Закавказья, были природной ареной битв сменявших друг друга «мировых держав» Среднего Востока. Историческая граница между Римской империей, владевшей бассейном Черного моря и Анатолийским плато, и сменявшими друг друга иранскими империями (Парфянской и Сасанидской), проходит по Сурамскому хребту. Каждая сторона стремилась контролировать свой склон Сурамской «стены». В VI–VII вв. Лазика и Иверия (Западная и Восточная Грузия по обеим сторонам от Сурама) стали сценой «мировой войны» между двумя империями-соперницами – Византией и Сасанидской Персией. А в третьей декаде VII в. император Геракл в ходе войны в Закавказье совершил героический переход через перевалы Загроса и спустился к сасанидской столице в Месопотамии.

Естественной линией разграничений между странами, контролировавшими Понто-Анатолийский и Каспийско-Иранский регионы, были Сурамский хребет и главный хребет Загроса, который тянется на юго-восток. Между крепостью Ахалцихе («Новый замок» – по-грузински), стоящей в самом начале Куринских ущелий, и горой Арарат, центром Армянского «узла», граница проходила по рекам Ахалкалакис-Дзгали («Вода нового города» по-грузински), Арпа-Чай («Ячменная река» по-турецки) и среднему течению Аракса. Хребты Арсиани-Саганлуг и Агры-Даг защищали территорию Анатолии. Бастионами, охранявшими Восточное Закавказье, были Сомхетские горы (по-русски «Мокрые горы»), массив Алагёз и огромный комплекс Шах-Дата и Кара-Дата, расположенных восточнее и юго-восточнее озера Севан. По этим горам в 1636 г. на Кавказе была проведена граница между Турцией и Персией.

Во время турецко-персидских войн XVI–XVIII вв. крепость Карс всегда была передовой базой во главе великой Анатолийской магистрали Сивас – Эрзинкан – Эрзерум. Значение Карса заключалось в том, что он контролировал двойную турецкую крепость в Ахалцихе, позволяя туркам быстро наступать по ущельям Куры до Гори и вдоль притоков этой реки, которые впадают в нее в среднем течении. Эта линия наступления позволяла обойти Сурам и создать угрозу Тифлису. Этот город контролировал все среднее и нижнее течение Куры и служил ключом к Восточному Закавказью вплоть до самого Каспия. Карс открывал путь на Тифлис и потому считался «ключом к Закавказью».

На персидской стороне крепость Ереван, расположенная у подножия большого горного массива, раскинувшегося вокруг озера Севан (по-армянски «Севан», по-турецки «Гёк-Чай», «Голубая вода»), контролировала долину Аракса и угрожала с фланга любому наступлению из Карса в сторону Тифлиса вдоль притоков Куры. Войска, вышедшие из Еревана и преодолевшие перевалы Агры-Дага, могли, во-первых, перерезать коммуникации между Ваном и Эрзерумом, а во-вторых, угрожать области озера Ван и пути, идущему через Битлис в Диярбакыр и к верхнему течению реки Тигр. Так можно было обойти главный барьер Загроса и труднодоступный перевал Котур, прикрывавший Ван.

В целом по линии, проходившей по Сураму, Ахалкалакис-Дзгали, Арпа-Чаю, Араксу и Загросу, до самого конца XVIII в. шла граница между двумя державами Среднего Востока – Османской Турцией и Персией. Обе этих мусульманских страны проводили политику непрямого правления на кавказской границе. Местные правители Восточного Закавказья: цари Картли и Кахетии (Восточная Грузия) и различные армянские мелики и татарские ханы –

зависели от Персии; западные же властители: черкесские вожди, грузинские князья Имеретин, Мингрелии и Гурии, мусульманские грузинские паши Ахалцихе и мусульманско-грузинские деребейлеры («господа долины») Аджарии и Лазистана хранили верность султану. Мусульманские князья Грузии были самыми упорными противниками русских в ходе войн начала XIX в.

Кура-Аракский эстуарий с его богатыми пастбищами, расположенными в Муганской степи, и соседние летние пастбища в высокогорьях Карабаха и Месхинского озерного района были прекрасной базой для конных армий азиатских кочевников. Именно отсюда монголы начали свое завоевание долины Волги и Восточно-Европейской равнины. Позже Россия использовала огромную дельту Волги в качестве базы для своего наступления на страны Среднего Востока и (частично) для завоевания коренных земель кочевников в Центральной Азии.

На русскую историю огромное влияние оказало наличие двух морских бассейнов, лежащих по обеим сторонам Кавказского перешейка: Черного и Каспийского морей. Греческая цивилизация, развивавшаяся в бассейне Понта, распространялась вверх по рекам, впадавшим в Черное море, окрашивая всю жизнь первого Русского государства на Днепре со столицей в городе Киеве в X–XII вв. Аналогичным образом восточное влияние (арабское, еврейское и турецкое) шло с Каспийского моря вверх по Волге. Древние волжские государства: Хазарское, Кипчакское и Татарское (Золотая Орда) – были по своему характеру преимущественно восточными. Московия, возникшая в XV и XVI вв. между верхним течением Дона и средним течением Волги, стала синтезом двух старых, уходящих в прошлое миров: православной Византии и татаро-монгольского государства, которые развивались и пришли в упадок под влиянием исламской Персии и Китая. Московия как страна и цивилизация, возникшая на реках Восточно-Европейской равнины, стала совершенно новым историческим явлением, которому самой судьбой суждено было усовершенствовать и преобразовать соседние, более древние, сообщества.

Перед тем как превратиться в европейскую державу, имевшую выход к Черному и Балтийскому морям, Московия подчинила себе людей, живших в бассейнах великих евразийских рек: северных вроде Печоры, которые впадают в Северный Ледовитый океан, и Волги, несущей свои воды во внутреннее Каспийское море, за которым располагаются внутренние районы Азии.

Главными людьми, продвигавшимися с верхнего Дона и Средней Волги к Каспийскому морю, на Кавказ и в степи Центральной Азии, были казаки. Они сохранили многие старинные обычаи и служили военным и колониальным целям России – весьма своеобразное и оригинальное проявление русского гения.

К концу XVI в. русские сумели утвердить свою власть на Волге и отразили попытку турок остановить их продвижение на юг (1569–1570). В течение следующего века донские казаки попытались выдавить турок с берегов Азовского моря, а на Каспийском побережье терские казаки поставили свои крепости на реках Терек и Сунжа. Здесь они вошли в контакт и конфликт с многочисленными и воинственными мусульманскими племенами Чечни и Дагестана.

В 1722 г. гражданская война в Персии подтолкнула императора Петра I к вторжению на побережье Каспия. Первая регулярная армия, обученная по европейскому образцу, которая действовала на Кавказе, была переправлена из устья Волги в устье Терека по морю. Петр без особых трудностей занял всю страну южнее Дербента до ханства Куба (севернее Баку). Русские войска высадились также на южном берегу Каспийского моря в персидских провинциях Гилян и Мазендеран. Однако неблагоприятные погодные условия на Каспии и вспыхнувшие эпидемии помешали дальнейшему продвижению войск Петра I. Смерть императора, за которой последовали изменения в политике России, а также создание мощной

военной диктатуры Надир-шаха в Персии отложили русскую экспансию на берега Каспия еще на полвека. Кампания 1722 г., однако, показала возможность относительно быстрого обхода главной горной цепи Кавказа по берегу Каспийского моря.

В 30–40-х гг. XVIII в. иностранные советники императрицы Анны Иоанновны Миних и Ласси ввели в императорскую политику систему казачьего продвижения на новые земли и их колонизацию, превратив эти полу анархические отряды в инструмент хорошо продуманной дальновидной политики. Создавались казачьи «линии» – станицы (военные поселения, связанные между собой крепостями). Среди них были Оренбургская линия, расположенная в степях за Уралом, направленная на защиту границ от казахов, Украинская линия, находившаяся между Днепром и Донцом, призванная оборонять только что заселенные южные земли России от вторжений крымских татар, и Кавказская линия, построенная сначала вдоль Терека и соединившая эту реку с низовьями Дона. Одновременно на Кавказе русские усилили свое влияние на грузинских царей Картли и Имеретин и заключили выгодный союз с кабардинскими князьями – черкесской знатью, управлявшей смешанным черкесско-татарским населением и контролировавшей северные склоны Главного Кавказского хребта – от верховьев Кубани до Терека. Союз с Кабардой позволил России изолировать черкесские поселения на берегах Кубани и побережье Черного моря (находились под влиянием Турции) от дагестанских племен, остававшихся в определенной степени в сфере интересов Персии.

Чтобы лучше понять политическую стратегию, на фоне которой проводились военные операции на Кавказе, необходимо рассказать о той роли, которую сыграли в истории Среднего Востока жившие на Кавказе народы.

Черкесы представляют собой народ, который в прежние времена населял гораздо большую территорию, чем сейчас. Черкесские названия встречаются во многих местах Украины, например Псёл (от черкесского «псе», что означает «вода») и Кременчуг. Много черкесов до XVIII в. проживало в Крыму; они населяли большую часть Северо-Западного Кавказа и бассейн реки Кубань до того, как эти земли в середине XIX в. были завоеваны Россией. В старых русских документах казаков часто называли черкесами; несомненно, что в жилах людей разных национальностей, проживавших на Северном Кавказе и побережье Черного моря до самого Днепра, течет черкесская кровь². Но это только один аспект широкого расселения черкесов. В классические времена и в Средние века продажа невольников была привычным источником снабжения цивилизованных стран рабочей силой. Таким образом, она способствовала непрерывному процессу перераспределения людских ресурсов по разным территориям. Черкесские рабы и воины очень ценились в Византии и исламском мире; они прославились под именем «мамлюки», которые управляли Египтом с конца Средневековья до Наполеоновских войн. Мамлюкская армия представляла собой, по сути, иностранный легион, который пополнялся за счет жителей Западного Кавказа и донских степей³. Мамлюки сохранились в Судане после того, как Мехмет Али вырезал весь каирский гарнизон. Одной из главных причин завоевания Судана египетским наместником стала его боязнь того, что мамлюки смогут провести реформы и создать не уступающее по силе Египту государство в верховьях Нила. Последние остатки мамлюков бежали в Дарфуи и Вадаи, и мне говорили, что там еще изредка встречаются их потомки.

Осетины, которые проживают в центральной части Кавказа по обе стороны от Водораздельного хребта, антропологически весьма разнообразны, но говорят на языке, близком по своей структуре к индоевропейским языкам. Вполне возможно, что они представляют собой остатки германцев, странствовавших по южнорусским степям в первые века н. э. Осе-

² Сравните с работой Ключевского, которая показывает, что в населении Волжского бассейна и Северной России присутствует ярко выраженный финский элемент.

³ Именно мамлюки первыми разгромили монголов в сражении при Айн-Джалуте (1260), одной из решающих битв всемирной истории.

тины были в целом настроены дружелюбно к России, и их проживание по обе стороны водораздела и вдоль Военно-Грузинской дороги позволило сравнительно бескровно распространить российское влияние к югу от центральной горной цепи⁴. Турецкий историк Тоган полагал, что народ ас-аланов населял степи на северном и восточном побережье Каспия до начала Средних веков, и в своей работе *Turkistan Taribi* (1929) выдвинул теорию о том, что в этническом составе огузов (тюркманов) присутствовал и аланский элемент. Вернадский в своей книге «Древняя Русь» писал, что ас-аланский элемент сыграл очень важную роль в древней русской истории.

Различные племена Дагестана (по-турецки «Горная земля») имеют смешанное происхождение. *Чеченцы*, населяющие буковые леса северного склона Восточного Кавказа, между долинами Терека и Суньи, отдаленно связаны с другими автохтонными⁵ кавказскими народами. Их племенная жизнь была построена на принципах демократии – почти анархической по своему характеру, в отличие от иерархической организации черкесов. Это сделало их сильными противниками казаков, чью социальную структуру они, как говорят, во многом переняли.

Анды и *авары* самого Дагестана, быть может, произошли от древних народов Малой Азии и Закавказья, представители которых в свое время бежали в Дагестан. Аваров отождествляют с древними албанцами, которые когда-то населяли долины в низовьях Куры и Аракса. Среди племен Дагестана класс землевладельцев, происходивший в основном от татарских завоевателей, составлял консервативный элемент, который в первую половину XIX в. находился в оппозиции к народному вождю Шамилю и часто принимал сторону императорских властей в поисках поддержки правительства России, желая сохранить свои привилегии.

Нельзя не сказать и об арабах, живших в Дагестане и по всему мусульманскому Закавказью. Под их влиянием сформировалась культура современных народов этих областей. Арабский халифат, который, по сути, был наполовину иранским, в VII–XI вв. управлял Восточным Кавказом – примерно столько же, сколько римляне правили Британией. Даже после революции 1917 г. арабский язык оставался в Дагестане языком религии и культуры.

Грузины – самый многочисленный и одновременно самый цивилизованный народ Закавказья⁶. Этот необычайно талантливый народ создал блестящую средневековую культуру, имеет свою оригинальную литературу и искусство.

Западные грузины говорят на мингрельском диалекте грузинского языка; их по традиции относят к свано-колхидской группе. В нее входят сваны, живущие на южном склоне Главного хребта (в долинах верхнего течения рек Кодор и Ингур), мингрелы и имеретинцы, населяющие бассейн Риони, а также акары и лазы Понтийских Альп. В свано-колхидскую группу входят потомки наиболее примитивных народов Кавказского перешейка. На побережье Черного моря (среди абхазов, отличающихся и от свано-колхидцев, и от черкесов) встречаются длинноголовые и негроидные элементы.

Восточные грузины (картлийцы, кахинцы и месхинцы) – это потомки древних народов, переселившихся в долину Куры из Малой Азии в VII – V вв. до н. э. Географические

⁴ Осетины называли себя «осами» или «асами» («железными»). Слово «осете» происходит от грузинского названия места их проживания «Ос-ети» («Земля особ»). Осы дали свое имя морю Асов (Азовскому), а их средневековое название «аланы» вошло в название Дарьяльского ущелья (от персидского «Дар-и-Алан», «Аланские Ворота»).

⁵ *Автохтонный* – образовавшийся на месте нахождения.

⁶ В начале XIX в. грузин было не более 700 тыс. человек. Черкесов, численность которых сильно уменьшилась из-за эпидемий чумы, а позже – за счет миграций, насчитывалось примерно 600 тыс. человек. Численность племен Восточного Кавказа во времена мюридских войн составляла около 500 тыс. человек. Сейчас грузин – более 3 млн, а число армян увеличилось с менее миллиона до двух.

названия в Понте и Каппадокии свидетельствуют, что племена картло-месхинской группы в древности населяли гораздо более обширные территории, чем в наши дни.

Между грузинами и курдскими народами могут быть дальние расовые связи⁷. Курды – это многонациональный народ. Язык курманси ученые считают индоевропейским, но Василий Никитин и другие доказали, что в нем содержится много неевропейских элементов. Среди курдов часто встречаются люди нордического типа. В то же самое время зазы Дерсима представляют собой автохтонный народ, который не является чисто курдским, а сохранился с более древних времен. Курдские племена занимаются овцеводством; они населяют горы Антитавр и Тавр и на севере доходят до верховьев Евфрата и Аракса, а на юге – до Загроса. Многовековой антагонизм между кочевниками и оседлыми племенами породил их конфликт с армянами, которые расселились по всей территории между Средиземноморским Тавром и Курой.

Армяне (которые называют себя «хайхами») являются потомками более поздних переселенцев в Малую Азию. Они явились сюда, вероятно, одновременно с приходом месхийцев и иберов в долину Куры. Армянский язык относят к индоевропейским, однако профессор Николай Марр и другие специалисты, изучавшие этот язык, доказали, что в нем присутствует много элементов праиндоевропейских языков.

В физическом отношении между народами Малой Азии и Кавказского перешейка не существует больших различий.

«Тот особый тип людей, который является коренным для этих мест, так называемый автохтонный – «от земли» – это постоянно возрождающийся, подчиняющий себе новых хозяев тип. Сложен такой человек очень крепко, имеет массивную «квадратную» голову, густые вьющиеся волосы и бороду, большие темные глаза и бледную желтоватую кожу. Этот тип приспособился к жизни в этих горах со времен ледникового периода. Его называют армянским, а точнее, альпийским типом; он расселился по Европе в доисторические времена и занял весь пояс гор до самых Пиренеев, а также Иран и Памир. Он просочился через Палестину в Египет, закрепившись, как и все другие типы, в основном в тех местах, которые по своим условиям напоминали его родину. Все крестьяне Западной Азии, не важно, как их называют – грузинами, армянами или турками, – относятся к этому автохтонному народу – «от земли»⁸.

Аридные долины и плато Восточного Закавказья являются западной оконечностью Арало-Каспийской низменности, поэтому они населены турецкими или татарскими народами (эти два названия взаимозаменяемы), родственными по языку и образу жизни тюрко-татарам Центральной Азии. Жители Азербайджана (*азеры*) говорят на тюркском языке, родственном диалектам Анатолии, Крыма и тюркоговорящих областей Персии – включая Южный Азербайджан, Хамадан и Хорасан. Эта форма тюркского языка произошла от языка тюркских племен закавказских степей и отличается от восточнотюркского (чагатау), на котором говорят узбеки и (с определенными изменениями) казахи и киргизы Центральной Азии. Лингвистическое влияние закаспийских тюрков (огузов) всегда очень сильно ощущалось среди западных турок. От тюрков произошли сельджуки, османы и другие более поздние кланы вроде Черных и Белых Овец (Кара и Ак Коюнлы), а также афшары и касары, которые руководили политической и военной жизнью Ирана и Анатолии последние девять столетий.

Азерские турки являются приверженцами персидских шиитов (в отличие от суннитов османов и суннитских племен Дагестана). Азербайджан, по сути своей, был местом, где

⁷ Классическое название «Кардухой» («Кард-ух-ой») Ксенофона состоит из грузинского корня «Карт», к которому добавлены армянский и греческий суффиксы множественного числа. Те элементы среди курдов, которые не относятся к индоевропейской семье, представляют собой остатки преиндоевропейских и несемитских народов, которые когда-то населяли весь Кавказ и Малую Азию, а также всю территорию до Персидского залива.

⁸ Цитата взята из книги У.Э.Д. Аллена «История грузинского народа».

зародилось шиитское возрождение, и родиной великой суфистской династии шахов Сафави, которые сами имели турецких предков и говорили на турецком языке.

С древних времен, когда иранские Сасаниды владели Дербентом, защищавшим их земли от северных кочевников, культура Восточного Закавказья находилась под сильным влиянием Ирана. Некоторые турецкие элементы проникли сюда вскоре после эры хиджры⁹. Один из арабских географов XIX в. описывает типично тюркский физический тип и сравнивает грубый диалект Азербайджана с диалектом Хорасана. Следует отметить, что если волжские и крымские татары находились под сильным влиянием своих русских соседей, а турки Анатолии тянулись к средиземноморскому миру, то культура кавказских турок, как и турок Центральной Азии, была в значительной степени иранской. Туранский и иранский миры в течение двух тысячелетий, а может, и дольше испытывали взаимное влияние и подвергались всякого рода лингвистическим и культурным заимствованиям. В недавние времена, когда соседние тюркские группы привлекала древняя цивилизация Ирана, тюрки составили значительный процент в населении Персидской империи, а мощные кланы вроде шахсенов («любящих шаха») в Карадаге всегда составляли ядро вооруженных сил сменявших друг друга персидских династий, которые сами часто были тюркского происхождения¹⁰.

Турки и персы были людьми с имперским мышлением, однако Турция как военная держава оказалась более сильной, чем Персия. В XV в. турки-османы возродили классический тип «мировой державы» на Среднем Востоке. История продвижения Российской империи в Азию – это постоянная борьба за установление контроля над бассейнами Черного и Каспийского морей, которая разгорелась между этой классической мировой державой и новой империей, возникшей на Восточно-Европейской равнине. Современная Российская империя в виде Союза Советских Республик представляет собой смесь славянских, тюркских и кавказских народов.

Кавказ, который к середине XVIII в. стал ареной героической борьбы между старыми державами Среднего Востока и новыми евро-азиатскими странами, представлял собой пограничную зону, в которой развивались и разлагались самые разные социальные формы. Здесь древние империи Турции и Персии вступили в контакт с новой, полувосточной империей Романовых; здесь, на недавно захваченных землях анархические сообщества казаков и группы великорусских крестьян и даже немецких сектантов создавали свои поселения. Здесь существовали иерархические кланы черкесов и демократические хищнические семьи чеченцев, фанатичные племена Дагестана и феодальные мусульманские господа Месхиды и Акарстана, деревенские княжества Западной Грузии и мозаика миниатюрных городов-государств, которые объединил в единое царство Ираклий II Картлийский и Кахетинский¹¹. Города, расположенные на берегах Куры и Аракса, а также Дербент, Баку, Шеки и Шемаха, имевшие своих независимых ханов, обладали, подобно Тебризу и Ахалцихе с их формально независимыми губернаторскими и мощными купеческими корпорациями, многими чертами городов-государств, в противовес деревенским княжествам Западной Грузии и племенных горных областей.

В великой борьбе между русскими и турками, которая с 1769 по 1774 г. развернулась на берегах Черного моря – от Балкан до Кавказа, турки пытались ослабить ту хватку, с которой русские вцепились в перевалы Центрального Кавказа, опираясь на свой союз с Кабардой. Однако все усилия турок оторвать Кабарду от России и та поддержка, которую они оказы-

⁹ Проникновение тюрко-монгольских элементов в Анатолию и на Кавказ началось еще в глубокой древности.

¹⁰ Низами (1140/41 – ок. 1198), один из многих азербайджанских поэтов, обогативших персидскую культуру, родился в Гяндже. Он прославился в то же самое время, когда и знаменитые грузинские поэты Шота Руставели и Саргис Тmogвели, находившиеся под влиянием персидской литературной традиции. Фузули (? – ок. 1556), один из наиболее лиричных турецких поэтов, одинаково хорошо писал на азербайджанском и персидском языках, как и его современник, Исмаил Первый.

¹¹ Тифлис, Гянджа, Ереван и Нахичевань тоже входили в состав владений Ираклия.

вали черкесам и чеченцам в их борьбе против Кавказской линии, в конце концов ни к чему не привели. Русским удалось овладеть Дарьяльским ущельем (по которому они, не откладывая дела в долгий ящик, проложили дорогу, пригодную для экипажей), а в следующую кампанию русско-грузинские войска пересекли Сурам, заняли Кутаиси, столицу Имеретинского царства, и осадили турецкую крепость Потти. Другое подразделение двигалось по Куринскому ущелью в направлении турецкой крепости Ахалцихе (по-турецки «Ахиска»).

В результате Кучук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. Кабарда и Осетия перешли под власть России. Военно-Грузинская дорога была отремонтирована и защищена укрепленными постами. В 1783 г. восточногрузинские царства Картли и Кахетия заключили с русским царем договор; одновременно успешный поход против племен Дагестана привел к временной оккупации Дербента русскими. Кавказскую линию укрепили, а от Ростова-на-Дону проложили новую линию до Моздока, расположенного на реке Терек. В ее состав вошли десять крепостей и многочисленные станицы, населенные казаками и специально перевезенными сюда крепостными. Суворову было приказано создать Кубанскую линию – от устья Кубани до станицы Кавказской, стоявшей на Кавказской линии. Укрепленные посты, созданные полководцем, не позволили черкесам форсировать Кубань и соединиться с ногайской и калмыкской ордами, кочевавшими в степи. Многие тысячи кочевников заставили позже уйти в Заволжье, а на степных землях между Доном и Кубанью поселились русские крестьяне. Во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Турция предприняла последнюю попытку выбить русских с Северного Кавказа. Сценой кровопролитных боев стала турецкая крепость Анапа, контролировавшая устье Кубани и Керченский пролив. Только в последний год войны русским удалось взять ее штурмом. Прошедший маршем от побережья до верховьев Кубани с большой ордой турок и черкесов Батал-паша был разбит относительно более слабыми силами русских около города, который долгое время носил его имя¹².

В результате двух Русско-турецких войн второй половины XVIII в. Россия твердо укрепила на речных линиях к северу от Главного хребта, а ее влияние и частичный контроль распространились на Кабарду и Осетию, а также на грузинские княжества Кахетию, Картли, Имеретию и Мингрелию, расположенные южнее этого хребта. Таким образом, русские перевалили за водораздел, поставив под свой контроль Мамисонский и Дарьяльский перевалы. Турки сохранили свое влияние среди мусульман черкесов и абхазов и удержали крепости, которые давали доступ к западной части Кавказа – Потти, Анаклии и Сухуми.

В восточной части Кавказа возрождение военной мощи Персии под властью Ага-Мухаммед-хана (основателя тюркской Кайсарской (Каджарской) династии, которая правила страной с 1795 по 1925 г.) привело к попытке восстановить древнюю персидскую власть над долиной средней Куры. В 1795 г. персы захватили и разграбили Тифлис и заняли большую часть Картли и Кахетии, но в следующем году, в ходе объединенных сухопутных и морских операций из Астрахани Россия без труда овладела всем Восточным Закавказьем. Был захвачен Дербент, после него – ханства Куба и Баку, а потом – Ширван (Шемаха), Шека (Нуха) и Карабах (Шуша). Овладение последним позволило России подойти к периферийному хребту Армянского нагорья. Русские войска овладели Гянджей, главным центром ислама в Закавказье. Они дошли до реки Араке, и перед ними открылся путь на Ереван и Тебриз. Война, выигранная малыми силами, выявила реальную слабость двух мусульманских держав Среднего Востока, и перед Россией открылись великолепные перспективы. Но тут умерла Екатерина II. Ее преемник Павел I не собирался продолжать политику матери и приказал войскам отступить к Кавказской линии. Однако возобновившиеся атаки на Кахетию из Дагестана в 1801 г. заставили Грузию войти в состав Российской империи.

¹² Баталпашинск, теперь – Черкесск.

В последующее десятилетие конфликты с Турцией и Персией продолжались параллельно с Наполеоновскими войнами.

В 1812 г. Россия заключила с Турцией Бухарестский мирный договор, по которому она получила контроль над всем бассейном реки Риони к западу от Сурама, а также над Абхазией, вдоль юго-западного склона Главного хребта, упиравшегося в Черное море. На Мингрельском побережье турки сумели сохранить форт Потти, к тому же им была возвращена расположенная севернее сильная крепость Анапа. Они по-прежнему удерживали Ахалцихе и Ацхур, крепости, контролировавшие долину Куры и угрожавшие дороге через Сурам из Кутаиси в Гори. Таким образом, пока туркам принадлежало Черноморское побережье от Анапы до реки Бзыбь, а также верховья Куры, русское завоевание Закавказья нельзя было считать окончательным.

В 1813 г. Гюлистанский договор с Персией закрепил власть России над Каспийским побережьем – до самого Ленкоранского ханства. Однако персы удержали за собой Ереванское и Нахичеванское ханства, откуда они могли быстро пройти вверх по долинам рек Акстафа и Борчалу к Тифлису и долине среднего течения Куры. А поскольку на западе оставались еще незавоеванными горы Черкесии, грозный Дагестанский массив, расположенный на востоке и населенный гораздо более воинственными и, несомненно, более фанатичными племенами, сопротивлялся всем попыткам России покорить его.

Дагестану суждено было стать главной военной проблемой Российской империи в последующие 50 лет.

В 1921 г. честолюбивые замыслы персидского валихада Аббас-Мирзы под влиянием России обратились на завоевание турецких территорий. Благодаря этому русским удалось разрушить намерения Британии объединить оба мусульманских государства для противодействия Российской империи. Персы на короткое время овладели Баязетом и Карсом, однако британские дипломаты сумели восстановить прежнее положение вещей.

В 1826 г. до Персии дошли слухи о смерти Александра I и внутренних беспорядках в России, и беспокойный персидский правитель, который неспособен был предвидеть будущее, решил нарушить условия Гюлистанского мирного договора. Мусульмане Ленкорани и Карабаха восстали, а Гянджа открыла Аббас-Мирзе свои ворота. Сначала русских встревожила перспектива священной войны, но персы в Гяндже были без труда разбиты, и весной 1827 г. генерал Паскевич начал кампанию, в ходе которой Восточное Закавказье окончательно перешло к России. В июне русские начали осаду Еревана, а полевые войска в это время, пройдя по долине Аракса, заняли Эчмиадзин (священный для всех армян город, в котором находилась резиденция их патриарха), овладели ханством Нахичевань и приграничным фортом Аббасабадом, который защищал дорогу в Тебриз.

Аббас-Мирза неудачно маневрировал крупными силами (около 30 тыс. человек), в основном, нерегулярной конницей. В сентябре пал Ереван, 15 октября русские вошли в Тебриз, а после неудачных мирных переговоров в январе 1828 г. они овладели Дилманом, Урмией и Ардабиллом. Дорога на Тегеран была открыта.

После заключения Туркманчайского мира 18 февраля к России отошли Ереванское и Нахичеванское ханства, располагавшиеся к северу от реки Араке, и ханство Талыш, находившееся южнее места впадения Куры-Аракса в Каспийское море.

Таким образом, русские закрепили за собой все Восточное Закавказье. Их военнополитическая стратегия, которой они придерживались с 1722 г., заключалась в том, чтобы обойти с флангов Главный хребет Кавказа. Он так и остался незавоеванным: на западе – от Таманского полуострова до истоков Кубани и Ингура, на востоке – от верховьев Терека до подножий Дагестанских гор, выходящих к Каспию. Однако завоевание Каспийского побережья – от устья Терека до Дербента и Баку – в сочетании с установлением контроля над акваторией Каспийского моря позволило русским овладеть долинами Куры, Аракса и горными

массивами позади них (Сомхети, Шах-Даг и Карабах) еще до того, как они захватили Главный Кавказский хребет. Политический союз, заключенный с Кабардой, Осетией и Грузией, помог России выйти через Дарьяльское ущелье в долину среднего течения Куры, а дружба с Имеретией и Мингрелией отдала в их руки Сурамский хребет и позволила без труда завоевать бассейн Риони. Остались незавоеванными черкесы, но они были окружены с юга и севера и отрезаны на суше от своих турецких союзников – оставалась только связь по морю.

Туркманчайский договор устранил Персию с арены закавказской политики и лишил воинственные племена Дагестана возможности напрямую поддерживать связь с остальным исламским миром (и со всем внешним). Иран занимал доминирующее культурное и политическое положение на Кавказе в течение двух тысяч лет. Теперь кавказские мусульмане могли рассчитывать только на помощь Турции. Турки, которые в начале XVIII в. владели устьями всех рек, впадающих в Черное море, которые в 1711 г. заставили великого Петра капитулировать на реке Прут и до 1735 г. вели успешную оборонительную войну против союзных армий Австрии и России, теперь отчаянно пытались удержать перевалы, которые давали доступ во внутреннюю турецкую провинцию Анатолию. В течение столетия, прошедшего после Петровской кампании 1722 г., Главный хребет Кавказа утратил свою роль барьера, защищавшего земли Среднего Востока от вторжения с севера. Кавказ превратился в базу, благодаря которой Русская держава могла в политическом и военном отношении вести наступление на запад – через Анатолию к Средиземному морю, на юг – через Персию к Индийскому океану и на восток – через Каспий в сердце Азии.

Глава 2

Русско-турецкая война 1828–1829 гг.

Причины и цели Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. имели прямое отношение к европейской политике. Восстание в Греции и Наваринская битва дали России возможность свести счеты с Турцией, не опасаясь наконец интервенции западных держав.

В Азии цели русских заключались, во-первых, в изгнании турок с кавказского побережья и из крепостей Анапа, Поти и Батум, а во-вторых, в завоевании княжества Ахалцихе и установлении прочной границы.

Турецкая граница в 1828 г. проходила от Поти вдоль низовьев Риони, далее по Сурамским горам до пункта в Куринском ущелье, располагавшегося между Боржомом и Ацхуром, а оттуда – через район Месхийских озер к длинному ущелью Арпа-Чай. Теоретически князья Малой Азии могли выставить около 200 тыс. солдат регулярной и нерегулярной армии, однако военные ресурсы султана Махмуда II были истощены долгой войной с Грецией и гибелью янычаров, которых еще не успели заменить новым низамом (регулярным войском), находившимся еще в стадии формирования. Это было время господства великих пашей, и восточные районы Турции контролировались в основном пашой Ахалцихе, которому принадлежала вся область верхнего течения Куры до самой Ольты, и кланом Хипшиашвили (по-турецки «Химшиоджулар»). Это были мусульманские беи, которые управляли горным районом, лежавшим между Чорохом и гурийскими равнинами. Войска, которые эти мусульманские князьки могли выставить против русских, оказались гораздо многочисленнее турецкой регулярной армии.

Турки держали стратегическую границу, считавшуюся неприступной. Крепость Батум, защищенная с тыла крутыми лесистыми горами, прикрывала побережье и входила в состав линии укрепленных крепостей, протянувшихся от Трапезунда до Анапы. Крепость Ахалцихе¹³ с ее воинственным населением защищала долину Куры при входе в Боржомское ущелье, где мощный форт Ацхур также находился в турецких руках.

Южнее массива Чилдир-Акбаба главную дорогу через Арпа-Чай от Александрополя до Еревана прикрывала крепость Карс. Южнее Аладжинских гор крутое ущелье Аракса было непроходимо для больших армий, а линия Агры-Дага защищала правый фланг турецких войск, расположенных вдоль границы.

Однако Турция оказалась не так сильна, как казалась. Ее войска были распределены неравномерно. В Батуме и Поти стояли гарнизоны численностью 2 тыс. человек в каждом, в Анапе было 5 тыс.; 6 тыс. низамов и 4 тыс. нерегулярных войск сосредоточились в Ахалцихе, а еще по тысяче человек отправили в форты Ацхура и Ахалкалаки. В Эрзеруме и Карсе находились около 30 тыс. низамов и 10 тыс. нерегулярных войск. На правом фланге, в мощной крепости Баязет, стоявшей на горе, располагались 2 тыс. солдат гарнизона, а паша города Муш собрал еще 5 тыс. человек для обороны Вана. Турки имели много орудий, но ограниченный запас пороха, а некоторые пушки сохранились еще с тех времен, когда султан Мюрат I во второй четверти XVIII в. занимался реорганизацией обороны границы. Стены и рвы Карса и Ахалцихе были построены в начале XVIII в., а Карс несколько лет назад не смог отразить нападение персов.

Над осыпающимися стенами и заброшенными пушками приграничных городов зависала тень XVIII столетия. Яркие фигуры янычар, неряшливых и наглых, исчезли совсем недавно, и синие мундиры и красные фески гавуров (султанских регулярных войск) выгля-

¹³ До 1744 г. пашалык Ахалцихе был наследственным владением семьи Яге ли – грузинских мусульман, которые происходили от древних атабегов средневекового Грузинского царства.

дели еще совсем непривычно. Молодых черкесов и украденных гурийских крестьян по-прежнему собирали в Ахалцихе и отправляли пешком в Батум и Трабзон, где их грузили на корабли и везли на невольничьи рынки Стамбула и Александрии¹⁴.

Закаленная в боях с Наполеоном русская армия, офицеры которой имели 25-летний опыт войны на Кавказе, находилась в прекрасном состоянии. История непрерывных побед в борьбе с восточными народами придавала ученикам Ермолова и товарищам Котляревского уверенность в своих силах. Служба в Кавказской армии удовлетворяла амбиции самых отчаянных вояк в России, и о кавказских полках уже складывались легенды.

Русский генерал Паскевич имел под своим командованием 51 батальон регулярной пехоты, 11 эскадронов регулярной кавалерии, 17 полков кубанских и терских казаков, а также 154 пушки. Его армия насчитывала почти 60 тыс. человек, из которых примерно четверть была отправлена охранять крепости Северного Кавказа. Для боевых действий было отобрано 36 батальонов, 8 регулярных эскадронов, 13 казачьих полков и 112 орудий, которые располагались следующим образом:

Хоу-Джильфа (наблюдение за Персией)	Генерал Панкратов	6 батальонов, 2 казачьих полка, 16 орудий
Ереван (наблюдение за Баязетом)	Генерал Чавчавадзе	6 батальонов, 1 казачий полк, 10 орудий
Боржом (прикрытие Куринского ущелья)	Генерал Попов	2 батальона, 2 казачьих полка, 4 орудия
Кутаиси (действия против Гурии)	Генерал Гессе	8 батальонов, 1 казачий полк, 14 орудий
Гюмри (Александрополь)* (ударные силы)	Генерал Паскевич	15 батальонов, 8 эскадронов, 7 казачьих полков, 68 орудий

*Турецкий Гюмри был переименован в Александрополь в честь императора Александра I.

Кампания началась в мае, после того как турецкий гарнизон Анапы сдался соединенным силам Русского флота¹⁵ и войскам Кавказской линии.

Паскевич направил свой главный удар на Карс. Успешное нападение на эту крепость, по его расчетам, должно было отрезать турок, защищавших княжество Ахалцихе, от главной турецкой базы в Эрзеруме, где были сосредоточены припасы и подкрепления из Малой Азии и Трапезунда.

14 июня небольшая русская армия перешла пограничную реку Арпа-Чай; Паскевич разбил лагерь южнее Карса, где он мог нанести фланговый удар по войскам, которые решатся прийти на выручку этой крепости из Эрзерума. 17 июня сераскир Кёзе Мехмет¹⁶ и в самом деле отдал приказ выйти из Эрзерума и двигаться к Саганлугским горам, но в тот же самый

¹⁴ В 1828 г. Ахалцихе, главный невольничий порт на Кавказе, был самым большим городом в Восточной Турции после Эрзерума и Трапезунда. Гамба оценивал его население в 40 тыс. человек. В основном это были турки или грузины-мусульмане и несколько тысяч армян-христиан.

¹⁵ Русской эскадрой командовал адмирал А.С. Крейг (шотландец по национальности). Эта победа избавила Паскевича от опасения, что черкесы и турки, согласовав свои действия, ударят ему в тыл, как это случилось в ходе войны 1787–1791 гг.

¹⁶ *Кёзе Мехмет* – это «Киосса» Монтейта у русских авторов. Кёзе означает «безбородый» – совершенно неслыханная вещь для паши того времени. Кёзе Мехмет, вероятно, был евнухом, как и его ближайший современник, Ага-Мухаммед-хан, властитель Персии.

день русские заняли позицию на Каре-Чае, всего лишь в 6,5 км от крепости, преградив главную Эрзерумскую дорогу. У Паскевича еще не было осадных орудий, но он установил полевые пушки на высотах Шора, расположенных западнее Каре-Чая, откуда мог обстреливать город поверх его стен.

После артиллерийского обстрела русская пехота овладела пригородами Карса восточнее Каре-Чая, а утром 23 июня захватила стену, которая отделяла город от крепости. Турецкий командующий сдался вместе с двумя тысячами низамов и 150 орудиями, однако остальной части гарнизона удалось уйти. Русские потеряли менее 400 человек.

Кёзе Мехмет уже перевалил через Саганлугский хребет и остановился, поджидая русских. Паскевич выслал по Эрзерумской дороге сильный авангард, собираясь, однако, атаковать не Эрзерум, а Ахалцихе.

Обширная высокогорная долина Карса, которая должна была стать ареной предстоящих боев, расположена на высоте 1830–2440 м и занимает площадь около 18 тыс. кв. км. Со всех сторон ее окружают хребты. Холмистые склоны, покрытые густой растительностью, служили пастбищем для знаменитых табунов Гёле и Чилдира, а в конце лета и осенние месяцы представляли собой идеальное место для маневров кавалерии. В равной степени было очень трудно оборонять эту огромную равнину с помощью фортов и стационарных позиций. Во все века форты строились у входов и выходов на равнину: на северо-западе – в Ардануче и Ардагане, которые контролировали дороги, идущие через Яльнизчам-Даг в долину Чороха; на северо-востоке – в Ахалцихе, где Кура входит в длинное ущелье, которое тянется до самого Картли; на востоке – в Карсе, блокирующем разрыв между северным массивом Чилдир-Даг (Акбаба-Даг) и южным Аладжинским массивом.

С древнейших времен население этих мест было смешанным. До османского завоевания в XV в. грузины удерживали линию укрепленных городов и замков, которая протягивалась с запада на северо-восток от Тортума и Ольты до Ардагана и Ахалцихе. Карс и Ани на Арпа-Чае были городами-государствами, которыми управляли сначала армянские, а потом арабские, курдские, грузинские и турецкие князья. Но богатые земли, располагавшиеся между немногими городами с их крепостями, уже очень давно превратились в пастбища кочевых турецких племен (тюменлеров), которые постоянно воевали со своими оседлыми соседями¹⁷.

Простираясь с запада на северо-восток, длинный ровный хребет Яльнизчам отделяет Карскую равнину от долины Чороха и образует водораздел между бассейнами рек, текущих на север и впадающих в Чорох и Черное море, и на восток, в Куру. Питаясь многочисленными речушками, протекающими по живописным оврагам и болотам у основания массива Геле, который является осью хребтов Яльнизчам и Саганлуг, Кура после своей первой петли, обращенной на запад, течет далее на северо-восток, повторяя направление хребта Яльнизчам-Даг. Миновав Ардаган с его мрачной древней цитаделью, крутыми узкими улочками и прекрасным каменным мостом, Кура входит в крутое ущелье, которое отделяет северные отроги Чилдир-Дага от массива Докузпинар («Девять источников»), представляющего собой восточное ответвление Яльнизчам-Дага. В Хертвисе, приняв в себя воды Ахалкалакис-Дзгали (с грузинского «Вода Нового города»), Кура поворачивает на запад, где ниже Ахалцихе в нее впадают объединенные потоки Пософ-Чая и Квабловани. После этого она поворачивает на северо-северо-восток и течет по длинному Боржомскому ущелью.

Главная дорога из Ахалцихе идет севернее Куры до Ахалкалаки. После этого она поворачивает на запад и проходит по седловине между Чилдир-Дагом и Докузпинаром до Ардагана. Здесь она разветвляется: одна дорога идет на юго-восток к Карсу, другая – на северо-

¹⁷ В Карской области профессор Кафероглы обнаружил деревни Каракойунлы, Дюнбюллю, Касар, Байат и других хорошо известных турецких племен.

запад и запад от Зиярет-Дага к Арданучу и долине Чороха, а третья – на юго-запад по седловинам Геле к долине верхнего течения Ольты-Чая и Эрзеруму.

Переход из Карса в Ахалцихе через Ардаган был весьма опасен даже для хорошо снаряженных русских войск, которые превосходили своих врагов в дисциплине и боевой мощи. Расположившись на Саганлугских горах, сераскир занял фланговое положение по отношению к Ардагану, а многочисленные маневренные турецкие овцеводы, расселенные по широким долинам, в любую минуту могли прийти к нему на помощь. Паскевич принял смелое решение провести свою армию из Карса в Ахалкалаки по высокогорным седловинам, пересекающим горы Акбаба, которые высются на восточном берегу величественного озера Чилдир¹⁸.

Подготовка к Ахалцихскому походу заняла три недели. Для защиты Карса был оставлен генерал Бергман с шестью батальонами и мощной артиллерийской поддержкой, а Паскевич 17 июля с остальным войском вышел в свой трудный поход по высокогорьям Акбабы. Летом местные пастбища, привлекавшие кочевников со всей территории, расположенной между Араксом и Черным морем, покрывались густой травой и были усыпаны цветами, поэтому длинные караваны вьючных животных и лошади русских без труда могли обеспечить себя пропитанием.

Паскевичу потребовалось всего пять дней, чтобы преодолеть почти 130 км, отделявших Карс от Ахалкалаки-Дзгали. 25 июля он атаковал форт Ахалкалаки, где столкнулся с отчаянным сопротивлением гарнизона, который составляла тысяча лазистанских нерегулярных солдат. Из них сдалось в плен всего 300 человек, ради сохранения своей жизни. Хертвис, расположенный у слияния Ахалкалаки-Дзгали с Курой, был взят без единого выстрела. А тем временем было получено известие, что на северо-западе генерал Гессе овладел Потти и захватил 2 тыс. пленных и 40 орудий (15 июля). В первые дни августа Паскевич подошел к Ахалцихе.

Ситуация постепенно ухудшалась. Паскевич понадеялся на медленное передвижение турок с их большими нерегулярными войсками, которые обычно гнали с собой тысячи голов скота. Кроме того, их сопровождали толпы женщин и маркитантов¹⁹. Узнав об экспедиции Паскевича в Ахалцихе, Кёзе Мехмет перебросил свои войска с Саганлуга в Ардаган и далее, через перевал, соединявший Яльницам-Даг с Докуз-Пинаром, в направлении на Пософ-Чай. Почти одновременно с приходом Паскевича в Ахалцихе с юга к нему приблизились 35 тыс. турок.

Две трети турецкой армии составляли нерегулярные войска, которые имели всего 14 орудий. Но Паскевич, имевший 5 тыс. пехотинцев, 3 тыс. кавалеристов и 30–40 орудий (что по численности было меньше, чем один только гарнизон Ахалцихе), стал сомневаться, стоит ли продолжать эту операцию. Однако в этот момент он получил подкрепление – из Тифлиса к нему подошли 2,5 тыс. человек. Рассчитывая на помощь войск Попова, находившихся в Боржомском ущелье (4 батальона и 2 полка казаков), Паскевич решил дать сражение у стен Ахалцихе.

Кёзе Мехмет расположил свои войска в четырех лагерях по обоим берегам Пософ-Чая, ибо ему нужно было обеспечить свои многочисленные войска, маркитантов и скот водой и пастбищами. Турки вели себя пассивно и не смогли помешать русским занять Тавшанские

¹⁸ Это живописное озеро, на котором часто бывают сильные штормы, летом заполняется многочисленными пеликаньими стадами. Его положение на международной границе сделало его труднодоступным для путешественников. В 1021 г. неподалеку от этого озера произошла битва между византийским императором Василием Булгаробойцей и грузинским царем Георгием I. В 1578 г. Лала Мустафа-паша, завоеватель Египта, в том же самом месте разгромил персидскую армию хана Токмака.

¹⁹ В этом отношении турецкую армию 120-летней давности, до реформ Махмуда II и его прусской военной миссии, можно сравнить с абиссинской армией, сражавшейся в 1935–1936 гг. с Италией и участвовавшей в боях 1941 г. в качестве нерегулярных сил.

(по-турецки «Заячы») высоты, лежавшие между Ахалцихе и местом впадения Пософ-Чая в Куру. Не сумели они предотвратить и соединение войск Попова (прошедшего по Куринскому ущелью мимо турецкого форта в Ацхуре) с Паскевичем.

Утром 7 августа Паскевич, оставив часть своих войск охранять тавшанский лагерь, совершил храбрый маневр – вся его кавалерия, 5 батальонов пехоты и большая часть артиллерии обошли крепость, создав угрозу турецкому левому флангу и перерезав Ардаганскую дорогу, по которой осуществлялось снабжение турок. Узнав об этом, сераскир вынужден был ослабить свой правый фланг, на который обрушились все силы русских, хотя наступавшие войска попали под обстрел крепостных орудий Ахалцихе.

Турецкие позиции были взяты штурмом, после того как сераскир с 5 тыс. солдат с большим трудом сумел укрыться в крепости. Из оставшихся 6 тыс. часть погибла в бою, а другая бежала. Казаки бросились в погоню, в результате чего нерегулярные части курдов и лазистанцев рассеялись по степи, а в руки русских попала огромная добыча – скот и припасы.

Подвергнув 13 и 14 августа Ахалцихе артиллерийскому обстрелу, русские взяли город и крепость штурмом. 15 и 16 августа в Ахалцихе шли ожесточенные уличные бои. На следующий день сераскир вынужден был капитулировать, получив разрешение вывести из города 4 тыс. регулярных войск. Общие потери русских с 7 по 16 августа составили около 1 тыс. человек.

Овладев Ахалцихе, Паскевич немедленно отправил колонну солдат в Ацхур, который сдался без боя. Перед русскими открылась прямая дорога из Тифлиса – вверх по долине Куры через Боржомское ущелье в Ахалцихе и к верховьям Куры.

Другая колонна под командованием генерала Муравьева двинулась на Ардаган, однако вскоре выяснилось, что эта крепость была уже взята безо всякого сопротивления войсками, пришедшими из Карса.

А тем временем на крайнем левом фланге русской линии войска генерала Чавчавадзе, прошедшие из Еревана на юг и форсировавшие Араке, перевалили через Агры-Даг и овладели турецкой крепостью Баязет, перерезав главную дорогу между Эрзерумом и Тебризом. После этого они прошли через Диядин на запад и заняли форт Топрак-Кале (Алашкерт), стоявший на богатой равнине, по которой протекали главные притоки Мурат-Су, восточного рукава Евфрата. На западе казаки дошли до пунктов, расположенных всего лишь в 60 милях от Эрзерума; на юге открывалась дорога до Муша и Битлиса и всего региона верховий Евфрата.

С приближением зимы Паскевич решил прекратить военные действия. Солдаты были истощены; в войсках, особенно в районе Гурии, свирепствовали болезни. В Ахалцихе и Карсе были оставлены гарнизоны по 3 тыс. человек (ими командовали Бебутов и Бергман). Войска Гессе ушли на зимние квартиры в Кутаиси, а Чавчавадзе – остались в Баязете. Паскевич увел остатки своих войск в Грузию.

Результаты войны 1828 г. превзошли все ожидания. В боях участвовали не более 18 тыс. пехотинцев и 7 тыс. кавалеристов, было задействовано около 100 орудий. После завоевания Карса и крепостей пашалыка Ахалцихе все цели русских были достигнуты, и, если не считать прибрежных регионов и долины Чороха, Россия получила идеальную границу. И все это ценой около 2,5 тыс. убитыми и ранеными и такого же числа больных и умерших от болезней.

На севере захват Анапы и вспышка эпидемии чумы среди черкесов обеспечили безопасность русских владений на Черном море и правого фланга Кавказской линии. Захват Поти позволял наладить прямую связь по морю между Крымом, Азовскими портами и Закавказьем.

В восточных горах известие о победах Паскевича и рассказы о том, что он относится к мусульманам благосклонно, произвели большое впечатление на горцев Чечни и Дагестана.

Однако ни персы, ни те племена, которые находились под их влиянием, узнав об успехах Чавчавадзе, не спустились в долину Алашкерт.

В течение 1828 г. русские не добились успеха на Балканском фронте. Они понесли огромные потери в боях и от болезней и «застряли» у крепостей Рушук, Силистрия, Шумла и Варна (им удалось овладеть лишь одной Варной). Султан Махмуд II был намерен продолжать войну; он провел многочисленные реформы, связанные с управлением армией и ее организацией.

На Кавказском фронте Кёзе Мехмета сменил новый сераскир – Салих-паша, а его заместителем был назначен Хакки-паша из Сиваса. Пашам Трапезунда и Муша было приказано собрать в своих областях войска и принять участие в войне. В армии смещенного сераскира уцелело только 10 тыс. человек, и его преемник планировал к весне набрать в районе Эрзерума новое войско в 60 тыс., с 70 орудиями. Однако турки по-прежнему нуждались в нерегулярном войске для немедленных военных действий. Набором этого войска занимались влиятельные дере-беи Лазистана и Аджарии. Среди них самым активным и влиятельным оказался Ахмет-бей Химшиоглы из Хуло, который вместе со своими братьями управлял всем высокогорным районом Аджарии. Паскевич вступил с ним в переговоры, но туркам удалось привлечь его на свою сторону, пообещав отдать в его распоряжение всю область Ахалцихе, и Ахмет-бей, недостижимый в своем заснеженном высокогорье, стал готовиться к вторжению в долину Куры.

С курдами туркам повезло меньше. Главные курдистанские вожди были недовольны реформами Махмуда II и тем, что он нарушал их феодальные права. Они уже готовили серию восстаний против Османской империи, которые потрясли весь Курдистан от Верхнего Ирака до Тавра в 30–40-х гг. XIX в. В то же самое время с помощью мусульманских офицеров, находившихся у него на службе, Паскевич установил дружеские отношения с рядом курдских вождей. В результате этого паше Муша не удалось собрать крупные силы курдской кавалерии, и он оказался неспособным наносить быстрые удары по русским войскам.

Зимой Паскевич посетил Петербург и рассказал о том, что его армия имеет все возможности для наступления на Малую Азию. Николай I был очень впечатлен. Паскевич предложил в первую очередь захватить Эрзерум и Армянское нагорье; для этого необходимо было провести совместную с флотом операцию против Трапезунда (в то время, разгромив турецкую эскадру в Наваринском сражении, русский флот господствовал в Черном море); и, наконец, используя Трапезунд в качестве базы, напасть на Сивас, если получится, еще до начала осени. Паскевич считал Сивас узловым пунктом всех анатолийских коммуникаций, захват которого создал бы угрозу для связей Стамбула с Арменией, Сирией и Ираком.

Паскевич, вероятно, был прав в своих предположениях, хотя, скорее всего, узловым пунктом всех анатолийских коммуникаций являлся все-таки не Сивас, а Кайсери. Однако идея Паскевича о том, что Турцию легче всего завоевать со стороны Малой Азии, а не со стороны Балкан, была менее чем через пять лет подтверждена египетской армией Ибрагим-паши. Поддерживаемый флотом, который курсировал вдоль южного побережья Анатолии, Ибрагим-паша перешел через Тавр и овладел Коньей и Кутайей. Дунай с его системой крепостей, а также главная горная цепь Балкан, которые можно легко снабжать и усиливать из центра Босфорской империи, представляли собой почти непреодолимое препятствие при наступлении с севера. С другой стороны, снабжать Кавказский фронт туркам было гораздо труднее; все необходимое поступало туда с большим опозданием, и стоило только врагу овладеть Армянским нагорьем и рассеять турецкую армию (которую невозможно было вовремя заменить другой), как для захватчиков открывалась прямая дорога через Анатолийское плато. Впрочем, подобная операция требовала господства русского флота в Черном море, а также совместных операций на побережье и подвоза всего необходимого по морю на всех этапах наступления. Русские же господствовали в Черном море лишь в 1828–1829 гг.;

в ходе последующих трех войн оно находилось в руках турок и их союзников. Таким образом, успех наступления на Турцию по Анатолийскому плато в значительной степени зависел от флота.

Планы Паскевича могли бы осуществиться только при выполнении трех условий:

а) прибытия нужного числа подкреплений: в его войсках, которые должны были участвовать в боевых действиях, в ноябре 1828 г. насчитывалось всего 13 тыс. пехотинцев, 5 тыс. кавалеристов и 68 орудий;

б) помощи со стороны всех курдских вождей Армянского нагорья и долины верхнего течения Евфрата;

в) полной гарантии продолжительного мира с Персией.

Кавказской армии выделили 20 тыс. новобранцев, но они должны были прибыть на Кавказ, пройти обучение и занять позиции не раньше июля. Паскевичу пришлось снять ряд воинских соединений с Кавказской линии и организовать грузинское и мусульманское ополчения.

Отношения с Персией осложнялись происками турецких чиновников и тайных агентов. Русский посланник, знаменитый писатель Грибоедов²⁰, был убит в Тегеране во время нападения на посольство разъяренной толпы. Однако Паскевичу удалось богатыми подарками и частыми угрозами захватить провинциальную столицу Тебриз, успокоить Аббас-Мирзу и обеспечить его нейтралитет.

В феврале 1829 г. турки начали наступление. Ахмет-бей из Хуло пересек горный хребет Яльнизчам, несмотря на глубокие снежные заносы. С ним шли около 12 тыс. лазов и акаров и 3 тыс. турок с шестью орудиями. Он дошел до Диджура (на современных картах это Пософ) при слиянии рек Квабловани и Пософ и выслал вперед своего брата, велел ему выяснить обстановку в Боржомском ущелье. Бебутов удерживал Ахалцихе, имея всего лишь три батальона и четыре полевых орудия; турецкие укрепления лежали в руинах, и русским пришлось укрыться в крепости, оставив армян, проживавших в городе, на произвол судьбы. Торжествующие лазы вырезали всех армян. Несколько дней русский гарнизон находился в опасности, но вскоре по Боржомскому ущелью прошел полковник Бурцев с двумя батальонами пехоты, полком казаков и шестью пушками. Он разгромил отряд Ахмета, захватил его орудия и снял осаду с города.

Одновременно с захватом Ахалцихе турки пошли в наступление из Батума, имея 7 тыс. солдат нерегулярного войска, но их разгромили малыми силами (в основном гурийским ополчением) под командованием генерала Гессе, который отбросил их назад и захватил Кобулет.

В конце апреля Салих-паша снова пошел в наступление в районе Пософ-Чая, но был разбит Бурцевым в Цурцкабе, селении к югу от Диджура. Русские войска были немногочисленны и рассеяны малыми подразделениями по большой территории. У турок имелось большое число нерегулярных частей, и это позволило им продолжать наступление на Ахалцихе.

В конце апреля Салих-паша, сосредоточив около 50 тыс. низамов и солдат нерегулярных войск между Эрзерумом и Хасан-Кале, а также в районе Саганлугских гор, отправил Хакки-пашу в поддержку лазам, которые расположились вдоль Пософ-Чая. Турки прошли через Ардаган (где не было русского гарнизона) и вступили в яростное сражение с небольшим отрядом Бурцева в Цурцкаби.

Муравьев (с тремя батальонами, одним полком драгун и одним полком мусульманских конников-добровольцев) подошел к Ардагану по дороге, ведущей из Карса, и создал угрозу для турецкого тыла. 2 июня турки снова потерпели поражение под Цурцкаби, а их войска

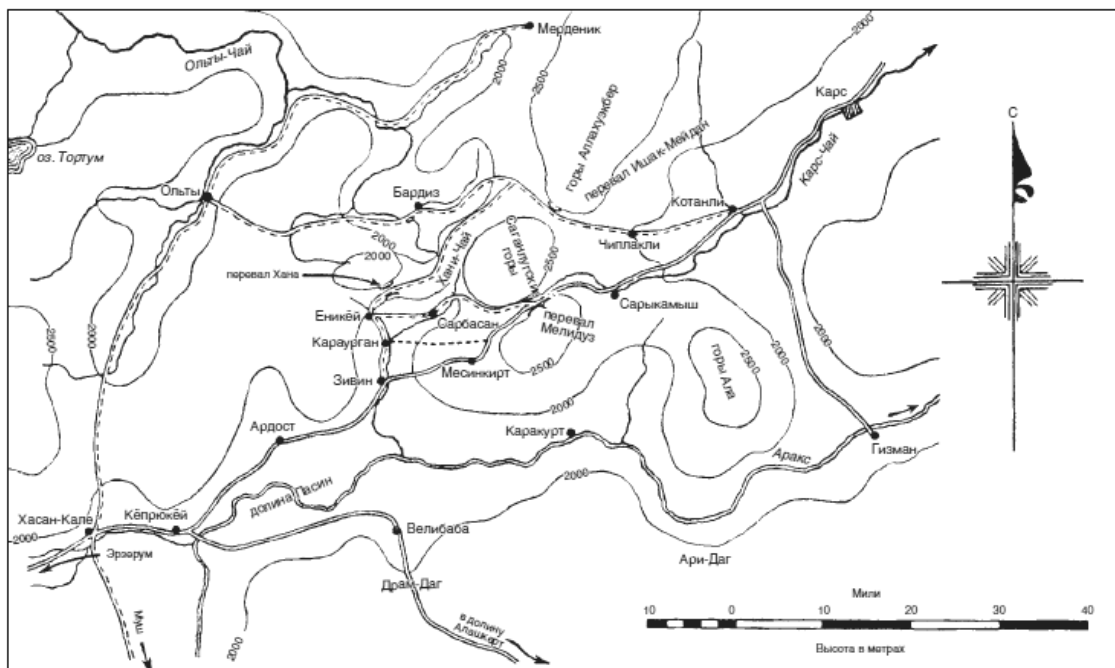
²⁰ Грибоедов был братом жены Паскевича. В декабре 1825 г. наместник Ермолов лично арестовал его в Екатеринбурге как причастного к делу декабристов.

числом около 8 тыс. рассеялись в горах Яльнизчам. Паскевич, прибывший после этой битвы в Ардаган, приказал разместить в этой крепости гарнизон и укрепить ее. Неудачная операция турок вынудила русское командование отложить начало наступления на две или три недели. Но только в начале июня погодные условия позволили провести крупномасштабные операции.

Паскевич сосредоточил в районе Карса ударные силы, которые после выделения частей для охраны крепостей и линий коммуникаций насчитывали 18 батальонов (12 тыс.), 12 казачьих полков и конных горцев (6 тыс. человек) и 70 орудий.

У турок в районе Саганлуга (современный Пасинлер) было около 50 тыс. солдат, из которых 30 тыс. составляли регулярные войска.

Саганлугские горы перегораживают все дороги, которые идут с востока и северо-востока на Эрзерум. Река Араке, поворачивающая ниже Кёпрюкёя на восток, создала длинное ущелье, которое тянется вдоль южной стены Саганлуга. К югу от этого ущелья высится массив Драм-Дат²¹, который отделяет долину Пасин от долины Алашкерт (верховьев Мурат-Су). Проход войск, вышедших из Баязета, по долине Алашкерт и через Драм-Дат по ущелью Кара-Дербент и седловине Велибаба был вполне возможен. Однако Паскевич отказался от наступления на Эрзерум из Баязета, поскольку последний расположен слишком далеко от его главных баз в Александрополе и Ереване, а наступающие войска могли подвергнуться контратаке турок с юга, из Муша и Вана.

Саганлугские горы

Прямая дорога на Эрзерум проходила по караванному пути из Карса, который пролегал по самым сложным районам Саганлуга. Здесь главный хребет простирается далеко на северо-восток, окружая с востока высокогорное плато, на котором стоит Карс. Главная дорога из Карса в Эрзерум проходит вдоль верхнего течения Каре-Чая и за 65 км от крепости поднимается в гору западнее селения Сарыкамыш. В 8 км от него дорога идет по крутому, заросшему елями склону Саганлуга к водоразделу, который проходит по Мелидухской

²¹ Название Драм-Дат на современных картах больше не встречается; этот массив образует западный отрог Агры-Дага.

седловине (2440 м), откуда постепенно спускается к селению Месинкирт (30 км от Сарыкамыш), расположенному на высокогорном скалистом выступе, слегка наклоненном на юг.

От Месинкирта начинается спуск по южному склону Саганлуга. Этот склон не столь крут, как северный, и в 65 км от Месинкирта дорога приводит в селение Кёпрюкёй, где находится старый каменный мост через реку Араке. От Кёпрюкёя идет хорошая дорога до Хасан-Кале, от которого до столицы Турецкой Армении всего 48 км.

Была еще одна дорога через Саганлугские горы, но в то время по ней почти не ездили. В 40 км от Карса, в Котанли, была развилка; оттуда дорога шла на Чиплакли и далее – к северо-западному склону Саганлугского хребта, который здесь круто обрывался к ущелью, где протекал Бардиз-Чай, приток Ольты. В долине лежало село Бардиз, но дорога, минуя его, поднималась к главному плато Саганлугских гор и затем, через несколько километров, плавно спускалась. Она шла с севера на юг вдоль русла Зивин-Чая и проходила через Еникёй («Новое село»), Караурган и Зивин. Все эти селения располагались в широкой долине, созданной рекой. От перевала в Бардизе до селения Зивин – около 30 км. Существовала тропа, которой, впрочем, почти не пользовались, проходившая по высокогорному плато – от перевала Мелидуз до Зивина (25 км), и еще одна тропа – от Сарыкамыша напрямую в Еникёй²². После Зивина главная дорога спускалась по южному пологому склону Саганлуга и через 56 км, в Кёпрюкёе, проходила по мосту через Араке.

В начале июня 1829 г. армия Хакки-паши в составе примерно 20 тыс. человек (среди них половину составляли регулярные войска) расположилась на сильно укрепленной позиции на перевале Мелидуз. Подходы к ней защищали 24 орудия. Отряд из 2 тыс. бойцов под командованием Осман-паши наблюдал за тропой, шедшей из Еникёя в Зивин. Главные силы, которыми командовал сераскир Салих-паша, в составе 20 тыс. солдат при поддержке 20 орудий, были к 15 июня сосредоточены в Зивине. Однако связи с Хакки-пашой у них не было, поскольку оба войска разделяло глубокое ущелье Хани-Чай и 25 км труднопроходимой местности.

К этому дню (15 июня) не только авангард, но и основные силы русской армии уже подошли к высокому Саганлугскому плато, не встретив на своем пути никакого сопротивления.

В начале июня Паскевич получил сведения о расположении турецких войск. Он понял, что, если пойдет по прямому пути в Карс и атакует позицию Хакки-паши в лоб, турки смогут перебросить туда подкрепления, поэтому решил отправить против него, засевшего в Мелидузе, отряд Бурцева (2 тыс. человек). Одновременно Паскевич отправил отряд в 5 тыс. человек (под командованием Муравьева), придав ему мощную кавалерийскую поддержку, по западной тропе, которая шла через перевал Ишак-Мейдан («Ослиный рынок») в Еникёй и Караурган. Третья, главная колонна русских войск под командованием Панкратьева (с самим Паскевичем) должна была идти по главной дороге из Сарыкамыш в Еникёй, где она соединялась с Караурганской тропой. Поднявшись на Саганлуг, Паскевич намеревался действовать так: главная колонна должна была в Сарбасане перейти ущелье Хани-Чай и повернуть оттуда на восток, чтобы обойти с фланга позицию Хакки-паши в Мелидузе. Чтобы отвлечь внимание турок, засевших в Зивине, от маневра колонны Панкратьева, Муравьев должен был из Еникёя и Караургана начать наступление на Зивин. Разгромив Хакки-пашу, Паскевич намеревался сосредоточить все свои силы против сераскира в Зивине. Таким образом, русский командующий планировал нанести два последовательных удара по обеим турецким армиям, которые не смогли установить между собой надежной связи из-за сложного рельефа. Главным условием успеха русских должны были стать мобильность и внезапность.

²² Эта тропа после 1877 г. была превращена в главную дорогу, которая стала частью пути из Эрзерума в Карс, а более древняя – от Месинкирта до Мелидуза – превратилась во второстепенную.

Русские войска выступили вечером 13 июня и шли всю ночь. Утром 14 июня авангард Бурцева вступил в контакт с турками на позиции Мелидуза. К вечеру того же дня главные силы Паскевича под командованием Панкратьева преодолели тяжелый подъем по крутому склону длиной 42 км и тащили при этом пушки, добрались до высокогорного плато и установили связь с отрядом Бурцева.

На следующий день (15 июня) казаки Муравьева и нерегулярные части при поддержке двух пехотных батальонов неожиданно атаковали отряд Осман-паши в его лагере под Бардизом. Часть турок рассеялась, другую – взяли в плен. Сам паша, увидев, что противник отрезал его от лагеря Хакки-паши, бежал по Зивинской дороге.

15 и 16 июня русские войска сосредоточивались на плато. Хакки уже представлял себе общее направление их наступления и стал готовиться к нападению. Одновременно он послал гонца к сераскиру с просьбой ускорить подход подкреплений из Зивина по дороге, ведущей из Месинкирта в Мелидуз.

Сведения, которые получил Паскевич, заставили его изменить свой первоначальный план. Бурцев сообщил, что турецкие позиции в Мелидузе очень сильны и хорошо укреплены. В то же самое время патрули Муравьева, проходившие через Еникёй и Караурган, заметили большой турецкий лагерь в Зивине. Кроме того, местные жители сообщили, что большая часть войск сераскира движется из Хасан-Кале и Кёпрюкёя в Зивин. Паскевич пришел к заключению, что будет разумнее ударить сначала по турецким войскам в Зивине, которые еще не завершили свое сосредоточение. 17 июня он издал новые приказы: Муравьев при поддержке большей части войск Панкратьева должен был идти на Караурган – Зивин, а самому Панкратьеву приказывалось пересечь долину реки Хани-Чай и перерезать линии связи Хакки-паши с Караурганом, в то время как Бурцев должен был продолжать демонстрировать силу у позиций Мелидуза.

18 июня авангард Муравьева севернее Караургана встретился с турками. В тот же самый день в Зивинский лагерь прибыл сераскир. Теперь у него было 15 тыс. низамов и 5 тыс. всадников нерегулярных войск. Он думал, что у Караургана остались лишь русские патрули и что основные силы их армии будут атаковать Хакки-пашу в Мелидузе. Он решил взять инициативу в свои руки и приказал кавалерии атаковать русских, которые приближались к Караургану с севера.

Турецкая кавалерия встретилась со всей колонной Муравьева (4 батальона, казачий полк, полк мусульманских нерегулярных войск и 20 орудий) и атаковала ее, но была отброшена назад и в беспорядке отступила. А тем временем колонна, которую вел сам Паскевич (7 батальонов, 3 драгунских и казачьих полка и 24 орудия), спустилась с Сарбасанских высот и вошла в Караурган с востока.

Хакки-паша вывел из Мелидуза свою кавалерию (5 тыс. всадников) и атаковал Бурцева. У последнего было всего 3 батальона, 1 казачий полк и 1 полк нерегулярной мусульманской конницы, но он держался стойко и отбросил турок на исходные позиции. Панкратьев вовремя пришел к нему на помощь – он с небольшим отрядом пересек долину, расположенную южнее Сарбасана, и пошел по тропе, которая вела из Караургана в Мелидуз.

После разгрома своей кавалерии сераскир стал готовиться к обороне позиций на Зивинских высотах, ожидая подкреплений с юга (между Эрзерумом и Зивином находилось около 20 тыс. турецких солдат). Он надеялся дать русским бой на следующий же день после того, как будут сосредоточены все его войска, а с Хакки в Мелидузе будет установлена связь. Однако днем 19 июня Паскевич продолжил свое наступление из Караургана в Зивин.

Муравьев форсировал долину Хани восточнее главной тропы и, поднявшись на самые доступные из Зивинских высот, полностью обошел турецкий левый фланг. Колонна Паскевича быстро спустилась в главную долину и заняла селение Зивин. К вечеру был захвачен весь Зивинский лагерь; вся артиллерия турок и все снаряжение, а также множество выючных

животных перешли в руки русских безо всякого сопротивления. Турки поспешно бежали по дороге, ведущей в Эрзерум. Ночью им встретились подкрепления, которых они так ждали, паника перекинулась и на них. Большие силы, собранные сераскиром, хлынули беспорядочным потоком в долину Пасин. Сам он вместе со своим штабом галопом усакал в Хасан-Кале.

Паскевич, не теряя ни минуты, ночью подготовил вторую часть своей операции, надеясь, что радость победы поможет солдатам преодолеть усталость после семидневного марша и недавнего сражения. В погоню за турками, бежавшими на юг, бросилось лишь несколько кавалерийских отрядов, а почти вся русская армия под покровом ночной тьмы двинулась к позициям Хакки-паши. Рано утром она уже стояла перед ними.

В 7 часов утра Паскевич сконцентрировал для атаки около 9 тыс. пехотинцев, 5 тыс. кавалеристов и 56 орудий: на левом фланге стояли Бурцев и Панкратов; в центре, на тропе Караурган – Мелидуз – сам Паскевич; а справа, на тропе Зивин – Мелидуз – Муравьев. Стоявшая на крайнем правом фланге кавалерия генерала Остен-Сакена должна была отрезать туркам пути отступления из Месинкирта. Несколько турецких пленников были отправлены к Хакки-паше, чтобы сообщить ему о разгроме армии сераскира, но Хакки решил продолжать сопротивляться русским. Впрочем, его войска были уже деморализованы; они сопротивлялись очень слабо, и незадолго до полудня Хакки сдался. Тем временем его сопротивление позволило основным частям турецких войск рассеяться, и русским удалось захватить в плен лишь 1500 человек (с 20 орудиями). Паскевич устроил Остен-Сакену жестокий выговор за то, что он не сумел помешать армии Хакки-паши ускользнуть.

Саганлугская операция 13–20 июня 1829 г. описана нами с такими подробностями потому, что этот блестящий маневр Паскевича стал образцом для всех последующих кампаний, проводившихся на кавказской границе. Потери русских были на удивление невелики – не более 300 человек. Турки потеряли 3 тыс. убитыми и ранеными (включая отряд Осман-паши). Это были небольшие потери для армии, численность которой превышала 60 тыс. человек, но русские захватили всю артиллерию турок, и, что важнее всего, боевой дух турецкой армии был сломлен. Даже низамы начали дезертировать, и армия сераскира таяла, как весенний снег.

Победа в кампании 1829 г. была достигнута, в сущности, одним ударом. Ту поразительную легкость, с которой русские добились успеха, можно объяснить недостатками в организации турецкой армии того периода. Армия находилась на этапе трансформации, которую породили реформы, совсем недавно начатые султаном Махмудом II. Туркам предстояло пережить еще ряд поражений в Малой Азии во время Египетских кампаний 30-х гг. XIX в. Турецкие войска умели храбро сражаться и были готовы продемонстрировать свое традиционное упорство в обороне. Но их артиллеристы были плохо обучены; кавалеристы не знали дисциплины, а пехота не умела маневрировать. Офицеры не получали нужного обучения, а на руководящие посты частенько назначали тех, кто был в фаворе у того или иного паши или при дворе. Однако результаты, которых добился Паскевич столь малыми силами и со столь незначительными потерями, говорят о том, что он был талантливым полководцем и хорошо понимал, какая тактика больше всего подходит для условий Кавказа.

Паскевичу удалось одержать победу в исключительно сложных природных условиях. Поскольку ему не надо было брать крепостей, он всячески старался избегать фронтальных атак, предпочитая маневр, основанный на мобильности и внезапности. Спустившись с Саганлугского плато, Паскевич оставил далеко позади свои базы снабжения, и его единственным средством обеспечения армии стал обоз, включавший в себя 3 тыс. телег, которые двигались вслед за армией. Во время марша на Караурган и боев 19–20 июня этот обоз находился на плато под защитой одного маленького отряда. Это дало Паскевичу повод сравнить свои колонны с кораблями, которые покинули родную гавань и вышли в открытое море. Он

пошел на риск, и это позволило ему взять инициативу в свои руки и добиться необычайной мобильности войск. Более того, нет никаких сомнений в том, что только отлично обученные и тренированные войска могли выдержать эти восемь дней непрерывных боев и маршей в исключительно сложных горных условиях. Солдаты смогли немного отдохнуть лишь 15–16 июня, когда шла концентрация и перераспределение сил после их подъема на плато. Во время войны 1853–1856 гг. о маневре Паскевича никто не вспомнил, но в 1915–1916 гг. его повторил Юденич.

После разгрома турки потеряли надежду отстоять Эрзерум. 23 июня Паскевич прибыл в Кёпрюкёй, где была сосредоточена основная масса его войск, и принял делегацию старейшин курдских племен, живших на Агры-Даге и Бингёле. 24 июля турки оставили Хасан-Кале, крепость, которую обороняли 30 орудий, а 25 июня сераскир сдал Эрзерум вместе с остатками своей армии и 150 крепостными орудиями. Богатые запасы, находившиеся в городе, позволили Паскевичу продолжить войну без подвоза продовольствия и снаряжения из далеких Карса и Александрополя.

Перед Паскевичем встала проблема продвижения в глубь Анатолии с ограниченными силами. Многочисленное армянское население, проживавшее в восточных вилайетах, восприняло русскую победу как свою собственную, и Паскевичу с помощью очень умной политики удалось добиться примирения некоторой части мусульманского населения²³.

Четыре полка мусульманской кавалерии, набранные из кабардинцев, черкесов, татар и даже чеченцев и жителей Дагестана, оказались неоценимым подспорьем для организации внутренней охраны. Паскевич назначил губернатором Эрзерума мусульманского аристократа черкесского происхождения, генерала Бековича-Черкасского. При нем работал совет, частично набранный из турецких чиновников и аристократов. Курдские вожди племен, живших южнее Аракса, не проявляли враждебных намерений, и с их помощью Паскевичу удалось в самом начале кампании нейтрализовать пашу Муша. Однако паша Вана оказался более воинственным, и, когда турки воевали против Ахалцихе, он вторгся в долину Алашкерта с несколькими отрядами низамов, 6 орудиями и несколькими тысячами курдских конников и осадил небольшой русский гарнизон в Баязете (6 июня). Бои продолжались более трех недель, и туркам удалось проникнуть в город. Потери русских были довольно велики (около 400 человек). После взятия Эрзерума Паскевич послал небольшой отряд для освобождения Баязета, и войска пашы Вана были рассеяны. Оборона в восточных вилайетах Турции – пока в Центральной Анатолии формировались новые армии – теперь целиком зависела от организации сопротивления с помощью нерегулярных войск. Относительно небольшое число русских, рассеянных по обширной территории, приветствовали развитие такой оборонительной стратегии. Более того, нападение на Баязет и более ранние операции акаров против Ахалцихе показали, что оборона нерегулярными войсками вполне возможна. По обе стороны от растянутой линии коммуникаций между Карсом и Эрзерумом лежала обширная горная область, населенная мусульманскими племенами. Курдские вожди к югу от реки Араке представляли собой сомнительный элемент, поскольку заигрывали одновременно с агентами Паскевича и с пашами Вана и Муша. Мусульманские *дере-беи* Лазистана и Аджарии, грузины по своей крови и языку, подобно славянским мусульманским помещикам в Боснии, были фанатичными врагами христианства, отличались упорным консерватизмом и своими личными интересами были связаны со стамбульским двором. Одновременно турки имели возможность снабжать мусульман в Понтийских Альпах пушками и снарядами в большом количестве.

²³ «Его повсюду приветствовали радостными криками, к которым от всего сердца присоединялись курдские беи, которые говорили ему: «Возьми Эрзерум, и к тебе с радостью присоединятся все наши племена...» Курды собрали огромное количество овец, скота и другой добычи, что очень помогло армии в материальном отношении; умение генерала Паскевича подчинять различные племена своему управлению равнялось его военным талантам» (*Монтейт*. Карс и Эрзерум).

Паскевич намеревался сделать Трапезунд главной морской базой для дальнейших операций против Сиваса и Центральной Анатолии. Для успеха этих операций необходима была помощь русского Черноморского флота, но весь он (11 линейных кораблей, 8 фрегатов, 12 корветов) в тот момент был занят в решающих операциях у берегов Болгарии (Варна и Сизеболи), в результате которых война вскоре закончилась.

В начале июля Паскевич послал Бурцева с 2 батальонами, 6 орудиями и отрядом казаков и мусульманских нерегулярных всадников занять древний город Байбурт, расположенный в долине верхнего Чороха, на главной дороге из Эрзерума в Трапезунд. Отряд успешно преодолел сложный перевал Коп-Даг (2691 м), располагавшийся на водоразделе рек Кара-Су и Чорох, и 130-километровый марш в Байбурт был совершен безо всякого сопротивления. Однако, когда отряд Бурцева атаковал войско лазистанских племен в широкой долине Харт-Овази к северу от Байбурта, он был отброшен назад. Погибло 300 солдат и 18 офицеров (среди них и сам Бурцев). Паскевич решил, что необходимо наказать лазов за гибель русских, иначе нерегулярное сопротивление быстро разрастется по всей стране. Со всеми своими войсками (6 тыс. пехотинцев и кавалеристов) он пошел на Байбурт.

Тем временем Осман-паша (который после поражения Салиха провозгласил себя сераскиром) собрал около 6 тыс. низамов, миновал Гюмюшане и занял позицию в Балахоре, прикрывавшую перевал Вавук (1973 м). Паскевич, предвидя, что поражение заставит турецкие войска рассеяться, нанес два мощных удара еще до того, как они успели соединиться. Первый удар был направлен против ополчения лазов в Харте (около 6 тыс. человек), а второй – против Осман-паши в Балахоре. Обе операции принесли успех: лазы разбежались, а Осман-паша был разгромлен и потерял все свои пушки и обоз, после чего вернулся в долину Келкита. Русские заняли Гюмюшане, и, двигаясь по долине Келкита, их патрули оказались в пределах видимости крепости Шебинкарахисар.

Наступление русских войск на Балканах показало Паскевичу, что война скоро закончится, и в Анатолии уже больше ничего нельзя будет сделать. Регулярные войска турок были частично уничтожены, но и у Паскевича осталось слишком мало войск, и ему пришлось действовать осторожно, тем более что инициатива, с учетом приближавшейся зимы, находилась в руках кавказских партизан. Наличие значительных нерегулярных армий в горном поясе Понтийских Альп и Аджарии помогло туркам защитить свои порты Батум и Трапезунд и не позволило армии Паскевича установить прямую связь по морю с российскими черноморскими портами.

В середине августа генерал Остен-Сакен, выйдя из Ахалцихе, перешел восточный хребет Яльнизчама и вторгся в высокогорные районы Аджарии, а генерал Хессе в это же самое время двинулся в Гурию. Остен-Сакен занял Хуло, столицу Ахмет-бея, расположенную в верхней долине Ахарис-Дзгали; однако, не имея вестей от Хессе, он не стал спускаться по этой долине в Батум и до начала осенних дождей вернулся в Ахалцихе.

В начале сентября Хессе силами 25 тыс. русских и 3 тыс. гурийцев, имея 70 орудий, вышел из Озургети и двинулся на Батум через Кобулет. Турки подготовили мощные позиции на высотах Цихи-Дзири, прикрываемых рекой Кинтриши, и 16 сентября отбросили Хессе, который потерял более 600 человек.

Сражение при Цихи-Дзири произошло через несколько дней после подписания перемирия в Адрианополе, когда весть об этом еще не дошла до Кавказской армии. В начале сентября Паскевич, ожидая окончания войны, начал отправлять свои войска на зимние квартиры в Грузию. На оккупированных территориях это было воспринято как признак слабости. Паша Вана сразу же послал курдские нерегулярные войска занять Хинис. После этого они появились в Ашкале, на дороге, ведущей из Эрзерума в Байбурт. Одновременно паша Трапезунда, уже знавший о перемирии, двинулся на Байбурт. К нему присоединилось большое число лазов. 28 сентября Паскевич разгромил его в последней битве войны 1828–1829 гг.

Условия Адрианопольского мира из-за необходимости решения более широких вопросов европейской политики оказались весьма умеренными. На кавказской границе русские удержали за собой только мощные крепости Ахалцихе, Ахалкалаки и Ацхур – все они должны были прикрывать Боржомский перевал.

Все владения пашей Эрзерума, Баязета и Карса вместе с юго-западной частью района Ахалцихе, включая Ардаган и истоки Куры, возвратили туркам. В Гурии к ним отошли не только Батум, но и Кобулет, и граница здесь была отмечена фортом Св. Николая на северном берегу реки Нотанеби.

Анапа, из которой до этой войны турки снабжали оружием черкесов, и менее важный порт Поти, позволявший, правда, установить прямую связь между Крымом и Закавказьем, перешли под власть России, а Турция отказалась от всех своих притязаний на Черкесию.

Это последнее условие было во многом самым важным достижением Адрианопольского мира, поскольку оно закрепляло за Россией, с согласия международного сообщества, ее позиции на Кавказе, а турки лишались права вмешиваться в политику усмирения местных племен, которое станет главной задачей русской армии в последующие 25 лет. Уход русской армии из восточных вилайетов привел к определенному перераспределению населения, поскольку многие тысячи армян, которые открыто демонстрировали свои симпатии к России, последовали за отходившим войском и поселились в отошедших к ней районах Еревана, Ахалкалаки и Ахалцихе²⁴.

Русские кампании 1828–1829 гг. можно считать военной и политической разведкой восточных районов Малой Азии. Защиту путей в Эрзерум и далее в Центральную Анатолию обеспечивала не крепость Карс, а естественная преграда в виде Саганлугского хребта. Карс и Ахалцихе представляли собой передовые укрепления, оборона которых могла помешать вражескому вторжению, поскольку на их захват нужно было затратить весь сезон военных действий. Район Ахалцихе, как выяснилось, обладал огромными возможностями для обороны, так как потерявших контроль над выходом из Боржомского ущелья турок в будущих кампаниях ожидали огромные трудности в удержании Карской равнины, поскольку крепость Карс блокировала лишь одну из двух дорог, по которым могло быть осуществлено вторжение. Сам Паскевич придавал огромное значение приобретению Ахалцихе.

В кампании 1829 г. русские хорошо изучили пути форсирования Саганлугских гор, и Паскевич во время отхода своей армии не преминул разведать дорогу из Эрзерума в Ардаган, проходившую через Нариман в Пенек по берегу Ольты-Чая и далее – вдоль хребта Яльниц-чам-Даг в долину верхней Куры. Путь, шедший вдоль Ольты-Чая, оказался востребованным во время кампаний 1877 и 1914 гг.

Паскевич осознал также стратегическую важность Баязетской области как возможной базы наступательных операций против Эрзерума в долине Алашкерта. Двигаясь по этой плодородной долине, богатой продовольствием, можно было обогнуть позицию Саганлуга с юга. Однако и сам этот путь мог быть обойден с юга, через Ван – Битлис – Муш, а наступление из Баязета на Эрзерум позволяло осуществить операцию прикрытия в районе озера Ван (что и было сделано в 1914–1915 гг.).

Конечный этап кампании 1829 г. показал, что первая фаза наступления на Сивас с целью завоевания Центральной Анатолии потребовала установления контроля над треугольником Байбурт – Трапезунд – Шебинкарахисар. Для этого Кавказской армии необходимо было действовать совместно с русским Черноморским флотом.

После кампании 1829 г. стало ясно, что для дальнейшей экспансии России на Среднем Востоке необходимо добиться полного господства русского флота на Черном море. Поэтому

²⁴ В Ереванской провинции, ставшей в XX в. центром Армянской Советской Социалистической республики, в то время преобладало турецкое мусульманское население.

главной военной задачей царствования Николая I стало создание мощного Черноморского флота. Турки тоже понимали, что для обеспечения безопасности Малой Азии необходимо ограничить мощь русского флота и военно-морских баз в Черном море. Во время войны 1853–1856 гг. Турции с помощью западных морских держав (Британии, Франции и Сардинии) удалось добиться этой цели. В начале 70-х гг. XIX в. русские планы по возрождению Черноморского флота стали одной из причин войны 1877–1878 гг. В ту пору туркам удалось сохранить свое господство на Черном море. И снова, в 1914 г., прибытие в Босфор немецких крейсеров «Гёбен» и «Бреслау» стало залогом безопасности Анатолии и позволило Комитету объединения и прогресса объявить войну России.

Кампании 1828–1829 гг. продемонстрировали, что в тех случаях, когда относительно немногочисленные регулярные войска вынуждены действовать на обширной территории, хорошим подспорьем для них могут стать действия партизан. Если бы курды, жившие к югу от реки Араке, действовали столь же энергично, как лазы и акары, Паскевич после падения Эрзерума оказался бы в очень сложном положении. Самой тяжелой битвой во всей кампании 1829 г. стало сражение с акарами около Ахалцихе и с лазами – в долине верхнего Чороха. Курды оказались ненадежными союзниками, и надо отдать должное Паскевичу за его умение обращаться с ними. Их нейтралитет дал ему те преимущества, которые получил почти 40 лет спустя в Абиссинии Напье, когда пассивное, но потенциально опасное население гор не стало препятствовать проходу относительно немногочисленной армии в Магдалу, в самое сердце Эфиопского нагорья. В обоих случаях регулярные части не обладали военным господством в тех местах, по которым они проходили. Как партизаны, которые могут воевать против обеих воюющих сторон, курды, подобно абиссинцам, до настоящего времени остаются очень важным местным фактором²⁵.

²⁵ В первой четверти XVI в. именно измена курдов под руководством талантливого курдского историка и государственного деятеля Идриси из Битлиса позволила султану Селиму I изгнать гарнизон шаха Измаила и отодвинуть границу Персии от Евфрата к Загросу. Курды в течение трех последующих веков оставались очень важным фактором в турецко-персидских войнах на границе этих стран. Крупных вождей вполне устраивали свободные феодальные отношения с Портой, которые были введены по совету Идриси. И только после того, как в XIX в. Махмуд II нарушил наследственные права вождей, курды стали источником опасности на восточной границе Турции.

Глава 3

Усмирение русскими народов, проживавших в районе Главного Кавказского хребта. Развитие британских интересов на Кавказе в 1830–1852 гг.

В начале XIX в. русские овладели всей Закавказской низменностью (долинами Риони и Куры-Аракса) и большими участками периферического хребта Армянского нагорья, однако горные племена, жившие на Главном хребте Кавказа, оставались еще непокоренными. Это создавало для русского правительства проблему внутренней безопасности, сравнимую лишь с проблемой, с которой в те же годы столкнулись британцы на северо-западной границе Индии.

Появление в 1829 г. русской армии в окрестностях Константинополя, а также необычайно легкие победы, одержанные Паскевичем на границах Персии и Турции, сильно встревожили Англию. Эта тревога значительно усилилась в 1833 г., когда для поддержки султана Махмуда II против восставшего египетского вассала Мехмед-Али-паши в Босфоре появился русский флот. Условия русско-турецкого договора, заключенного в Хункар-Искелези, наводили на мысль о том, что Россия стремится установить постоянный протекторат над всей Османской империей. Международное положение осложнялось тем, что правительство французского короля Луи-Филиппа оказывало поддержку Мехмед-Али, поэтому Британия совместно с Россией стремилась не допустить вступления на турецкий престол египетского наместника. Тем не менее с начала 30-х гг. XIX в. многие серьезные политики в Англии были убеждены, что русские планируют вторжение в Малую Азию с целью захвата портов Средиземного моря и Персидского залива. Министерство иностранных дел Великобритании воздержалось от проведения открытой антирусской политики на Востоке, но противодействие экспансии России сделалось традицией британских послов, аккредитованных при турецком дворе (Понсонби, 1833–1841, и Стратфорд Кеннинг, 1842–1856). Такое отношение не могло не создать определенных неудобств для русских в Черном море и особенно на Кавказе.

Турки хорошо знали все тонкости взаимоотношений с горцами и сумели заинтересовать влиятельных англичан теми возможностями, которые могли перед ними открыться, если бы они начали оказывать кавказским племенам поддержку в их сопротивлении русскому управлению. Вести о кровавых столкновениях русских с черкесами, чеченцами и дагестанцами достигли Стамбула в 1832 г. Уже в 1834 г. Понсонби, страдавший, по выражению Мельбурна, крайней русофобией, предложил оказать помощь черкесам и даже отправить к берегам Кавказа британские корабли. Его отчеты, которые он присылал в Лондон, создали в Англии превратное представление о том, что происходило на Кавказе. Сами турки, знавшие об этих событиях не понаслышке, не проявили особого ума в оценке событий 1830–1840 гг. С другой стороны, русское правительство, которое после окончания войны 1829 г. уже собиралось разработать планы систематической ликвидации черкесского сопротивления, было поражено устрашающим размахом восстания, охватившего восточные районы Кавказа в 1830–1832 гг.

Паскевич, пробывший наместником Кавказа весьма недолго, успел только стабилизировать ситуацию в Осетии, где порядок был необходим для нормального функционирования Военно-Грузинской дороги. Он не успел завершить разработку планов по усмирению Черкесии, поскольку получил приказ возглавить подавление Польского восстания 1830–1831 гг. На западном побережье Кавказа создавались русские поселения – южнее Анапы, на берегу большого залива Суджук. В Новороссийске строился порт, а еще южнее, в Гелен-

джике, создавались военно-морская и армейская базы. Паскевич намеревался в первую очередь соединить Геленджик с долиной реки Кубань новой укрепленной линией, пересекающей горы. Позже он предложил создать прибрежную линию от Геленджика до Сухума, чтобы помешать черкесам и туркам поддерживать связь по морю. Неожиданное восстание в восточной части Кавказа вынудило русских отложить завершение этого строительства на несколько лет.

Еще в годы Русско-турецкой войны 1769–1774 гг. горцы-мусульмане Чечни откликнулись на призыв начать газават («священную войну»), с которым к ним обратился таинственный авантюрист шейх Мансур (вероятно, это был итальянец на турецкой службе). В течение последующих 50 лет в горах действовали турецкие и персидские агенты, но большого влияния на развитие фанатичного пуританского движения мюридов (которое во многих отношениях напоминало современное движение ваххабитов в Аравии) они не оказали. В мюридизме элементы мистики сочетались с социальными мотивами. Мюриды представляли собой нечто вроде монашеского военного ордена мусульман, равных и обязанных подчиняться духовному лидеру (имаму). Одновременно они освобождались от всех обязательств по отношению к старейшинам села и помещикам (беклерам); их священным долгом и целью жизни было умереть в битве против неверных (гяуров).

В 1830 г. первый имам Кази-Мулла собрал несколько сот мюридов в ауле Гюмри и поднял знамя газавата. Он рассчитывал, и не без основания, что их поддержат многие тысячи аваров и чеченцев, стремившихся отомстить русским за карательную экспедицию генерала Ермолова в предшествовавшие войне 1828–1829 гг., взбудораженных пропагандой турецких эмиссаров, работавших в горах во время недавней войны. Имам уничтожил несколько разрозненных русских отрядов и появился с быстро увеличивавшимся войском перед крепостями, стоявшими слева от Кавказской линии. Он перешел Сунжу и Терек, сжег несколько казачьих станиц и разорил город Кизляр. Авары в это время угрожали Дербенту, а другие лезгинские племена начали совершать набеги в долины Кахетии. Крупные банды чеченцев окружили Владикавказ.

Русских это восстание застало врасплох, и им потребовалось три года и концентрация значительного числа войск, чтобы подавить газават. В конце концов армия, состоявшая из 10 тыс. русских пехотинцев и казаков с артиллерией под командованием генерала Вельяминова, взяла штурмом Гюмри, главный оплот мюридов, и Кази-Мулла был убит. Потери русских в течение трехлетней войны составили не менее 3 тыс. человек убитыми и ранеными.

Однако русские не смогли понять, в чем заключалась настоящая сила мюридов, и газават вскоре вспыхнул снова под руководством нового, еще более страшного имама – Шамиля. Сила мюридов заключалась в их вере в то, что война сама по себе является целью, ибо представляет собой средство самоочищения и самопожертвования. Имам не имел никаких материальных целей, не боролся он и за независимость Дагестана и Чечни. Мюриды считали, что они сильно отличались от черкесов, чьи умы почти не были затронуты религией, а вожди их мечтали обрести политическую независимость под протекторатом Турции и надеялись спасти от захвата казаками свои села и земли.

Шамиль знал, как возбуждать в мюридах энтузиазм и фанатизм, однако его пуританизм и требование полного подчинения и жертвенности отталкивало от него простых селян, не входивших в число избранных, но которые должны были терпеть поборы мюридов и наказания русских. Кроме того, радикализм Шамиля вызывал неприязнь у могущественных беков Дагестана, многие из которых, будучи изгнанными из своих домов мюридами, стали искать защиты у русских. Постепенно движение мюридов, зародившееся в Дагестане, стало находить все больше сторонников в Чечне, где естественный примитивный коммунизм отвечал эгалитарным принципам имама.

В Стамбуле движение Шамиля было понято неправильно. Турки считали его детищем своей собственной политической пропаганды и не понимали мистических аспектов мюридской ереси. В британских кругах газават Шамиля расценивался как национальная и политическая борьба против Российской империи, сходная с различными антиимпериалистическими движениями в разных частях Европы и Ближнего Востока, которые в то время вызывали симпатию и энтузиазм у английских либералов. Отдельные личности, которые поддерживали дело черкесов, лелеяли надежды, что можно будет координировать оба движения в западных и восточных районах Кавказа. Путешественники Лонгворт и Белл совершили несколько поездок на побережье Черкесии, где завязали отношения с вождями племен и (совершенно напрасно) лелеяли надежду, что британское правительство начнет оказывать им материальную помощь и дипломатическую поддержку. Был организован тайный подвоз оружия и боеприпасов из Трабзона, а некоторые влиятельные турки вместе с британскими тюркофилами вроде Дэвида Уркварта²⁶ создали в Стамбуле Черкесский политический центр, во главе которого встал некий Сефер-бей, получивший образование в России. Турецких мулл, совершенно не знавших местные условия, отправили проповедовать газават среди черкесов.

В 1837 г. вожди черкесских племен, вдохновленные, вероятно, недавним визитом Лонгворта и Белла, отправили русским властям на Кубани ультиматум. Они требовали прекращения работ на новой укрепленной линии, которая строилась от Ольгинского моста на Кубани до Геленджика и после своего завершения должна была окружить все северо-западные земли черкесов.

В то же время император Николай I решил принять энергичные меры, которые должны были положить конец Кавказской войне. Осенью 1837 г. он проехал по своим кавказским владениям: высадился сначала в Геленджике, а потом – в Редут-Кале, откуда отправился в Кутаиси, Тифлис и Ереван. Шамилю было послано приглашение явиться ко двору императора в Тифлисе, чтобы получить царское прощение. После некоторых раздумий имам отклонил это предложение, отказавшись получить личное спасение, поскольку идея газавата запрещала прекращать борьбу. Следующей весной генерал граф Граббе получил приказ императора взять оплот Шамиля в Ахульго и положить конец движению мюридов.

На Западном Кавказе уже начались полномасштабные военные действия согласно плану, составленному Паскевичем семью годами ранее. В июне 1837 г. в Адлере, в устье реки Мзымта, высадились 3 тыс. солдат с 16 орудиями. Одновременно русские продолжали строить крепости на побережье Черного моря южнее Геленджика.

В апреле и мае 1838 г. сильные русские соединения были высажены в Сочи и Туапсе, где после нескольких стычек с черкесами началось строительство фортов. На следующий год основные бои шли между Геленджиком и Туапсе, где в долинах Шахе и Псезуапсе располагалось много богатых черкесских селений. В устье Шахе воевала целая пехотная бригада, которую поддерживали моряки и казаки. Все эти войска понесли крупные потери. Тем не менее русские продолжали строить форт Головинск, а также несколько других крепостей на побережье между Геленджиком и Адлером. Сооружение прибрежной Черноморской линии приближалось к завершению, однако последующие события показали, что ее легче построить, чем защитить.

Тем временем Граббе в восточной части Кавказа одержал крупную победу. После 80-дневной осады он взял Ахульго, оплот Шамиля, расположенный в ущелье Анди-Кёйсу. Тем не менее следующей весной (1840) имам, ободренный вестями, пришедшими с Западного Кавказа, снова возобновил свои набеги.

²⁶ Дэвид Уркварт одно время был первым секретарем в стамбульском посольстве.

Зима 1839/40 г. оказалась для черкесов очень тяжелой. После двухлетней войны многие процветавшие когда-то селения были разрушены. Казаки увели с собой за Кавказскую линию тысячи голов скота. Все важные пункты на побережье находились в руках русских, и связь с Турцией была прервана. Черкесские земли оказались зажатыми между Кубанью, линией, шедшей от этой реки к Геленджику, и второй линией, проходившей вдоль реки Лабы.

Однако именно нужда помогла сплотить черкесские племена; весной 1840 г. в Черкесии вспыхнуло общее восстание, которое вскоре приняло угрожающие размеры. Мощные отряды, по 10 и даже 12 тыс. человек, атаковали русские линии обороны и укрепленные прибрежные крепости. Форты Лазаревский, Вельяминовский и Михайловский были взяты штурмом, а их гарнизоны вырезаны. Однако русские вскоре оправились и усилили оборону. Атаку на Головинск отбили. Черкесы объединили свои силы, намереваясь овладеть фортом Абинск, ключевым пунктом новой линии, прикрывавшим дорогу от нижнего течения Кубани в Геленджик. Небольшой русский гарнизон, состоявший из четырех пехотных рот, некоторого числа казаков при 12 орудиях, оказал отчаянное сопротивление и отбросил черкесов. В последней атаке, стремясь преодолеть глубокий ров, прикрывавший главный редут форта, черкесы потеряли 685 человек убитыми. Это поражение, а также прибытие русских моряков, которые должны были оборонять прибрежные крепости, охладили черкесский пыл. В западных горах ситуация более или менее стабилизировалась, однако партизанская война продолжалась. Некоторые русские форты пришлось эвакуировать, другие – укрепили, а их гарнизоны сильно увеличили. Черкесы утратили веру в обещания турецких и британских властей, и это разочарование очень сильно повлияло на развитие событий на Кавказе во время кампаний 1853–1856 гг. Русские, со своей стороны, не смогли до конца усмирить Западный Кавказ, во-первых, потому, что Шамиль в восточной части Кавказа продолжал одерживать победы, а во-вторых, из-за того, что международное положение в странах Причерноморья, с точки зрения России, сильно ухудшилось.

С 1840 по 1842 г. русские войска в многочисленных стычках с мюридами потеряли около 5 тыс. человек, потери экспедиции Граббе против Ахульго довели это число до 9 тыс. В 1843 г. Шамиль снова взял инициативу в свои руки и перенес свои набеги из Чечни в Дагестан. К нему присоединились тысячи новых бойцов, включая знаменитого Хаджи-Мурата, которого обессмертил в своей повести Лев Толстой. Потери русских в этот год возросли до 12 тыс., а мюриды сумели захватить в боях два десятка орудий. У них было множество хорошо обученных артиллеристов, которые дезертировали из русских крепостей, так что пушки пошли в дело. Восстание охватило всю Чечню, а в Дагестане русским пришлось эвакуировать многие важные форты. Восстание мюридов вызвало серьезную озабоченность в Петербурге, и император Николай I приказал перебросить на Кавказ весь V армейский корпус. Операции в Черкесии приостановили и против грозного имама сосредоточили не менее 30 тыс. солдат с многочисленной артиллерией. Такая концентрация сил была максимальной – большей ограниченные коммуникации того времени позволить не могли. Весной 1845 г. командование этими войсками было поручено князю Воронцову.

Воронцов отлично понимал, что завоевать восточную часть Кавказа можно только систематическими действиями. Необходимо было выдвигать вперед оборонительные линии; строить форты, дороги и мосты; вырубать леса и лишать горцев доступа к пастбищам. Концепция многолетней осады естественной кавказской крепости была разработана еще 15 лет назад, во времена Ермолова, генералом Вельяминовым, однако позже, после успешных боевых действий Паскевича против турок, правительство решило, что в длительной осаде нет нужды. В ответ на стремительные набеги мюридов устраивались плохо подготовленные походы на аулы, в которых укрепились имамы. Император не хотел расставаться с надеждой, что войну в горах можно закончить одним ударом, направленным на захват

самого Шамиля; и во время подготовки кампании 1845 г. ему удалось навязать свое мнение Воронцову.

Поздней весной того же года две колонны числом 18 тыс. пехотинцев вместе с казаками, имея при себе 50 орудий, под личным командованием Воронцова совершили тяжелый переход по горам и вторглись в долину верхнего течения Анди-Кёйсу. Имам, узнав об этом, снова ушел в леса Ичкерии и сосредоточил свои силы в районе аулов Веден и Дарго. Уже испытывая нехватку продовольствия, Воронцов решил последовать за ним, взяв с собой большую часть своих войск. Форсировав горы, располагающиеся севернее Анди-Кёйсу, он вошел в район Дарго. Шамиль, стремясь избежать сражения, позволил русским захватить аул Дарго.

Не сумев навязать имаму битву, Воронцов решил вернуться на свою базу в Грозный. Он пошел через буковые леса Чечни, где за каждым деревом русских ожидали мюридские снайперы. Лошадей и поклажу пришлось бросить; число раненых непрерывно возрастало. Воронцов ушел из Дарго 13 июля, и ему потребовалась целая неделя, чтобы пройти по лесам 30 миль и добраться до Грозного. Он потерял 4 тыс. человек, включая трех высших офицеров и 200 офицеров других званий.

Шамиль, чей престиж резко возрос, а войска наполнились новыми бойцами, появился в районе Владикавказа и начал угрожать Военно-Грузинской дороге. Его горные банды совершили набеги на Кабарду; казалось, что ему удастся установить прямой контакт с черкесами.

Однако генерал Фрайтаг, руководивший войсками в районе Сунжи, и казачий генерал Слепцов сумели отбросить Шамиля. Его движение лишилось своего импульса; кабардинцы, традиционно дружественные русским, пришли под руководством своих вождей к ним на помощь, а черкесы, жившие за пределами верхней Кубани, не ответили на призывы имама. Шамиль опасался, что его линии связи с Чечней будут перерезаны, и, повернув назад, во время переправы через Терек чуть было не попал в окружение.

В 1845–1846 гг. движение мюридов достигло своей кульминации, а потом пошло на спад, что, впрочем, стало заметно не сразу.

Книга вторая

Кавказский театр военных действий во время Крымской войны

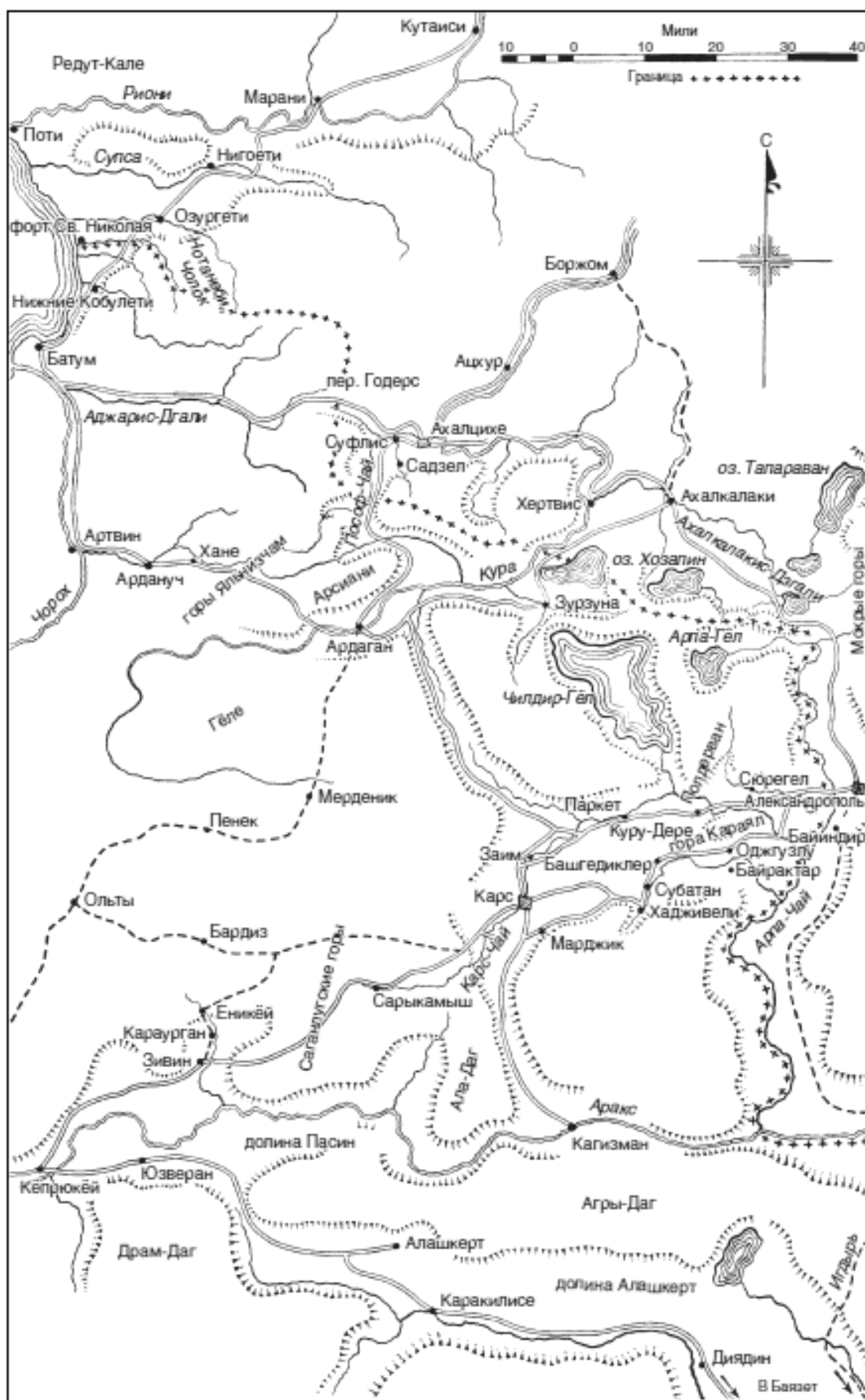
Глава 4

Операции на границе осенью 1853 г.

Во время революционного кризиса в Европе 1848–1849 гг. была организована русская военная интервенция в Австро-Венгрию. Император Николай I стремился подавить всякое движение, направленное против существующего правительства. Благодаря появлению русской армии в долине среднего Дуная и демонстрации мощи огромной славянской державы, в Австро-Венгрии активизировались славянские национальные группы. Казни, которые вскоре после этого начались в соседних турецких провинциях Босния и Герцеговина, а также война в Черногории стали свидетельством широкого распространения и усиления брожения среди славян Восточной Европы.

Император Николай, несмотря на его нелюбовь ко всем разрушительным движениям, не мог игнорировать эту ситуацию, и его политика – в противовес порожденной договором в Хункар-Искелези в самом начале его правления – теперь была направлена на мирный раздел, с согласия всех ведущих европейских держав, территорий Османской империи.

В то же самое десятилетие Англия, встревоженная усилением влияния России на Ближнем и Среднем Востоке и в Центральной Европе (примером которого стала интервенция русских войск против революций 1848 г.), стремилась проводить более решительную политику в Восточном Средиземноморье. Эта политика нашла поддержку в Париже, где новый император Наполеон III стремился затушевать свой недавний путч попыткой возродить славу наполеоновской Франции.

Русско-турецкая граница в 1853–1856 гг.

Турецкий двор и имперская бюрократия, находившиеся на гребне движения за модернизацию страны, начатого султаном Махмудом II, увидели в сочетании европейских амбиций возможность добиться, при поддержке западных держав, стабилизации своей позиции на Балканах и Ближнем Востоке и положить конец стремлению России установить господство своего флота на Черном море.

Когда летом 1853 г., после провала миссии Меншикова, русские оккупировали румынские княжества, турки, уверенные в поддержке западных держав, решили объявить войну России и ввели свои войска в Валахию, где они 1 ноября одержали победу в битве при Олteniце. Одновременно началось наступление и на Кавказском фронте, и перед тем, как русский флот разбил турецкую эскадру в Синопской битве (30 ноября), на Кавказе шли тяжелые бои. Разгром турок в Синопе спровоцировал вступление в войну Великобритании и Франции.

Получив негативный опыт в войнах с русскими и египтянами в 20–30-х гг. XIX в., имперская османская армия находилась в процессе преобразования из отсталого азиатского войска, характерного для XVIII в. (вроде того, что воевало с Паскевичем), в армию, отдаленно напоминавшую европейские вооруженные силы, появившиеся в Европе после Наполеоновских войн. В течение двух десятилетий десятки европейских офицеров занимались подготовкой кадров для турецкой армии. Среди них были такие выдающиеся деятели, как прусские полковники фон Мольтке (который позже стал фельдмаршалом) и фон Кушковский, британский полковник Фенвик Уильямс; храбрый авантюрист, сражавшийся в венгерской войне, полковник Гийон и польский генерал Хржановский. Одновременно британские морские офицеры занимались реорганизацией турецкого флота.

К 1837 г. в турецкой армии насчитывалось уже 100 низамских (регулярных) батальонов, более или менее обученных, шесть полков сювари (регулярной кавалерии), три полка полевой артиллерии и 40 батальонов редифов (пехоты резерва). В 1842 г. для всех мусульманских подданных султана служба в армии, по прусскому образцу, стала обязательной, и к 1850 г. число регулярных батальонов удвоилось, а количество резервных батальонов выросло в 4 раза. Хотя в турецком батальоне было не более 500–600 человек, численность регулярной османской армии приблизилась к 250 тыс. человек. Ее могли пополнить примерно 150 тыс. человек нерегулярных военных образований, большинство из которых набирались в Азиатской Турции. Решено было также усилить полевую артиллерию шестью полками по 72 орудия в каждом, однако осуществить это намерение до 1853 г. не удалось.

Запланированная организация шести армейских корпусов столкнулась с трудностями, связанными с отсутствием подходящих высших офицеров, которые смогли бы их возглавить. Несколько прекрасных офицеров можно было найти в артиллерии; кроме того, турецкую армию усилили многочисленные венгерские эмигранты, бежавшие из своей страны после событий 1848–1849 гг., но главная слабость этой армии по-прежнему заключалась в отсутствии командных кадров и в особенности офицеров высшего звена. Эта армия не способна была совершать маневры и потому не могла провести ни одной наступательной операции. Зато она хорошо показала себя в обороне, что было доказано в битвах на берегах Дуная.

В Османской империи построили современные фортификационные сооружения в Трапезунде, Эрзеруме и Батуме, много внимания уделили Карсу, который, под руководством полковника Уильямса, превратился в хорошо укрепленную крепость с самыми современными фортификациями. Были составлены планы укрепления Ардагана, но, когда началась война, они еще не были осуществлены.

Турецкий военно-морской флот в Черном море уступал по тоннажу, огневой мощи и обученности моряков русскому.

Летом 1853 г. турки постепенно сосредоточили на кавказской границе значительные силы. В Армении должен был расположиться IV армейский корпус, который, однако, суще-

существовал только на бумаге. Турецкая армия в октябре 1853 г. имела несколько подразделений по 15–20 тыс. человек, стоявших в районе Эрзерума, Карса, Ардагана и Батума.

Если рассматривать события с политической точки зрения, то Турция стремилась начать боевые действия до наступления зимы, желая воспользоваться благоприятными тенденциями в мировой политике и сочувственным отношением к ней Англии и Франции, а Россия, наоборот, пыталась оттянуть начало войны как можно дальше. Поэтому военные действия начались в форме турецкого наступления и сравнительно пассивного русского сопротивления на границе.

Внимание России было сосредоточено на Дунае, где находились основные силы турок и ожидалась интервенция ее союзников. Кроме того, было не совсем ясно, каково отношение к войне австро-венгерского правительства. Поэтому в Кавказской армии было оставлено минимальное число войск, необходимое лишь для обороны.

Войска разбросали по обширной территории, а их обязанности и проблемы оказались весьма многочисленны. В западной части Кавказа необходимо было оборонять от черкесских нападений Кубанскую и Лабинскую линии, а также прибрежные посты, и одновременно не допустить высадки турецких или союзных им войск. На Восточном Кавказе было важно сохранять гарнизоны в Чечне и Дагестане и защищать Кахетию от набегов мюридов, которые, как предполагалось, могли вступить в союз с турками.

Осенью 1853 г. на Кавказе располагались пять пехотных дивизий (гренадеры, 13, 19, 20 и 21-я), из которых 19-я и часть 20-й и 21-й были оставлены в горах для поддержки казаков, служивших на оборонительных линиях и в Дагестане. Подразделения другой дивизии находились в мусульманских районах Восточного Закавказья и вдоль персидской границы. Поэтому в распоряжении Воронцова имелись менее двух дивизий, десять казачьих полков, некоторое число драгун и нерегулярные образования грузин, имеретинцев и гурийцев, а также мусульманское конное ополчение – всего около 23 тыс. человек, с которыми он должен был защищать русскую территорию Закавказья. Говорят, что он несколько преувеличил свои возможности, заявив императору, что для борьбы с турками пригодны лишь несколько батальонов.

Ситуация на Западном Кавказе оказалась более благоприятной, чем можно было бы ожидать. В августе Шамиль, собрав под свои знамена около 10 тыс. горцев, перешел Главный хребет Кавказа и напал на Кахетию. Однако князь Аргутинский форсировал горную цепь со стороны долины Самура и создал угрозу для тылов армии Шамиля, который поспешил отступить, не нанеся Кахетии серьезного урона. Турки сильно преувеличили значение этого набег, который внушил им надежду, что имам поможет им разгромить русских. Тем не менее он повлиял на расположение русских войск и заставил осторожного Воронцова оставить в Кахетии и районе Тифлиса большие резервы, несмотря на известия о том, что на границе сосредоточены турецкие войска.

Защита границы была очень слабой. На побережье Черного моря, напротив форта Св. Николая²⁷ и севернее реки Риони в Редут-Кале стоял всего лишь один батальон пехоты и небольшое число казаков. Старые турецкие фортификации в Ацхуре, Ахалцихе и Ахалкалаки оставались в том состоянии, в каком они были в 1829 г. Сооружение новых укреплений вокруг Александрополя еще не было завершено.

Оборону границ предоставили полевым войскам – и правильно сделали, поскольку русские хорошо знали, что турки не способны к маневру. Кроме того, русские не ожидали осенней атаки турок, и в начале ноября основная группа войск на границе, в городе Александрополе, еще не сконцентрировалась.

Распределение русских войск, предназначенных для обороны границы, показано ниже.

²⁷ Форт Св. Николая, который располагался к северу от пограничной реки Чолок, защищали всего две пехотные роты.

Группировки	Местоположение штаб-квартир и командующие	Состав
Гурийская	Озургети, генерал князь Андроников	Литовский полк (13-я пехотная дивизия), батальон Куринского полка (20-я пехотная дивизия), казачий полк, Гурийское ополчение, 2 полевые батареи (4,5 тыс. человек с 16 орудиями)
Боржомская	Ахалцихе, генерал князь Андроников	Виленский полк (13-я пехотная дивизия), казачий полк, Гурийское и Имеретинское ополчение, полевая артиллерия

Группировки	Местоположение штаб-квартир и командующие	Состав
Боржомская	Ацхур, Боржом, Сурам, Ахалкалаки	Брестский полк (13-я пехотная дивизия), Белостокский полк (13-я пехотная дивизия), 3 полевые батареи
	Кутаиси	Генеральный резерв
Александропольская	Генерал князь Бебутов	Эриванские гренадеры, грузинские гренадеры, батальон кавказских стрелков, саперный батальон, полк нижегородских драгун, 2 казачьих полка, 3 полевые батареи (10 тыс. человек и 24 орудия)
Ереванская	Ереван	2 батальона мингрельских гренадеров, батальон Ширванского полка (21 пехотная дивизия), казачий полк, полевая батарея (3 тыс. человек и 8 орудий)
Тифлисская	Тифлис	5 батальонов 20-й и 21-й пехотных дивизий, 3 полевые батареи

В ночь с 27 на 28 октября войска Ахмет-паши, командира крепости Батум, неожиданно напали на русский форт Св. Николая, захватили его и взяли гарнизон в плен. Русский батальон с двумя орудиями, посланный на помощь из Озургети (сейчас Махарадзе), прибыл слишком поздно и столкнулся с большими силами турок – около 5 тыс. человек. В течение последующих нескольких дней турки, численность которых была увеличена до 15 тыс., перешли пограничную реку Чолок; в связи с этим гурийские полевые войска вынуждены были покинуть Озургети и отойти в Марани на реке Риони, чтобы прикрыть дороги на Кутаиси. По приказу из Тифлиса гарнизон Редут-Кале был также эвакуирован, и морские коммуникации Закавказья с Крымом через Поты были брошены без боя. Тем не менее турки, опасаясь приближающихся дождей, не пошли дальше Озургети. В конце месяца уничтожение турецкой эскадры в Синопе адмиралом Нахимовым показало, что в поспешной эвакуации русских прибрежных фортов не было никакой необходимости.

Али-паша, командующий войсками Ардагана, оказался менее удачливым. В начале ноября, имея под своим началом около 18 тыс. человек, половину из которых составляли лазы и другие нерегулярные части, он начал наступление на Ахалцихе и Боржомское уще-

лье. Однако атаки нерегулярных войск на Ацхур и Ахалкалаки были отбиты. 13 ноября Али начал концентрацию своих сил в районе деревни Суфлис, расположившейся на правом берегу Пософ-Чая, в 5 км от Ахалцихе. Али принялся обстреливать город, но атаковать не стал, ожидая подхода новых подкреплений. Князь Андроников, который недавно прибыл в Ахалцихе, сам решил атаковать Али, хотя его силы были более чем в два раза меньше, чем у турок.

Али-паша занимал сильную позицию на вершинах, на которых стояли деревни Суфлис и Садзел. Андроников планировал начать фронтальную атаку и одновременно обойти левый фланг турок вверх по левому берегу Пософ-Чая, но, увидев, что турки скапливаются в одном месте, чтобы отбить фронтальную атаку, он, совершенно в духе Паскевича, неожиданно изменил свой план и отказался от нее. Виленский полк получил приказ взять высоту, на которой стоял Садзел; турецкие воины, скопившиеся за низкими оградами садов Суфлиса, попали под сходящиеся атаки виленских пехотинцев, шедших со стороны Садзела, и солдат Белостокского и Брестского полков, которые двинулись вдоль правого фланга русских, форсировав по грудь в воде реку Пософ-Чай. Турки начали отступать, сохраняя порядок, но их арьергард был смят, а все орудия захвачены. Отступление вскоре превратилось в бегство, когда на беспомощную толпу пехотинцев налетели казаки и конники имеретинцев. Али-паша потерял 4 тыс. убитыми, ранеными и взятыми в плен, а русские – всего 400 человек. Лазы и другие нерегулярные части (башибузуки)²⁸ были рассеяны по окрестностям.

Начавшееся в то же самое время турецкое наступление из Карса в Александрополь тоже закончилось разгромом. В начале ноября Абди-паша с войском в 30 тыс. человек и 40 орудий медленно двигался из Карса в сторону Александрополя, где, как было известно, русские еще не завершили концентрацию своих войск. Турки устроили свой главный лагерь в районе армянской деревни Сюрегел, расположенной в 25 км от Александрополя на турецком берегу Арпа-Чая. Их патрули форсировали глубокое ущелье этой реки и вторглись на территорию русских. После этого Абди-паша установил большую часть своих пушек на высотах у селения Байиндир, на русском берегу реки Арпа-Чай, с которых можно было держать под обстрелом дорогу из Александрополя на Ереван.

10 ноября князь Бебутов, еще не зная о начале военных действий, выслал в сторону Байиндира сильный отряд, в состав которого входила основная часть полевых войск Александрополя под руководством полковника князя Орбелиани, велел ему разведать обстановку. Спустившись по склону к руслу Арпа-Чая, Орбелиани неожиданно попал под огонь турецких батарей, стоявших на Байиндирских высотах. Русская пехота закрепилась и с большим мужеством выдержала несколько часов концентрированного огня 40 турецких орудий. Однако Орбелиани не смог найти удобных площадок для установки своей артиллерии; князь не решился атаковать сильные позиции турок, а отойти он не мог, зная, что ему в тыл тут же ударит многочисленная турецкая кавалерия. Русскому командующему повезло в том, что Абди-паша не проявил никакой инициативы. Вечером из Александрополя вышел Бебутов со всеми оставшимися у него войсками: тремя батальонами и небольшим отрядом нижегородских драгун. Пройдя вдоль Арпа-Чая, он подошел к туркам с правого фланга. Абди испугался, что Бебутов перережет его коммуникации, снял с позиций орудия и начал отход в сторону Сюрегела. Орбелиани, в свою очередь, вернулся в Александрополь, потеряв 1 тыс. человек, то есть около 20 % своего войска.

Бебутов сумел спасти от гибели отряд незадачливого Орбелиани, а Абди-паша упустил шанс одним ударом в первую же неделю начавшейся войны уничтожить основные полевые

²⁸ *Башибузуки* – термин, появившийся в газетах XIX в., который буквально означает «головорез». Так профессиональные военные презрительно называли бойцов нерегулярного ополчения.

силы русских в Закавказье. Никогда еще бездарность турецкого высшего командования не проявлялась так сильно, как в этом бою.

Из России на Кавказ медленно прибывали подкрепления: части 13-й пехотной дивизии – по морю, а 18-й дивизии – по суше. Железных дорог в этих краях еще не было, так что пехотинцам пришлось совершать длительные переходы, в ходе которых численность личного состава из-за ужасных условий часто сокращалась наполовину. Небольшая часть этих подкреплений в конце ноября добралась до Бебутова, и, получив известия о победе Андроникова под Суфлисом, князь решил начать наступление. Те же самые известия напугали Абди-пашу, который покинул Сюрегел и двинулся в Карс. Он занял сильную позицию, перекрывавшую дорогу из Александрополя в Карс: на высотах у селения Башгедиклер, которые нависали над долиной Каре-Чая с юга. Абди имел 48 орудий, 20 из которых были сведены в одну крупную батарею на горе Оджузлу, прикрывавшую правый фланг турок. В лагере Башгедиклер находились 36 тыс. солдат, включая 20 тыс. нерегулярных пехотинцев и одну бригаду кавалерии; остальные башибузуки и курды сомнительной стойкости заняли оборону на фиксированной позиции или приготовились к маневренной битве. 1 декабря пришло сообщение, что русские приближаются со стороны Сюрегела; осторожный Абди в это время был в Карсе, и войсками командовал храбрый и самоуверенный Ахмет-паша, который подверг критике действия своего командира под Байиндиром. Имея огромное преимущество в живой силе, Ахмет решил без промедления атаковать русских. Произошла типичная для кавказских условий битва, в которой отлично проявила себя закаленная в боях кавказская кавалерия, а молодая, недостаточно подготовленная турецкая регулярная армия снова продемонстрировала свое неумение совершать маневры.

Иностранные офицеры, служившие у Ахмета советниками, разработали план, согласно которому 5 тыс. низамов и 5 тыс. конников должны были на большую глубину обойти русский правый фланг, а 10 тыс. башибузуков и курдов смять их левый фланг. Бебутов предвидел турецкий фланговый обход и, пока его резервы сдерживали беспорядочные турецкие атаки, нанес основной удар по батарее на горе Оджузлу, имевшей 20 орудий. Первая атака грузинских гренадер была отбита с большими потерями – в ней погиб сам Орбелиани и большинство старших офицеров. В ходе второй атаки, которой более умело руководил князь Багратион, командовавший эриванскими гренадерами, батарея была взята. Последовала яростная штыковая схватка среди каменных домов селения Оджузлу, в результате которой низамы отступили. Атака на русский левый фланг, предпринятая курдами и башибузуками, после потери горы Оджузлу захлебнулась. На правом фланге князь (Ясон) Чавчавадзе с шестью эскадронами нижегородских драгун и конным грузинским ополчением отбил мощные атаки восьми батальонов низамов и турецкой регулярной кавалерийской бригады. Наконец, в ходе контратаки драгун и полка терских казаков турецкая кавалерия была обращена в бегство и захвачены четыре пушки.

Вся турецкая армия отступала теперь к Карсу; ее потери в Башгедиклерской битве были очень большими: половина всех орудий и весь обоз с продовольствием, а также 6 тыс. человек убитыми, ранеными и взятыми в плен. Потери русской армии составили 1,3 тыс. человек; храбрый полк грузинских гренадер poleg почти полностью.

Накануне Башгедиклерской битвы произошло сражение в Синопской бухте, в результате которого в войну вступили Британия и Франция. В начале ноября турки предлагали послать мощную эскадру к берегам Кавказа, но английский посол возражал против этого. В середине месяца в Синоп была отправлена более слабая эскадра (7 фрегатов, 3 корвета и 3 вооруженных парохода). Русские полагали, что она предназначалась для защиты транспортов, перевозивших подкрепления в Трапезунд и Батум. 30 ноября эскадра адмирала Нахимова (6 линейных кораблей и 2 фрегата) вошла в порт Синоп и после мощного обстрела сожгла или потопила все турецкие корабли, за исключением одного парохода, которому уда-

лось спастись²⁹. Потери русского флота составили всего лишь около 200 человек, зато на турецких кораблях огромному числу моряков и солдат пришлось «испытать щербет мученичества». Намик Кемаль, знаменитый турецкий писатель XIX в., создал драму «Акиф-бей», фоном для которой послужила Синопская битва (жители Чюрюксу в этой пьесе обсуждают эту битву).

На какое-то время победы при Башгедиклере и Синопе обезопасили позиции русских на Кавказе, однако Синопское сражение произвело на британскую и французскую публику удручающее впечатление. 3 января 1854 г. Англия и Франция вступили в войну, что сразу же создало угрозу господству России на Черном море. Власти России расценили это как дурное предзнаменование и для Кавказа.

²⁹ На русских кораблях стояли орудия генерала Пайксхана, стрелявшие снарядами, запатентованными еще в 1824 г. «Именно тот эффект, который русские снаряды оказали на турецкие корабли в Синопе, заставил военно-морские умы задуматься о необходимости брони (статьи из журнала «Записки военно-морского общества»: «Русская война, 1854», «Балтийское и Черное море»).

Глава 5

Операции в Гурии и Кахетии. Сражение при Куру-Дере. Лето-осень 1854 г.

Наместник Кавказа князь Воронцов рассматривал появление франко-британского флота в Черном море как огромную угрозу не только для кавказского побережья, но и для всех русских владений, расположенных южнее Главного хребта. Тифлис настойчиво требовал подкреплений; ранней весной туда прибыли три драгунских полка и шесть полков донских казаков. Однако в связи с ухудшением ситуации на Дунае и с угрозой вторжения в Россию стало очевидно, что больше подкреплений не будет. Здоровье обеспокоенного и удрученного наместника сильно ухудшилось, и он покинул Тифлис; вместо него остался генерал Рид³⁰. Он был настроен крайне пессимистично: опасался высадки франко-британского экспедиционного корпуса и персидской атаки на реке Араке. В своем докладе императору он советовал эвакуировать все русские гарнизоны с мусульманских территорий Восточного Кавказа, включая Дербент и с таким трудом завоеванные позиции в Дагестане, а также временно оставить Грузию, Имеретию, Мингрелию и Гурию. Он предлагал ограничить русскую оборону защитой Кавказской линии к северу от Главного хребта, вдоль рек Кубань, Сунжа и Сулак. Император Николай I с негодованием отверг пораженческие предложения Рида, снял его с поста руководителя военной администрации Кавказа и назначил на эту должность князя Барятинского (будущего победителя Шамиля). Офицеры, служившие на границе, ни в коей мере не разделяли опасений наместника Тифлиса, и дальнейшее развитие событий показало, что император оценил ситуацию правильно.

Политические страхи оказались сильно преувеличенными, а последующие события показали, до какой степени могут быть необоснованными политика и стратегия, если они базируются на предположениях, строящихся исходя из внутренних перемещений войск во вражеском государстве, – даже если правительство этой страны само ожидает успеха от этих передвижений.

На территории, где многочисленное население, состоящее из враждебных друг другу сообществ, подвергалось воздействию различных иностранных влияний и где численность оккупационных войск, рассеянных на огромной территории в виде относительно небольших отрядов, не превышала 100 тыс. человек регулярной армии и казаков, возникали различные проблемы.

Настоящая опасность таилась в возможных черкесских атаках, поддержанных войсками союзников с моря, и во вторжении Шамиля в Кахетию. Кроме того, не было полной уверенности и в том, что «мирное» мусульманское население Восточного Закавказья останется лояльным к России, узнав об успехах турецких и союзных войск или о персидском вторжении.

Вероятность турецкого наступления и мусульманских атак помогла русской администрации приобрести горячую поддержку со стороны грузинских и армянских христиан. После Кахетинского восстания 1812 г. у Российской империи практически не было проблем с грузинами и никогда – с армянами. Некоторые грузинские офицеры разделяли идеи декабристов; в Гурии вспыхнуло несколько небольших крестьянских восстаний. В годы войны 1828–

³⁰ Ветеран Наполеоновских войн генерал Н.А. Рид погиб в битве на Черной речке. Он считался потомком одного из многочисленных шотландских военных, служивших в XVI в. в России, однако, упоминая его фамилию, «Русский биографический словарь» (РБС) ничего не говорит о его происхождении. Тем не менее тот факт, что он был дворянином Смоленской губернии, где большое число шотландских офицеров получило свои поместья, указывает на шотландское происхождение семьи генерала.

1829 гг. грузины (за исключением гурийцев, которым турки угрожали напрямую) весьма неохотно вступали в ряды русской армии, и Паскевичу было гораздо проще набрать мусульман в два своих великолепных полка нерегулярной конницы. Однако в последней четверти XIX в. грузинская знать попала под влияние русского образа жизни (особенно военного), и многие грузинские офицеры, а также офицеры смешанного грузинско-армянского происхождения добились в императорской армии командных постов: Андроников, Бебутов, Орбелиани, Багратион, Чавчавадзе и Эрнстов. В тот период в Грузии не было серьезных антиросийских настроений – ни среди дворянства, ни среди крестьянства. Грузинский национализм появился в конце века уже в буржуазной среде.

Опасаясь турок и своих мусульманских соседей, крестьяне не отставали от дворян в демонстрации преданности России. Призыв князя Воронцова, очень популярного на Кавказе человека, был встречен с энтузиазмом. В Имеретин и Восточной Грузии было набрано четыре регулярных батальона, а в Картли и Кахетии, которым угрожали свирепые мюриды Шамиля, – десять дружин по тысяче человек в каждой. В Имеретин 5 тыс. человек ушли в ополчение, в Гурии – 3 тыс. (традиционно гурийцы считались лучшими стрелками) и около 2 тыс. – в Мингрелии. Некоторые из этих частей, в особенности гурийские и имеретинские дружины, проявили отличные бойцовские качества и составили очень ценное пополнение для 20-тысячной русской армии на Кавказе.

Надежды, которые турки возлагали на горцев, вскоре рассеялись; оказалось, что у мюридов и черкесов почти не было общих интересов, а самих черкесов разделяла межплеменная вражда. Когда весной 1854 г. в Черном море появился флот союзников и русские приступили к эвакуации всех прибрежных крепостей к югу от Анапы, казалось, что настало время для восстания черкесов. Однако в Стамбул прибыл наиб, или посол, Шамиля в Черкесии Мухаммад Амин и стал жаловаться на то, что черкесы не хотят подниматься против России. В Сухум был отправлен Сефер-бей, глава Черкесского комитета, созданного в Стамбуле, эмигрант, служивший когда-то в русском кавалерийском полку. Его сопровождал другой эмигрант, называвший себя «Бехчет-паша». Бехчет остался в Сухуме для переговоров с абхазами, а Сефер поехал в Туапсе. Здесь шапсуги встретили его без особого энтузиазма, однако в Анапе, у натухаев, он получил более горячий прием. В Сухуме Бехчет обнаружил, что правящая в Абхазии семья князей Шервашидзе разделилась на два лагеря: христианские князья придерживались пророссийской ориентации, а Искандер (Александр) Шервашидзе, мусульманин, был готов сотрудничать с турками и просил признать его правителем Абхазии, а также присоединить к его владениям соседнюю мингрельскую область Самурзакан.

Территориальные претензии князя Александра сильно затруднили переговоры с князьями Дадияни в соседней Мингрелии. Это была последняя княжеская семья в Грузии, которая сохранила относительную независимость при русском правлении. На регентшу, княгиню Дадияни³¹, оказывал определенное влияние французский учитель, подвизавшийся при ее дворе в Зугдиди, однако эта дама предпочла воздержаться от помощи туркам, поскольку мингрельское крестьянство в течение нескольких веков страдало от опустошительных набегов турок и абхазов. Все переговоры прекратились, когда побережье от Анапы до Редут-Кале стало ничейной землей; только в устье реки Кодор и других местах неподалеку от побережья сохранились небольшие контингенты русских войск.

Турки не хотели отказываться от своих планов наступления на Кавказе и предлагали союзникам высадиться на побережье и начать тройное наступление из Батума, Ардагана и Карса на Кутаиси, Ахалцихе и Александрополь. Их главными целями были общее восстание мусульманского населения и захват Тифлиса.

³¹ Эта княгиня была дочерью А.Г. Чавчавадзе.

Однако союзники не проявили интереса к турецким предложениям. Британия мечтала уничтожить господство русского флота на Черном море и стабилизировать позиции Османской империи на Балканах и в Малой Азии. Один лишь Пальмерстон, возможно, предвидел более широкие перспективы общего европейского наступления на Российскую империю, включая использование потенциальных национальных движений в русских владениях, однако осуществить эти планы не позволила чрезмерная чувствительность Пруссии и Австрии по поводу Польши.

Луи-Наполеон вынашивал романтические мечты о реванше за поражение своего дяди в 1812 г. Однако в первую очередь он собирался отомстить за крупное дипломатическое поражение, которое понесла Орлеанская монархия во время Ближневосточного кризиса 1841–1842 гг. В союзе с сильной морской державой – Британией – он предвкушал легкий и быстрый успех.

Главной задачей союзников стало уничтожение российского Черноморского флота; все другие цели были подчинены этой. Однако для ликвидации российского флота необходимо было захватить его хорошо укрепленную базу – порт Севастополь, который нельзя было уничтожить одной лишь атакой с моря. Союзники понимали необходимость нападения на город со стороны суши, но для этого необходимо было иметь огромный транспортный флот, а уже одно это исключало проведение крупной операции на Черноморском побережье. Проблема транспортировки войск занимала все внимание и все силы союзников; на турецкой территории, в болгарских портах Варна и Каварна, создали временные базы. Необходимо было также держать лучшие войска турецкой армии в крепостях, расположенных в этом четырехугольнике, чтобы защитить его базы от русского нападения с территории Добруджи или из-за Дуная.

Британские и французские наблюдатели посетили Кавказское побережье, но ни перспектива эффективных действия со стороны черкесов, ни условия, в которых находились турецкие войска в Армении, не произвели на них особого впечатления.

Интересно поразмышлять о том, как развивались бы события, если бы главные действия союзников были направлены на изгнание России с Кавказа. Они, пользуясь господством своего флота на море, могли бы беспрепятственно перевозить сюда войска и отрезать Северный Кавказ от всей остальной России; однако русские все равно могли бы доставлять воинские подкрепления в Дербент и Баку по длинному Волго-Каспийскому пути. Несмотря на мрачные прогнозы генерала Рида, Россия, скорее всего, сумела бы подавить любое выступление мюридов, движение которых в ту пору, несомненно, находилось в упадке. Одновременно союзники не смогли бы добиться решающих побед, высадив свои войска на побережье Кавказа, а если бы они вторглись в болотистые равнины Мингрелии (что они и сделали в 1855 г.), то русские, сосредоточив свои силы в Сурамских горах, навязали бы им кровопролитные бои.

Завоевание Кавказа, даже если бы союзникам удалось этого добиться, не стало бы долговечным, если бы они не создали здесь постоянный военный протекторат, который противостоял бы возродившейся мощи России. Турецкая империя, которая уже демонстрировала признаки близкого распада, не способна была выполнять обязанности защитницы различных народов Кавказа и решать связанные с этим проблемы. А любая западная держава смогла бы организовать защиту и оборону этих мест от русского реванша только в том случае, если бы ей удалось создать безопасные линии коммуникаций, а для этого *inter alia*³² потребовалась бы оккупация проливов и закамуфлированный протекторат над Османской империей и контроль над ее вооруженными силами.

³² Среди прочего (*лат.*).

Для морской державы вроде Великобритании оккупация и защита Кавказа создала бы проблемы, сравнимые по своей сложности с проблемами удержания Индии и Египта. Разница заключалась бы в том, что связь с Индией и Египтом осуществлялась в основном по морю, на Кавказе же оккупировавшая его морская держава находилась бы под постоянной угрозой нападения со стороны более удачно расположенной сухопутной соседки, а безопасность морских коммуникаций во многом зависела бы от различных составляющих международной политики. Такая проблема возникла, но уже в современном виде, в 1919–1920 гг., и решения ее по тем же самым политическим и стратегическим причинам так и не нашлось.

Офицеры армии союзников, посетившие Трапезунд, Эрзерум и Карс, не изменили своего скептического отношения к способности турецких армий одержать победу на Кавказе. Войскам пришлось пережить тяжелую зиму; они были плохо одеты и получали скудное питание; в Карской и Эрзерумской областях свирепствовал тиф и другие заболевания, которые вызывает переохлаждение и отсутствие гигиены. В Батуме смертельная форма малярии уничтожила половину размещавшихся здесь войск. Тем не менее по морю и по сухопутному пути на Кавказ постоянно прибывали подкрепления. Корпус Селим-паши, стоявший между Батумом и Озургети, насчитывал 40 тыс. человек; половина из них относилась к регулярным войскам. В Карсе новый сераскир Мустафа Зариф-паша командовал войском, в котором было около 40 тыс. регулярных войск и 20 тыс. – нерегулярных; в Эрзеруме располагался резерв из 20 тыс. солдат. В Баязете для атаки на Ереван было сосредоточено 8 тыс. бойцов регулярной армии и около 10 тыс. курдов под руководством другого Селим-паши. Район Ардагана охраняли лишь нерегулярные соединения лазов и курдов. Если не считать осадных орудий в крепостях, многие из которых уже давно устарели, в турецкой артиллерии было в два раза меньше пушек, чем в русской армии. Учитывая все эти факты, непредвзятый наблюдатель сделал бы вывод, что наступательные амбиции турок не соответствовали их силам.

Русское полевое командование знало о турецких планах общего наступления; воодушевленные победами, одержанными в ходе кампании 1853 г., русские собирались перейти в контрнаступление. Однако их силы были ограничены требованиями обеспечения внутренней безопасности.

Следует отметить, что 19-я пехотная дивизия и части 20-й и 21-й пехотных дивизий, со всеми полками кубанских и терских казаков и несколькими полками донских казаков остались стоять на Кавказской и Лезгинской линиях, чтобы отразить, в случае необходимости, нападение лезгин и черкесов. Это составляло около половины всех русских войск на Кавказе³³.

С русской стороны в кампании 1854 г. участвовали:

³³ Так, во время Абиссинской кампании 1941 г. итальянцам пришлось оставить треть своих вооруженных сил для обеспечения внутренней безопасности Италии. Это говорит о том, как важна угроза внутреннего восстания на территории вражеского государства. Эта угроза часто бывает более значимой, с точки зрения отвлечения вражеских войск для ее подавления, чем действия, которые взрываются совсем не с той силой, какую ожидал от них враг.

Группировка войск	Штаб-квартира и командующий	Подразделения
Гурийская	Кутаиси, Андроников	Литовский полк (13-я пехотная дивизия), Брестский полк (13-я пехотная дивизия), 2 батальона Куринского полка (20-я пехотная дивизия, казачий полк, гурийское ополчение, имеретинское ополчение, полевая батарея, горная батарея (примерно 9 тыс. человек и 10 орудий)
Ахалцихская	Генерал Ковалевский	Виленский полк (13-я пехотная дивизия), Белостокский полк (13-я пехотная дивизия), грузинский линейный батальон, 2 казачьих полка, грузинское ополчение, 3 полевые батареи (примерно 9 тыс. человек и 24 орудия)
Александропольская (2 батальона при гарнизоне Ахалцихе)	Бебутов	Грузинские гренадеры, эриванские гренадеры, Тульский полк (18-я пехотная дивизия), Белевский полк (18-я пехотная дивизия), Рязанский полк (18-я пехотная дивизия), драгуны Тверского, Новороссийского и Нижегородского полков, составлявших бригаду драгун, 2 казачьих полка, 2 полка нерегулярной мусульманской конницы, 6 полевых батарей, 2,5 горные батареи (примерно 20 тыс. человек и 68 орудий)
Ереванская	Генерал барон Врангель	2 батальона Ширванского полка (21-я пехотная дивизия), батальон Мингрельского полка (21-я пехотная дивизия), батальон Тифлисского полка (21 пехотная дивизия), казачий полк, полк нерегулярной мусульманской конницы, 1,5 полевые батареи (примерно 2 тыс. человек и 12 орудий)

Генеральный резерв	Тифлис, Бяратинский	Рязанский полк (18-я пехотная дивизия), несколько батальонов 20-й пехотной дивизии, 2 батареи
	Лезгинская линия (Кахетия)	Части 21-й пехотной дивизии
	Граница с Персией	4 эскадрона драгун Нижегородского полка, несколько казачьих полков
Кавказская линия	Северный Кавказ	19-я пехотная дивизия, часть 20-й пехотной дивизии, полки кубанских казаков, полки терских казаков
Побережье Черного моря	Между Сухумом и Редут-Кале	Полки донских казаков, несколько линейных батальонов

Кампания 1854 г. началась довольно поздно – в начале июня – и поначалу развивалась в западных низменностях Кавказа, где климатические условия наиболее благоприятны. Отсутствие крупных сил турок в районе Ардагана позволило укрепить гурийскую группи-

ровку за счет подразделений из Ахалцихе. В первую неделю июня Андроников выслал сильный разведывательный отряд под командованием князя Эрнстова (два пехотных батальона, 1 тыс. человек гурийского ополчения, 300 казаков с четырьмя пушками) из Марани в Нигоети, по дороге, ведущей в Озургети. 8 июня Эрнстов был атакован (но не внезапно) отрядом лазских нерегулярных войск Хасан-бея, который насчитывал 8 тыс. человек. После жестокой стычки атака была отбита; турки потеряли в ней 2 тыс. человек и 2 орудия. 15 июня Андроников привел свои главные силы в Озургети, а Селим-паша отступил, форсировав пограничную реку Чолок.

Турки создали укрепленную позицию, прикрывавшую дорогу из Озургети в Кобулет. Она располагалась напротив моста через Чолок; ее правый фланг выходил на дорогу, а левый был прикрыт густым лесом. Они решили, что в уничтожении моста нет никакой необходимости; лазские ополченцы внимательно наблюдали за густыми зарослями кустарника на речном берегу. На возвышенности турки установили 13 орудий, снаряды которых должны были лететь поверх оврага, создавая некоторое мертвое пространство для русского наступления.

Утром 15 июня турки увидели русских солдат уже на другом берегу реки – они перешли Чолок по мосту и вброд в тех местах, которые отыскиали для них гурийцы. Селим-паша позволил Андроникову безо всяких помех развернуть свои колонны. Справа, напротив турецкого левого фланга в лесу, Андроников поставил генерала Майделя с двумя куринскими и двумя литовскими батальонами; слева, у моста – генерала Брюннера с двумя оставшимися литовскими батальонами и двумя брестскими. В резерве остались два других брестских батальона, один белостокский батальон и казаки с гурийской и имеретинской конницей. Скромной артиллерии Андроникова (одна полевая и одна горная батарея) оказалось достаточно, чтобы подавить огонь турецких орудий.

Главная атака Андроникова была направлена на левый фланг противника; два куринских батальона пошли во фронтальную атаку, а литовцы обошли позиции турок по лесу. Однако куринцы, знаменитые своей храбростью, не смогли захватить упорно обороняемые окопы врага и были отброшены назад с большими потерями. Увидев это, Андроников быстро бросил в дело все свои резервы, а два батальона Брюннера были сняты с левого фланга русских для усиления отрядов, совершавших обходной маневр по лесу.

Во время второй атаки пехота снова дошла до турецких окопов, и турки, увидев несущихся на них гурийских и имеретинских всадников, наконец дрогнули и отступили. Селим-паша, потеряв 4 тыс. человек и все свои орудия, ушел в Батум. Русские потери составили около 1,5 тыс. человек. Больше всего погибло солдат Куринского полка и грузинских ополченцев, которые сражались очень храбро, хотя это была их первая битва.

Андроников даже не стал вводить свои войска в Кобулет (поскольку у него не было такого приказа) и отошел за Чолок, ибо его оборонительное задание было выполнено. Операции в Гурии прекратились до конца года.

За успешными операциями на крайнем правом фланге русских вскоре последовали и победные действия – на левом. В конце июня Ереванская группировка под командованием генерала барона Врангеля, в состав которой входило около 5 тыс. человек и 12 орудий, вышла из Игдыря, где северные склоны Агры-Дага спускаются к плоской долине Аракса, и пересекла турецкую границу. В начале июля Врангель получил информацию о том, что турки (примерно 9 тыс. пехотинцев и 7 тыс. солдат нерегулярных войск), имея всего лишь 4 орудия, заняли Ченгельский перевал (20 373 м), по которому проходила главная тропа из Баязета в Игдырь по горам Агры-Даг. Совершив очень тяжелый переход, Врангель атаковал позицию противника в ущелье между массивами Ченгель и Памук-Даг и вытеснил его оттуда. Турки потеряли 2,5 тыс. человек убитыми и взятыми в плен. Часть турецкого войска рассеялась в пустынных высокогорьях Агры-Дага, а основная масса курдского ополчения вернулась

в свои селения. Потери русских составили менее 400 человек, и 19 июля Врангель занял Баязет, где обнаружил внушительные запасы продовольствия и фуража.

В течение июня – июля исчезла и угроза диверсий мюридов против русского тыла. Имам с меньшими, чем в предыдущем году, силами сделал попытку вторгнуться в Кахетию. Он спустился в Алазанскую долину, но не сумел захватить ни одной русской крепости на Лезгинской линии. 16 июля князь Давид Чавчавадзе с небольшой мобильной конной колонной в составе четырех эскадронов нижегородских драгун, казаков и Кахетинской дружины (2,5 тыс. человек в целом) встретил орду мюрида (8 тыс. человек) в Шилди и рассеял ее³⁴. Осень и зима на Лезгинской линии прошли без всяких инцидентов.

Решающие битвы кампании 1854 г. происходили не на флангах и не в тылу, а на главном направлении – между Карсом и Александрополем, где сосредоточились основные силы противоборствовавших сторон. Князь Бебутов имел в своем распоряжении около 20 тыс. человек (13 тыс. пехотинцев, 3 тыс. кавалеристов и 4 тыс. конных ополченцев и 68 орудий). Восемь гренадерских батальонов и 16 эскадронов бригады драгун составляли цвет русской армии и значительно превосходили по боевой выучке любые соединения турок, которые те могли против них выставить. С другой стороны, армия паши Мустафы Зарифа, включавшая в себя 6 тыс. солдат гарнизона крепости Карс, превосходила по численности русские войска в три раза. Сераскир мог выставить на поле боя около 50 батальонов регулярной пехоты (35 тыс. человек), четыре кавалерийских полка и 14 тыс. бойцов нерегулярной конницы. Кроме того, у него было 80 полевых орудий. Конное ополчение состояло в основном из курдов, хорошо знавших условия своей страны, а в формированиях низамов служили анатолийские и сирийские рекруты, часть из которых была довольно прилично обучена. В штабе сераскира находились британские, французские, польские и венгерские офицеры, получившие европейское образование. Среди них были англичанин венгерского происхождения Гийон и полковник Кмети; оба этих офицера заслужили репутацию храбрых и умелых вояк в ходе Венгерской кампании 1848–1849 гг.

В начале мая турецкая армия сосредоточилась вокруг Карса. Ее передовые соединения находились в Хадживели в долине реки Куру-Дере³⁵ – западного притока Арпа-Чая, который огибает Аладжинский массив с севера и востока.

Бебутов, занятый проблемами снабжения людей и животных, не покидал Александрополя до середины июня, пока не убедился, что летом на Карском плато будут прекрасные пастбища для его лошадей. Русский лагерь был создан к югу от Каре-Чая, между Полдерваном (на дороге из Александрополя в Карс) и селением Куру-Дере. На крайнем левом фланге русской позиции высилась одинокая гора Караял, служившая отличным наблюдательным пунктом. Неподалеку от нее находилось селение Оджузлу и поле прошлогодней битвы.

С 3 июля по 4 августа русские стояли на месте и вели наблюдение с Караяла. В тот же самый период турки не спеша продвигались в направлении русской границы. К середине июля они перебросили основную часть своих сил в окрестности Хадживели; их палатки были разбросаны на плато, которое полого поднималось к склонам Аладжи-Дага. Их фронт протягивался на расстояние 13–16 км от Куры направо, до двух высот, которые назывались Большая и Малая Ягны – слева.

³⁴ Шамиль ушел за Главный хребет, но у него было время послать отряд с заданием сжечь замок Чавчавадзе в Цинандали. Здесь были захвачены женщины из семейства Чавчавадзе и увезены в плен. Благодаря вмешательству полковника Фенвика Уильямса (находившегося в ту пору в Карсе) через несколько месяцев их обменяли на любимого сына Шамиля, которого держали в России в качестве заложника. Сэр Оливер Удроуп, посетивший Цинандали 35 лет спустя, очень живо описал это событие (в книге «Грузинское царство». Лондон, 1888). По его словам, «Джемаледдин, сын Шамиля, был необыкновенно дружелюбным человеком. Он совсем обрусел и свободно говорил по-русски, французски и немецки... Он покинул цивилизацию и вернулся к дикой жизни в своих родных горах с огромным сожалением, и в 1858 г. умер от разрыва сердца».

³⁵ Во время кампании 1877 г. Куру-Дере («Сухая долина») называлась Маврик-Чай.

Обе армии в течение примерно трех недель вели наблюдение друг за другом, не начиная сражения. Произошло лишь несколько стычек между патрулями. Командующие обеих сторон сомневались в исходе битвы и ждали осени, чтобы вернуться на свои квартиры. Однако и Тифлис, и Стамбул проявляли недовольство затянувшимся бездействием армий; наконец иностранные советники сераскира убедили его начать боевые действия.

В ночь с 3 на 4 августа русские патрули доложили о том, что турецкие грузовые караваны движутся в сторону Карса. Подумав, что турки начали отступление, и желая положить конец обвинениям в бездейственности, Бебутов решил преследовать врага. В ночь с 4 на 5 августа русские караваны ушли в сторону Александрополя, и на рассвете 5 августа Бебутов отдал приказ об общем наступлении. Вскоре русская армия встретилась с наступающей турецкой и в Куру-Дере (как и в Башгедиклере годом раньше) произошло сражение.

Генеральный план этой битвы (как и за год до этого) составил английский солдат удачи Гийон. Он снова решил воспользоваться численным преимуществом турок, чтобы сокрушить русские фланги. Он предложил внезапной атакой башибузуков на рассвете захватить русский наблюдательный пост на горе Караял. Здесь планировалось закрепиться четырьмя батальонам стамбульских стрелков. Их должно было поддержать наступление 16 сирийских батальонов Керим-паши, а также два полка сювари и огонь 32 орудий. Керим-паше поручалось отвлечь внимание главных войск противника, а полковник Кмети в это время, перейдя на левый фланг с 16 азиатскими батальонами, двумя кавалерийскими полками и 18 орудиями, должен был атаковать русских со стороны низины между Караялом и селением Куру-Дере. В это же самое время нерегулярной курдской кавалерии приказали обойти правый фланг русских в районе деревни Полдерван. В резерве остались 12 батальонов и 30 пушек Мустафы Зарифа.

Недостатком плана Гийона было то, что предполагалось действие турецких войск тремя группами, отделенными друг от друга большим пространством: перед тем как в дело вступит Кмети, Керим-паша должен был выдержать сопротивление всей русской армии. Кроме того, русские кавалерия и артиллерия на конной тяге значительно превосходили по своим боевым качествам турецкие, благодаря чему Бебутов получал возможность отражать атаки противника по очереди.

Бебутов, который еще рано утром понял, что сражение неизбежно, начал поспешно развертывать свои войска. Однако он совершил большую ошибку, очень странную для такого опытного командира, полагая, что оборона наблюдательного пункта на горе Караял была усилена, хотя на самом деле об этом позабыли. Поэтому башибузукам удалось взять его внезапной атакой, и на горе окопались стамбульские стрелки, которые теперь могли обстреливать русские позиции продольным огнем. Бебутов, желая исправить положение, отдал приказ бригаде генерала Белявского (куда входили Белевский пехотный полк, два батальона Тульского полка и одна батарея, два тульских батальона в резерве) отбить высоту. Одновременно четыре эскадрона драгун Новороссийского полка завязали на крайнем левом фланге бой с башибузуками.

Справа от Белявского, поддерживая связь с главными силами пехоты, располагалась кавалерийская группа, состоявшая из драгун Тверского полка, шести эскадронов – нижегородского, казаков, мусульманской нерегулярной конницы и одной конной батареи. Справа от кавалерии бригада гренадеров, прикрывавшая основной артиллерийский парк, который состоял из пяти батарей, поспешно разворачивалась вдоль северного края низины, расположенной перед селением Куру-Дере. Бебутов считал, что гренадеры стояли напротив центра турецких войск, но в действительности перед ними располагалось лишь левое крыло группы Керим-паши. Кмети уже начал движение влево против русского правого фланга, который в тот момент прикрывали лишь шесть эскадронов новороссийских драгун, некоторое число

казаков, мусульманское ополчение и одна конная батарея. В резерве у них были всего два батальона Рязанского полка с отрядами казаков, мусульманской конницы и одна батарея.

Вокруг горы Караял разгорелся жестокий бой. Атака стамбульских стрелковых батальонов заставила Белявского отвести назад свой левый фланг, в то время как сирийцы при поддержке двух батарей пошли в атаку на его открытый правый фланг. Белявскому пришлось отказаться от задачи взять гору, ибо он с трудом удерживал свои позиции. Тверские драгуны решительным броском отбросили назад сирийских пехотинцев и захватили две турецкие батареи, но туркам удалось увести с собой восемь орудий.

Керим-паша привел подкрепления, стамбульские стрелки спустились с горы Караял и окружили левый фланг русских, а сювари храбро бросились в атаку на каре, которое образовал один из батальонов Белевского полка. На правом фланге войск Белявского кавалерия (нижегородские драгуны и донские казаки при поддержке батарей, стрелявших шрапнелью) снова пошла в атаку на сирийскую пехоту. Сирийцы бились очень храбро и в один момент захватили четыре русских орудия.

Нижегородские драгуны понесли тяжелые потери – у них погибла половина рядовых и 23 офицера из 32. Однако их отчаянные атаки дали пехоте возможность восстановить свои силы, и Белявский самолично повел в штыковую атаку кавказских стрелков и несколько смешанных рот, составленных из солдат русских полков. Сирийцы были жестоко наказаны и начали отступать на юг. Одновременно стамбульские стрелки под натиском драгун Новороссийского полка стали покидать Караял, теснимые в сторону Оджузлу. Увидев, что регулярные войска отступают, башибузуки и курды разбежались. Было еще только 8 часов утра, но чаша весов на левом фланге определенно склонялась в сторону русских.

Как только положение на левом фланге стабилизировалось, Бебутов начал атаку на правый, которую он считал решающей. Около 8 часов утра вдоль северного края низины, тянувшейся перед Куру-Дере, развернулись две линии гренадер, поддерживаемые огнем пяти батарей. Увидев, что над левым флангом Керим-паши нависла угроза, Мустафа Зариф бросил ему на помощь все свои пехотные и артиллерийские резервы. Однако русская артиллерия вскоре заставила замолчать турецкие пушки, а гренадеры плотно сомкнутыми рядами пошли в атаку. Сирийская пехота оказала им упорное сопротивление, и один батальон грузинских гренадер, отбивая контратаку, потерял две трети своих солдат. Неожиданно турецкие резервные батальоны, брошенные в битву последними, дрогнули и начали в беспорядке отступать. Турецкие артиллеристы подались назад, а один полк сювари бросился в атаку на наступавшую русскую пехоту, которая вынуждена была организовать каре. Бебутов послал в бой членов своей свиты, велел им остановить турок.

Тем временем на турецком левом фланге войска полковника Кмети продолжали ставший уже ненужным обход русского фланга. Рано утром толпы курдов и башибузуков появились на берегу Каре-Чая и двинулись к Полдервану. Бебутов усилил свой правый фланг полком казаков и бригадой мусульманских конников. Это помогло сдержать курдов и башибузуков, но после 8 часов, когда Кмети начал атаку большими силами анатолийской пехоты, Бебутов послал против нее драгун Тверского полка и остатки своих резервов (два батальона Рязанского полка и одну батарею) под командованием генерала Баговута. Около 9 часов началось жестокое сражение. Русская кавалерия без труда рассеяла курдов и башибузуков, потом разбила бригаду сювари и захватила ее конную батарею. Анатолийская пехота атаковала волнами, но ее сдерживали два Рязанских батальона, а Тверские и Новороссийские драгуны окружили ее с флангов. После 10 часов Бебутов, обеспечив защиту своего левого фланга, усилил правый двумя батальонами Тульского полка и одной батареей. Кмети, узнав о том, что в центре и на правом фланге турки потерпели поражение, начал отводить свои войска. Русская кавалерия, измученная боем, преследовать их не стала.

Основные силы турок отступали в Карс тремя отдельными группами, сохраняя порядок; им удалось спасти большую часть своей артиллерии. Потери сераскира были значительными: не менее 8 тыс. человек убитыми и ранеными; 2 тыс. попали в плен, 16 пушек было захвачено. После разгрома около 10 тыс. бойцов ополчения дезертировали в свои селения. Русские потери тоже были велики: 3 тыс. человек, что составило 15 % всей армии, участвовавшей в бою.

План битвы, составленный Гийоном, был весьма разумным, но он не учел того, что войска, которые находились в его распоряжении, были плохо обучены. С другой стороны, Бебутов, несмотря на большие потери в бою за гору Караял, которую позабыли укрепить, снова продемонстрировал свой богатый боевой опыт, способность наблюдать и точно оценивать быстро меняющийся ход битвы. Русский командующий всегда чувствовал нерв сражения и быстро направлял свои войска туда, где они требовались в данный момент. Он умело воспользовался преимуществом диспозиции русских войск внутри полукруга, образованного тремя разными турецкими группами. Битва состояла из трех последовательных этапов, во время которых турки были разбиты по очереди. Турецкие регулярные войска (низамы), в особенности батальоны сирийцев, сражались с большой храбростью, огонь новых турецких стрелковых батальонов был очень точен; новые соединения регулярной кавалерии храбро атаковали противника, не считаясь с потерями; артиллеристы умело обслуживали орудия – им не хватало лишь мобильности. Русские поняли, что новая турецкая армия еще не научилась маневренной войне, но, защищая свои фортификации, может стать серьезным врагом.

Потеряв в бою много солдат, Бебутов понял, что у его войск нет сил для взятия Карса, и с приближением осени они пересекли границу и ушли в Александрополь.

Победа при Куру-Дере помогла русским избавиться от тревоги за безопасность горных областей и районов, расположенных на границе с Персией. Поражение своих друзей в борьбе с русскими произвело огромное впечатление на Шамиля, и не только в зимние месяцы, но и во время кампании 1855 г. он лишь осторожно наблюдал, как будут развиваться события, не предпринимая никаких серьезных шагов ни в Чечне, ни в Кахетии.

Переговоры о соглашении с Персией, которые бесконечно затягивались с лета 1853 г., были теперь быстро завершены. Стороны подписали «тайную» конвенцию, в которой Персия подтвердила свое стремление соблюдать нейтралитет, а русские отказались от персидской контрибуции, которая должна была быть выплачена по условиям Туркманчайского договора, но так и не поступила в Россию.

Глава 6

Осада Карса. Операции в районе Алашкерта.

Турецкое вторжение в Западную Грузию, 1855–1856 гг.

В начале осени 1854 г. все внимание высшего командования противника было приковано к Крыму, где ожидалась быстрая победа над русскими. Однако в ноябре стало ясно, что без длительной осады Севастополя не обойтись. Вероятность продолжения военных действий летом 1855 г. потребовала реорганизации турецкой армии в Малой Азии; соответственно, была усилена военная миссия полковника (теперь уже генерал-майора) Фенвика Уильямса. Одновременно от занимаемой должности был отстранен Мустафа Зариф, место которого занял Шюкрю-паша, такой же бездарный, но более упрямый.

Дезорганизация турецкой армии на кавказской границе после поражения в кампаниях 1853–1854 гг. поставила перед Уильямсом и его штабом совершенно невыполнимую задачу в связи со скудностью ресурсов и средств, имевшихся в их распоряжении. Санитарной службы, которую развернули в своем лагере союзники в Крыму, в Малой Азии практически не существовало; турецкая боеспособность страдала больше от отсутствия организации, чем от ударов русских войск. В мае 1854 г. Турция имела на кавказской границе около 120 тыс. В мае 1855 г. это число уменьшилось до 70 тыс. человек. Потери во время кампании 1854 г. убитыми, ранеными и взятыми в плен не превышали 15 тыс. человек, однако зимой болезни унесли жизни 30 тыс.; в тот же самый период из армии дезертировали 20 тыс. солдат, взамен поступило не более 10 тыс.

Уильямс пришел к выводу, что организовать полевую армию для наступления в 1855 г. не удастся. Он решил ограничиться лишь укреплением Карсской крепости, которая должна была стать серьезным препятствием для русского продвижения в Анатолию.

Гарнизон Карса, составленный из остатков анатолийских и сирийских батальонов, которые пережили сражение под Куру-Дере и зиму в горах, в мае 1855 г. насчитывал 16 батальонов низамов, три батальона стамбульских стрелков, одну бригаду (восемь батальонов) редифов, полк сювари и восемь полевых пушек, помимо крепостных орудий. В дополнение к этим 15 тыс. регулярных войск были еще отряды лазских и курдских нерегулярных войск и вооруженные жители города Карс, общим числом 9 тыс. человек.

Резерв, сосредоточенный в Эрзеруме, не превышал 5 тыс. человек; столько же солдат стояло небольшими отрядами вокруг Ардагана, Бардиза и Ольты. Независимый корпус под командованием Вели-паши, состоявший из 7 тыс. пехотинцев и такого же числа нерегулярных бойцов, занял дорогу из Баязета в Эрзерум в долине Алашкерт. В районе Батума и других населенных пунктов Черноморского побережья под командой Селим-паши стояло не более 15 тыс. человек.

Турецких войск было явно недостаточно для эффективной обороны, кроме того, их эффективность еще больше уменьшалась плохой организацией линий связи и трудностями с доставкой продовольствия. Две самые мощные группы, стоявшие в Карсе и Алашкерте, располагались на значительном расстоянии от своей основной базы в Эрзеруме.

Русское правительство, довольное результатами операций 1854 г., вынашивало более крупные планы для кампании следующего года. В то время как франко-британский флот завоевал полное господство в Черном море, армии союзников закрепились в Крыму, а отношение австро-венгерского правительства к России становилось все более враждебным, не было смысла предпринимать какие-либо шаги по ликвидации турецкого владычества на Балканах. Поэтому император Николай I обдумывал план нанесения серьезного удара по туркам в Азии, который позволил бы в будущем отвлечь силы Франции и Британии от вторже-

ния в европейскую часть России. Войска на Кавказе были немногочисленны, кроме того, посылать им подкрепления было очень трудно, но отличная выучка и высокий боевой дух превращали их в мощное оружие. Наместником Кавказа вместо Воронцова был назначен генерал Муравьев, служивший еще под командованием Паскевича. Генерал обладал холодной головой, богатым опытом и оптимистичным от природы характером, который умерялся рассудительностью.

В начале 1855 г. Муравьев занялся реорганизацией кавказских войск. Он решил усилить полевые группы восемью батальонами, тремя полками казаков и тремя батареями, снятыми с Кавказской и Лезгинской линий. Одновременно были произведены перемены в командовании. Русские войска на Кавказе в начале мая 1855 г. распределялись следующим образом:

Группировка	Состав	Особенности
Гурийская	Брестский полк (4 батальона), батальон пластунов (казачья пехота), гурийское ополчение, 8 орудий	Штаб-квартира находилась в Озургети, командующий генерал Брюннер
Мингрельская	Литовский полк (4 батальона), 2 Черноморских линейных батальона, грузинский линейный батальон, имеретинское ополчение, 2 полка донских казаков, 8 орудий	Штаб-квартира — в Марани, командующий генерал князь Багратион-Мухранский
Резерв	2 батальона Куринского полка, 3 черноморских линейных батальона, грузинский линейный батальон, имеретинское ополчение, 16 орудий	Располагались в Марани при слиянии рек Риони и Цхенис-Дзгали. Общее число войск в Западной Грузии — 16 тыс. человек и 32 орудия
Кахетинская	4 батальона Тифлисского гренадерского полка, 7 других батальонов, 4 эскадрона драгун Нижегородского полка, 3 полка донских казаков, грузинское конное ополчение	Сконцентрирована в две группы — в Кварели, в верхнем течении Алазани и Закатали; с казаками, драгунами и 1-й конной батареей составляла мобильную колонну
Елизаветпольская	Мингрельские гренадеры (3 батальона)	

Тифлисская	Около 6 тыс. пехотинцев	Группа генерального резерва
Ахалцихинская	3 полка 13-й пехотной дивизии, полк 18-й пехотной дивизии, батальон грузинского ополчения, полк донских казаков, полк мусульманского конного нерегулярного войска, 2 полевые батареи	Район, включавший в себя Ахалцихе, командующий генерал Ковалевский; общая численность: около 16 тыс. пехотинцев, 7 тыс. кавалеристов, 72 орудия
Александропольская	Гренадерская бригада, 3 полка 18-й пехотной дивизии, стрелковые батальоны, саперные батальоны, драгунская бригада, 5 полков казаков, 2 полка нерегулярной мусульманской конницы, 9 полевых батарей	Командующий граф Муравьев; общая численность: около 16 тыс. пехотинцев, 7 тыс. кавалеристов, 72 орудия
Ереванская	Составной пехотный полк, казачий полк, полк нерегулярной мусульманской конницы, нерегулярный курдский полк, полевая батарея	Командующий генерал Суслов; общая численность: около 3 тыс. пехотинцев, 2 тыс. кавалеристов; 8 орудий

Часть этих соединений или все они позже прекратили выполнять свои функции обеспечения безопасности и были использованы как полевые войска.

Ни Шамиль в Дагестане, ни турки в Ардагане с соседними лазами не проявляли никаких признаков активности, поэтому войска Кахетинской и Ахалцихской групп, а также генеральный резерв из-под Тифлиса постепенно теряли свою боевую мощь – многие части этих групп пополнили ряды полевой армии.

Муравьев планировал двинуть одновременно все три полевые армии. Поэтому их можно считать единой боевой единицей, включавшей 18 тыс. пехотинцев, 10 тыс. кавалеристов и 94 орудия. Позже ее усилили за счет внутренних войск 11 тыс. пехотинцев и 32 орудиями. Общая численность полевой армии составила 29 тыс. пехотинцев, 10 тыс. кавалеристов и 126 орудий. Учитывая несовершенство коммуникаций того периода и недостаточное снабжение из-за присутствия в Черном море флота союзников, эту, вероятно, максимально возможную группировку можно было эффективно содержать в полевых условиях и, несомненно, успешно использовать для наступательных операций в районе Карса и Эрзерума.

Муравьев знал о недостатках противостоящей ему турецкой армии. Однако ситуация в Малой Азии сильно отличалась от той, которая позволила России без труда одержать свои победы в 1828–1829 гг. Турецкая армия, хотя и ослабленная эпидемиями, была прекрасно вооружена, а многие ее части хорошо обучены. Бездарность высшего командования турок умерялась присутствием многочисленных иностранных офицеров, которым, по крайней мере, удалось превратить Карс в мощную современную крепость. Войска Муравьева не имели осадных орудий, поэтому было решено использовать их численное преимущество в кавалерии, чтобы установить мобильную блокаду. Таким образом, Муравьев с большим мастерством организовал успешную осаду, закончившуюся захватом первоклассной крепости в результате главным образом стратегического использования превосходства в кавалерии. Муравьев хорошо знал, какими ресурсами располагает осажденный Карс, ибо

раздобыть разведывательные данные из города, где большая часть армянского населения относилась к турецким оккупантам враждебно, не составляло особого труда. Он рассчитал, что если ему удастся организовать полную блокаду города, то в сентябре положение его защитников станет критическим, а к ноябрю – невыносимым. События показали, что его расчеты оказались верными.

Тактика Муравьева заключалась вот в чем. Сильным пехотным соединениям, расположенным в местах, где легко можно было отбить вылазки защитников и одновременно, в случае необходимости, поддержать кавалерию, рассеянную по обширному пространству, поручили наблюдать за крепостными сооружениями Карса. В задачу кавалерии входило уничтожение всех турецких запасов продовольствия в радиусе 160 км вокруг крепости.

Стратегия Муравьева, хорошо продуманная и практичная, основывалась на использовании дефектов в организации и распределении турецких войск, которые, по мнению русского главнокомандующего, были расставлены крайне неудачно. Географическое положение Карса позволяло ему в условиях XIX в. стать великолепной базой для завоевания Закавказья, но для защиты Малой Азии он был совершенно не пригоден. Муравьев, участвовавший в операциях Паскевича против Эрзерума, отлично понимал, что настоящую оборонительную позицию, которая смогла бы прикрыть Эрзерум, надо было создавать в районе Саганлугских гор. Он считал, что, если бы у него имелась еще одна пехотная дивизия, он оставил бы 15 тыс. человек осаждать Карс и предпринял бы наступление на Эрзерум, зная, что запертая в Карсе армия сама сдастся из-за недостатка продовольствия. Муравьев полагал, что турки вполне могли бы оставить половину своей армии в Карсе, а с оставшейся половиной двинуться на соединение с силами Вели-паши, вышедшими из Алашкерта. Они могли бы соединиться в Саганлугских горах. Такой маневр, учитывая ограниченные силы войск Муравьева, мог бы еще в июне поставить русских в очень сложное положение, ибо его армия не смогла бы одновременно осаждать Карс и проводить полевые операции против турецкой армии, сосредоточенной между этой крепостью и Эрзерумом. Все лето и осень 1855 г. Муравьев ожидал появления турецкой армии, вышедшей из Трабзона и Эрзерума на помощь осажденному Карсу. Его оценка ситуации не отличалась от оценки Уильямса – турецкий главнокомандующий Эмир-паша совершил ошибку, придерживаясь совсем другой стратегии.

Проблема, с которой столкнулись командиры турецких союзных войск в Малой Азии в 1855 г., заключалась в том, что турецкой армии было приказано стоять на кавказской границе, прикрывая Эрзерум и пути, ведущие в Анатолию, до того самого момента, когда будет взят Крым. Концентрация наступательной группировки в Карсе и пренебрежение более широкими проблемами обороны Анатолии ради сохранения полевой армии привели турок к поражению.

Впрочем, пребывание их основных сил в Карсе было результатом обстоятельств, а вовсе не неудачных стратегических решений. Карсская армия после разгрома при Куру-Дере и зимних эпидемий была так слаба, что никак не могла покинуть город. Уильямс полагал, что войска в Карсе оказались не способны к какому-либо серьезному передвижению. Поэтому максимум, на что он мог рассчитывать, – это удержание русской армии у стен крепости и недопущение ее наступления на Эрзерум. Уильямс надеялся, что если Севастополь будет взят очень быстро, то он еще успеет послать Карсу подкрепления и продовольствие из Трабзона и Эрзерума. В целом он считал, что турецкие армии не способны совершать полевые маневры, и весьма скептически относился к планам Эмир-паши о вторжении в Западную Грузию.

Это вторжение весной 1855 г. стало любимой темой для разговоров в официальных кругах Османской империи. Союзники еще до поражений турецкой армии в кампанию предыдущего года наложили вето на планы этого вторжения. Однако теперь турецкий главнокомандующий Эмир-паша снова стал настаивать на его осуществлении. Этот амбици-

озный вояка был по происхождению хорватом; свою репутацию удачливого командира он завоевал в основном во время подавления восстаний угнетенных народов империи. Его окружали польские и венгерские офицеры-эмигранты, большей частью авантюристы с очень сильными антирусскими настроениями. Эмир-паша командовал турецкой армией в Крыму, которая стояла в двух местах – в Балаклаве и Евпатории и наблюдала за боевыми действиями, не имея возможности отличиться в боях. Сторонники Эмира в ставке союзников и Стамбуле стали требовать, чтобы основная часть турецких войск в Крыму была переброшена на Кавказское побережье. Было предложено усилить эту группировку войсками, находившимися на Балканах и в Тунисе. Эмир мечтал о наступлении на Кутаиси, а потом и на Тифлис, а также о заключении союза с мюридами, спустившимися в Кахетию с гор. Это, по его мнению, должно было привести к изоляции русских войск на турецкой границе.

Противодействие союзного командования еще более усилилось после 18 июня, когда попытка взять Севастополь штурмом провалилась. Несмотря на это, в Стамбуле продолжали обсуждать план Эмира, и турки получили очень ценную поддержку британского посла, хотя генерал Уильямс прислал письмо с возражениями.

В середине июля Эмир, стремясь навязать свои планы Генеральной ставке союзников в Крыму, предложил заменить войска, выведенные отсюда, другой армией, которая насчитывала 20 тыс. человек и завершала свое обучение в Болгарии под руководством французского генерала Вивиана. Отвергнуть это предложение было очень трудно, но и маршал Пелиссье, и генерал Симпсон по-прежнему отказывались поддерживать идею вторжения в Грузию. 17 июля Эмир-паша отправился на судне в Стамбул. Там же оказался и подполковник Сиссо, которому поручили отговорить турецкое правительство от этого предприятия. Обсуждение продолжалось до конца августа, пока наконец британское правительство не отказалось от своих возражений, а ставка союзников не добилась определенных гарантий. После этого началась подготовка к осуществлению плана Эмир-паши. Тем временем три месяца, когда можно было воевать на Кавказе, прошли, а положение турецких войск еще более ухудшилось.

24 мая армия Муравьева перешла Арпа-Чай и расположилась лагерем в том же самом месте, что и год назад, – в Полдерване и Куру-Дере. На обеих Ягнах, стоявших в 10 км от крепости Карс, были созданы патрульные посты. 3 июня к армии Муравьева присоединились войска генерала Ковалевского и часть войск из Ахалцихе. У него теперь было около 20 тыс. пехотинцев, 7 тыс. кавалеристов и 80 орудий. 6 июня, намереваясь полностью блокировать все подступы к Карсу, Муравьев перенес свой главный лагерь в деревню Марджик, в 8 км на юго-юго-восток от Карса. Здесь он мог держать под контролем дороги в Эрзерум и Кагизман.

16 июня Муравьев, оставив 11 тыс. пехотинцев и кавалеристов с 40 пушками осаждать крепость, а 5 тыс. солдат – охранять его линию коммуникаций с Александрополем, двинулся с остальной армией в направлении Саганлугских гор. Не встретив никакого сопротивления, его армия уничтожила значительные запасы продовольствия, сосредоточенные турками в Бардизе, Еникее, Караургане и Зивине.

После этого он решил в долине Алашкерт разгромить отряд Вели-паши, который насчитывал около 7 тыс. солдат регулярной армии и примерно столько же – нерегулярной, а также 20 орудий. Суслов в это время стоял под Баязетом, но, несмотря на приказ Муравьева перейти в наступление, остался стоять на месте, считая, что у него слишком мало сил. В середине июня Вели-паша, опасаясь, что Муравьев перейдет Саганлуг и отрежет его от Эрзерума, вывел свои войска из долины Алашкерта безо всякого давления на Суслова и, форсировав Драм-Дат, занял позицию у Кёпрюкёя, прикрывая мост через Араке.

Пока Суслов осторожно занимал долину Алашкерта, Муравьев выслал вперед князя Дондукова-Корсакова со всей кавалерией, велел ему перехватить Вели в долине Пасина.

Этому офицеру было приказано установить связь с Сусловым, а потом быстро пройти на запад и отрезать турок от Хасан-Кале (Пасинлера) и путей отступления в Эрзерум. На рассвете 21 июня Дондуков-Корсаков достиг северного берега Аракса и обнаружил Суслова на другом берегу реки Юзверан. Теперь он вынужден был подчиняться приказам нерешительного Суслова, который продолжал стоять у Кёпрюкёя, считая, что у него недостаточно сил, чтобы напасть на противника. Из-за сусловской осторожности план Муравьева провалился. Ночью 21 июня Вели, испугавшись перемещения русских войск на другом берегу Саганлуга, ушел из Кёпрюкёя в Хасан-Кале. Утром он оставил даже свои укрепленные позиции и, отступая, забрался на хребет Деве-Боюк, прикрывавший Эрзерум. В тот же самый день кавалерия Дондукова-Корсакова заняла Хасан-Кале. Муравьев устроил Суслову разнос, отослал его назад в долину Алашкерта, а сам вернулся в свой лагерь, расположенный у стен Карса.

В Эрзеруме царила паника, и Вели-паша, бездарный командир, потерявший контроль над своими плохо обученными и деморализованными войсками, готовился бежать в Байбурт по дороге, ведущей в Трапезунд.

Муравьев понимал, что ему представилась возможность практически без боя занять Эрзерум, но он не стал этого делать. Он знал, что войск, оставленных им у Карса, недостаточно для штурма, а опыт в кампании 1829 г. подсказывал ему, что занимать Эрзерум и начинать наступление в долине Чороха с относительно небольшими силами, имевшимися в его распоряжении, неразумно. Он опасался распыления сил и не слишком доверял (вероятно, вполне справедливо после случая с Сусловым) подчиненным ему командирам. Муравьев опасался также прибытия сильной армии союзников в Трабзон, и был прав – нет никакого сомнения, что оккупация русскими Эрзерума заставила бы армию Эмир-паши, которая готовилась тогда к высадке в Мингрелии, двинуться на помощь Эрзеруму.

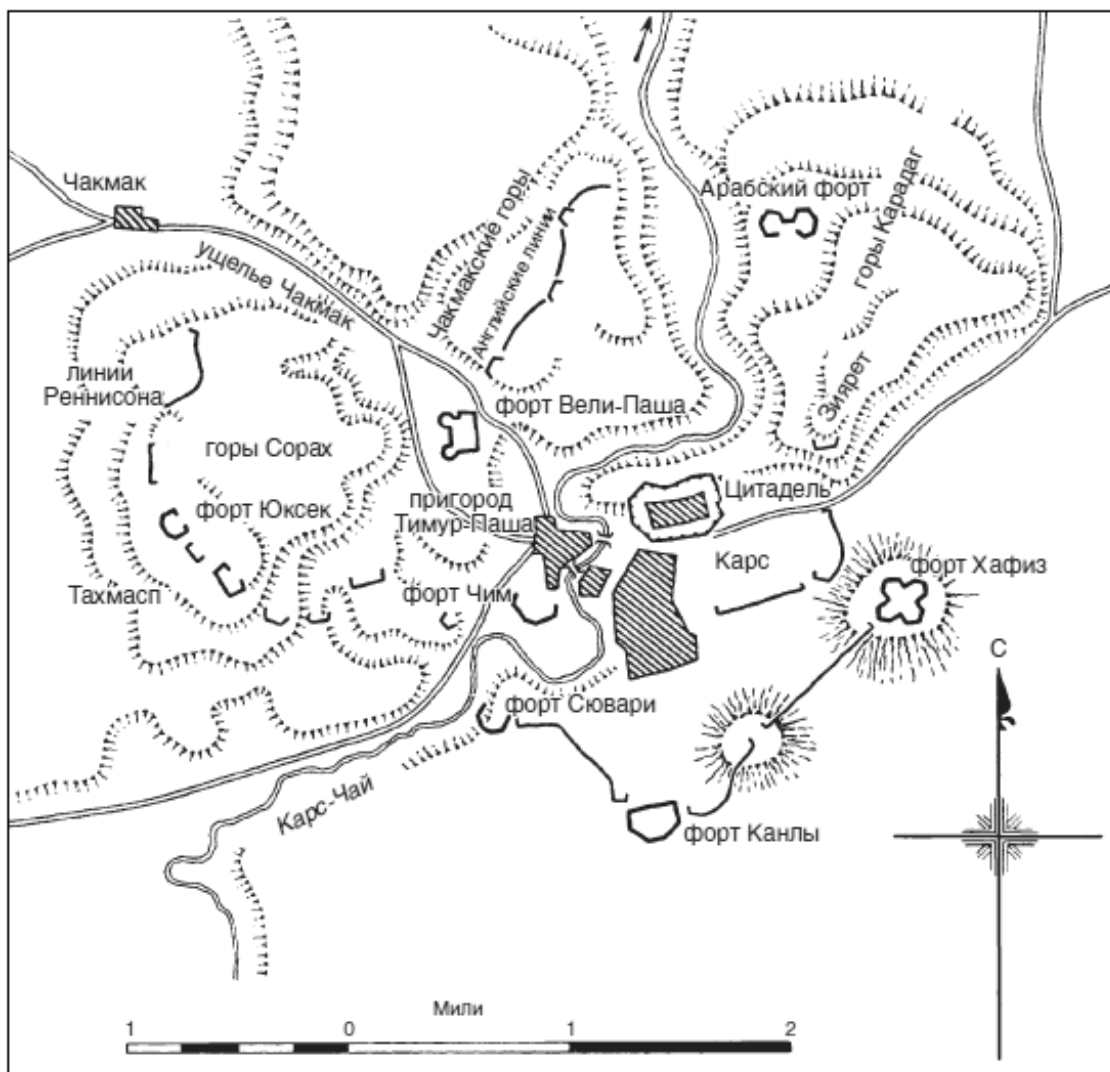
Муравьев правильно оценил сложившуюся обстановку, но он, несомненно, был лишен политического воображения. Захват Эрзерума оказал бы большое влияние на боевой дух русских войск и позволил бы отсрочить неизбежное падение Севастополя. Вполне возможно также, что известия о падении Эрзерума могли бы привести к капитуляции Карса, гарнизон которого уже жестоко страдал от нехватки продовольствия. Во время войны политические и психологические аспекты неотделимы от военных. В Эрзеруме Муравьев упустил шанс легкой победы, поскольку не учел его особого значения. Три месяца спустя политические и психологические факторы заставили его предпринять штурм Карса, дорого обошедшийся русской армии.

Муравьев продолжал верить, что турки пришлют подкрепления в Эрзерум из Трабзона; он считал любое движение, направленное на снятие осады Карса со стороны Кутаиси, Куринаского ущелья или Ахалцихе, совершенно невозможным. Кстати, его взгляды разделял и Фенвик Уильямс. Тем не менее около 20 сентября Муравьев получил информацию о том, что в Батум прибыло около 8 тыс. турок, а их командующий, Эмир-паша, двинулся на Редут-Кале и Сухум, где, очевидно, ожидалась высадка нового подкрепления. Русскому главнокомандующему стало ясно, что противник готовит вторжение в Западное Закавказье, что создавало угрозу для Кутаиси и, возможно, Тифлиса. 23 сентября в цитадели Карса раздались салют, и со стен слышались радостные крики. Вскоре стало известно, что так турки праздновали падение Севастополя – это известие дошло до них раньше, чем до русских войск. Муравьев собрал военный совет, на котором единодушно было решено штурмовать Карс, сосредоточив для этого все имевшиеся силы.

Это решение нарушило все планы кампании, ибо Муравьев хотел дождаться результатов своей мобильной осады, которая, по его мнению, должна была привести к капитуляции Карса до конца ноября. У него имелись сведения, что через шесть или восемь недель у гарнизона закончатся все припасы и что силу турок серьезно ослабляла разразившаяся в крепости эпидемия холеры. Он знал, что боевой дух защитников Карса после сообщения о

падении Севастополя и высадке Эмир-паши в Грузии сильно возрос и влияние британских офицеров, которые выступали против капитуляции, тоже усилилось. В то же самое время он понимал, что его собственные войска будут расстроены последними сообщениями, но тем не менее отвергнул идею о том, чтобы уйти, не попытавшись овладеть Карсом. Ему также было понятно, что падение Севастополя потрясло общественное мнение в России, и отступление от стен Карса станет новым жестоким ударом по престижу страны. Как и в Эрзеруме, военные принципы в душе Муравьева сумели победить политические расчеты; теперь он уже не обращал внимания на очевидные военные трудности и принял отчаянное решение, навязанное ему общей стратегической ситуацией.

Карс с 1855 г. превратился уже в настоящую современную крепость, ничем не напоминающую ту, что была во времена Паскевича. Цитадель в современных условиях войны потеряла свое значение. Оборона базировалась на системе форт и редут, окружавших укрепленный центр, в котором и заперлась армия Мустафы Зарифа после разгрома в Куру-Дере. Под руководством сначала Гийона (отозванного в Стамбул после Куру-Дере), а потом и Уильямса горы Карадаг, которые тянутся по правому берегу Кара-Чая севернее цитадели, были сильно укреплены. Склоны этих гор спускаются к реке почти отвесно: на севере и востоке они также очень круты. С этих гор можно контролировать все подходы к Карсу со стороны русской границы. На северном хребте Карадага, над рекой, был построен мощный форт, а другой форт – Зиярет-Табия – контролировал все подходы к горам с востока.

Осада Карса в 1855 г.

На горы Карадаг можно было подняться с юга. Поэтому турки создали южнее Карадага и юго-восточнее карского пригорода Орта-капи систему фортов, редутов и рвов, которые прикрывали подступы к Карсу со стороны плоской равнины. Левый фасад оборонительной линии тянулся от Карадага до нового форта Хафиз-Табия; центральный фасад – от него к более мощному и самому современному форту Канлы-Табия. Пространство между двумя фортами было защищено рвами и двумя редутами.

В Канлы-Табия правый фасад укрепленной линии поворачивал на северо-запад и доходил до берега Каре-Чая, к форту Сювари, который имел зону обстрела через реку. Форты были очень прочными и вооружены современными тяжелыми орудиями; система траншей, прорытых между ними, покрывала расстояние более 4 миль. У Муравьева не было осадных орудий, поэтому он не собирался атаковать укрепления на Карадаге и три форта на равнине. Его внимание сосредоточилось на левом (западном) берегу Каре-Чая, где между этой рекой и флангом Чакмак-Дага располагался армянский пригород Тимур-Паша. Артиллерия, установленная на Чакмак-Даге, смогла бы держать под обстрелом весь город и форты на равнине.

Склоны Чакмак-Дага полого спускаются на северо-западе к оврагу неподалеку от одноименного селения. От этого селения по долине проходит дорога, ведущая в пригород Тимур-Паша, где через Каре-Чай перекинут главный мост. Чтобы защитить этот район, турки совместно с британскими советниками соорудили новый мощный форт Вели-Паша-Табия. Он расположен западнее Армянского пригорода. На левом берегу реки, южнее Тимур-Паши, был построен еще один форт, Чим-Табия, не очень мощный и не совсем удачно расположенный.

Не удовлетворившись состоянием обороны долины Чакмака, которую можно было защитить лишь огнем с Арабского форта и Вели-Паша-Табия, британские военные инженеры создали укрепленную линию, усиленную тремя редутами, северо-западнее форта Вели-Паша. Эти позиции турки называли Английскими линиями.

Южнее Чакмакских укреплений также укрепили хребет Сорах, контролировавший отрезок Каре-Чая к югу от пригорода Тимур-Паша. Здесь соорудили форты Тахмасп-Табия и Юксек-Табия, которые должны были прикрывать перекрестным огнем относительно слабо защищенный разрыв между ними и фортом Чим-Табия. Между Юксек-Табия и отвесным утесом, которым заканчивались Сорахские горы, вырыли траншеи, которые британцы называли «линиями Реннисона». Сорахская позиция была защищена слабее всего, поэтому Муравьев решил атаковать именно здесь, поскольку понимал, что в этом месте он сможет обойтись без осадных орудий и даже без особой артиллерийской подготовки.

Британские и турецкие офицеры в Карсе не могли не заметить, что русские заинтересовались Сорахской позицией, и, когда Муравьев начал атаку, он не смог воспользоваться тем преимуществом, которое дает внезапность. Ему не удалось также воспользоваться огромным превосходством русской кавалерии, но в его распоряжении находились значительные силы пехоты (около 32 тыс.) и 98 пушек, из которых для поддержки штурмовых отрядов были использованы лишь 40. Муравьев очень надеялся, что его штурм станет внезапным для врага (но эти надежды не оправдались), а также на штыковую атаку своих кавказских батальонов, неоднократно участвовавших в битвах. Штурм планировался на рассвете 29 сентября, и все предварительные перемещения нужно было завершить еще в темноте. В результате этого возникла неразбериха, и некоторые части, двинувшись совсем не туда, куда требовалось, явились на свое место с опозданием. Атака на Сорахские позиции началась, когда уже совсем рассвело, так что запланированная ночная атака превратилась в штурм при ярком дневном свете. Преимущество, на которых строил свои расчеты Муравьев (внезапность, темнота и быстрая скоординированная атака), достичь не удалось.

Турки, ожидавшие нападения русских, сумели сосредоточить в укрепленных линиях, которым угрожала атака, самые лучшие свои батальоны – стамбульских стрелков и реорганизованные части сирийцев, столь храбро сражавшиеся под Куру-Дере. Полковник Кмети, лейтенант Тисдейл и престарелый Керим-паша (единственный храбрый и способный турецкий генерал в Карсе) находились среди солдат.

Гренадерская бригада генерала Майделя, располагавшаяся на правом фланге русских, поднялась по крутому склону, который вел к Тахмасп-Табия, и в 5 часов утра пошла в атаку (хотя ее начало было запланировано на час раньше). Несмотря на сильный шрапнельный и ружейный огонь турок, эриванские гренадеры в ходе штыковой атаки заняли линию траншей, тянувшихся от Тахмасп-Табия до Каре-Чая. Однако мингрельцы, которым поручили захватить этот редут, не сумели подняться на его стены (не было лестниц) и с большими потерями были отброшены назад. Другие части, которым удалось прорваться в пространство между фортами Тахмасп и Вели-Паша, попали под огонь пушек, установленных на последнем форте, и тоже понесли тяжелые потери.

Таким образом, развить успех колонны Майделя на правом фланге не удалось, а на левом фланге войска Ковалевского потерпели поражение. В темноте Ковалевский вывел своих людей к центральной части линий Реннисона, хотя ему было велено атаковать северо-западный край Сорахской позиции. Виленский полк оказался в полукруге сильнейшего огня и за несколько минут был выкошен почти полностью. Белевский полк, атаковавший слева от Виленского, тоже понес большие потери. Остатки обоих полков отступили в овраг, откуда начали свою атаку. Левый фланг не имел сил для возобновления штурма. Сам Ковалевский был убит.

Средняя колонна, в состав которой входили Тульский и Рязанский полки, должна была оказать поддержку Ковалевскому и Майделю, но приказ был сформулирован не очень четко. Два батальона Тульского полка отступили вместе с Белевским полком, который располагался у них на левом фланге, а остальная часть колонны, добившаяся некоторого успеха в наступлении на Юксек-Табия, была контратакована турецкой пехотой (под командованием Тисдейла) и стала отступать вместе с людьми Майделя.

При ярком солнечном свете наступившего дня Муравьев понял, что эффекта внезапности добиться не удалось, но продолжал настаивать на штурме Тахмасп-Табия. Тем временем Белостокскому полку (генерал Базин) при поддержке драгун и казаков генерала Бакланова удалось на горах Чакмак проникнуть на территорию Английских линий, откуда турки в беспорядке бежали в форт Вели-Паша. Однако Муравьев бросил все свои резервы в атаку на Тахмасп-Табия, и Базин не смог развить свой успех. Опасаясь контратаки турок, он отошел, понеся незначительные потери. В ходе последней атаки двух резервных батальонов, которые повел в бой полковник Кауфман (позже – победитель Туркестана), русские проникли в тыл Сорахской позиции, где пехота попала под огонь орудий форта Вели-Паша и была вынуждена отступить под укрытие склонов долины Чакмака. Это показало, какое значение могла иметь эта долина для русской атаки, но штаб Муравьева этого не понял.

В 11 часов утра русский командующий приказал прекратить штурм и отойти на позиции, которые армия занимала перед началом атаки.

Потери русских были очень велики: Муравьев лишился 60 % своей пехоты, принимавшей участие в бою; 8 тыс. человек было убито или ранено. Турки потеряли около 1,5 тыс. человек. Вечером 29 сентября у Муравьева осталось 12 или 13 батальонов и вся кавалерия, готовая к бою, и соотношение сил у стен Карса сместилось в пользу турок.

Способ и выполнение задачи, предложенные Муравьевым, не выдерживают никакой критики. Он, как и командование союзников под Севастополем, по старинке бросал колонны своих войск под огонь современных ружей, которыми была вооружена часть защитников (стамбульские батальоны). Даже если бы русская атака удалась, захват Сорахских гор все

равно не привел бы к падению Карса. Муравьев хорошо понимал, что победа даст ему лишь частичное преимущество, но он надеялся, что она позволит ему установить свои полевые орудия поближе к городу и обстреливать из них сам город, его пригороды, мост и дорогу, соединявшую крепость с юго-западными фортами. При таких условиях Вели-Паша-Табия сдался бы, скорее всего, через несколько дней. Муравьев намеревался ускорить естественный ход вещей путем дезорганизации обороны Карса, а не быстрым захватом ее цитадели.

У турок не осталось лошадей (часть из них погибла от голода, а другая была пущена на мясо во время блокады), поэтому они не могли устроить вылазку и сойтись с русскими в поле. За вылазку выступал один лишь Кмети. Британские офицеры были уверены, что огромные потери заставят Муравьева снять осаду и уйти в Александрополь.

Ошибка Муравьева заключалась не в решении штурмовать Карс, а в том, как он расположил свои войска. Исправить положение во время боя он не сумел, но проявил храбрость и рассудительность, решив продолжать осаду. Его упорство повлияло на весь ход Кавказской кампании и на позицию русских на предстоящей мирной конференции. Муравьев хорошо знал психологию османских командиров, которые предпочитали ждать развития событий, а не создавать их. Каждый прошедший день ослаблял силы и волю защитников Карса и уменьшал вероятность их успешной вылазки. Одновременно, благодаря знанию особенностей османского командования, Муравьев не боялся подхода турецких подкреплений из Эрзерума или быстрого наступления Эмир-паши в Мингрелии. Вели-паша, как и большинство турецких командиров того времени, был не солдатом, а бюрократом и карьеристом; он уже показал себя нерешительным и неспособным начальником. С амбициозным Эмир-пашой Муравьев встречался несколько лет назад и составил себе мнение, что этот офицер не захочет рисковать своей карьерой в опасных операциях в Западной Грузии; он правильно предположил, что Эмир решил устроить в Мингрелии военный парад, который компенсировал бы ему утерянные возможности отличиться в Крыму. Как бы то ни было, время для проведения успешной операции в Мингрелии ушло, несмотря на бездарные решения русского командующего Багратиона-Мухранского. Муравьев рассчитывал, что, даже если Эмир-паша прибудет в Кутаиси еще до начала затяжных дождей (то есть до середины ноября), состояние гарнизона Карса приведет к капитуляции этой крепости, что позволит ему перебросить основную часть русских войск в Сурамские горы, прикрывающие долину средней Куры и Тифлис. А тем временем, учитывая спокойную обстановку в Восточном Закавказье и отсутствие на поле боя Шамиля, Муравьев мог выделить из состава своей армии подкрепления для Багратиона-Мухранского в Мингрелии. В течение октября уставшие войска, стоявшие у стен Карса, были переведены в отличный новый лагерь, который Муравьев построил во Владикарсе, где обилие продовольствия и фуража резко контрастировало с невыносимыми условиями в осажденном Карсе.

Наконец на русском передовом посту появился Гисдейл с белым флагом в руках и предложил провести на следующий день переговоры между русским командующим и генералом Фенвиком Уильямсом. Два дня спустя последовала официальная капитуляция Карса. Русские получили все орудия в хорошем состоянии и взяли в плен 24 тыс. солдат, из которых 4 тыс. были больны или ранены. Британские и турецкие офицеры сохранили свои шпаги; были предприняты также меры для защиты венгерских и польских офицеров, состоявших на турецкой службе (правда, Кмети и Колман успели сбежать в Эрзерум еще до капитуляции). Прогноз Муравьева о том, сколько времени сможет продержаться Карс без пополнения продовольствия, оказался на удивление точным.

При планировании экспедиции Эмир-паши на Кавказское побережье было решено, что здесь сосредоточится армия из 45 тыс. человек; из них 15 тыс. уже находились в Батуме; 20 тыс. должны были прибыть из Болгарии, а 10 тыс. отборных бойцов, включая несколько батальонов стамбульских (султанских) стрелков, ожидалось из Крыма. Хотя к концу сен-

тября в Батуме находилось не более 30–35 тыс. человек, перевозка войск осуществлялась достаточно быстро. Планировалось доставить 15 тыс. лошадей (столько, по оценкам британских офицеров, требовалось для успешных коммуникаций), однако Эмиру удалось найти всего лишь 5 тыс. У него не было кавалерии, если не считать так называемых османских казаков, набранных из польских беженцев и потомков казаков, осевших в устье Дуная. Их насчитывалось менее тысячи человек³⁶. Эмир надеялся, что сумеет пополнить ряды своей кавалерии нерегулярными конниками из Черкесии и Абхазии.

Сходные политические мотивы заставили Эмир-пашу избрать местом своей базы Сухум, а не Редут-Кале. Расстояние от Сухума до Кутаиси составляет 177 км, весь путь проходит по лесистой местности с многочисленными реками; дороги здесь редки и находятся в плохом состоянии; мостов практически нет. Из Редут-Кале до Кутаиси всего 113 км. Туда ведет прекрасная почтовая дорога, часть ее, однако, проходит по насыпи, с обеих сторон которой тянутся болота. Кроме того, в Редут-Кале нет сухих площадок для размещения лагерей. Одновременно Эмир-паша в своем выборе места для базы руководствовался, в значительной степени, надеждами (которые оказались напрасными) на заключение союза с черкесами и абхазами. В ту пору наиб Шамиля, Мухаммад Амин, не пользовался почти никаким влиянием среди черкесских вождей, которые с приближением зимы предпочли подождать и посмотреть, как будут развиваться события. Да и Шамиль не был готов тогда к серьезным действиям. В Абхазии союз с Искандером Шервашидзе не дал туркам ничего, кроме возможности беспрепятственно занять Сухум; в поле появилось не более 400 абхазских нерегулярных всадников, которые своими грабежами мингрельских крестьян создавали для турок лишние проблемы.

Багратион, ожидавший одновременного наступления противника из Сухума, Редут-Кале и Батума, разработал чрезмерно осторожный план действий. Он не собирался навязывать туркам битвы до того, как они дойдут до Ингура; он расставил вдоль реки четыре батальона Литовского полка с некоторым числом казаков и четырьмя пушками, а свои основные силы сосредоточил в Зугдиди и позади Цхенис-Дзгали («Конской реки»). Одновременно он приказал Бруннеру вывести войска из Гурии и расположить своих людей позади угла, который образует слияние Цхенис-Дзгали с Риони. Таким образом, отсутствие инициативы у Багратиона позволило туркам без помех сконцентрировать свои силы. Это не обещало ничего хорошего, особенно если учесть, что у них было в два раза больше войск, чем у русской армии, стоявшей севернее Риони.

Эмир-паше пришлось оставить в резерве значительные силы (около 10 тыс. человек), чтобы защитить свои прибрежные базы, которые вполне могли подвергнуться нападению. Турецкий командующий подозревал, что Муравьев отложил свое наступление на Кавказе именно из-за этого. У Эмира в начале октября было четыре бригады, каждая из которых включала в себя восемь батальонов низамов и один стрелковый батальон, а также 27 полевых орудий и 10 горных пушек.

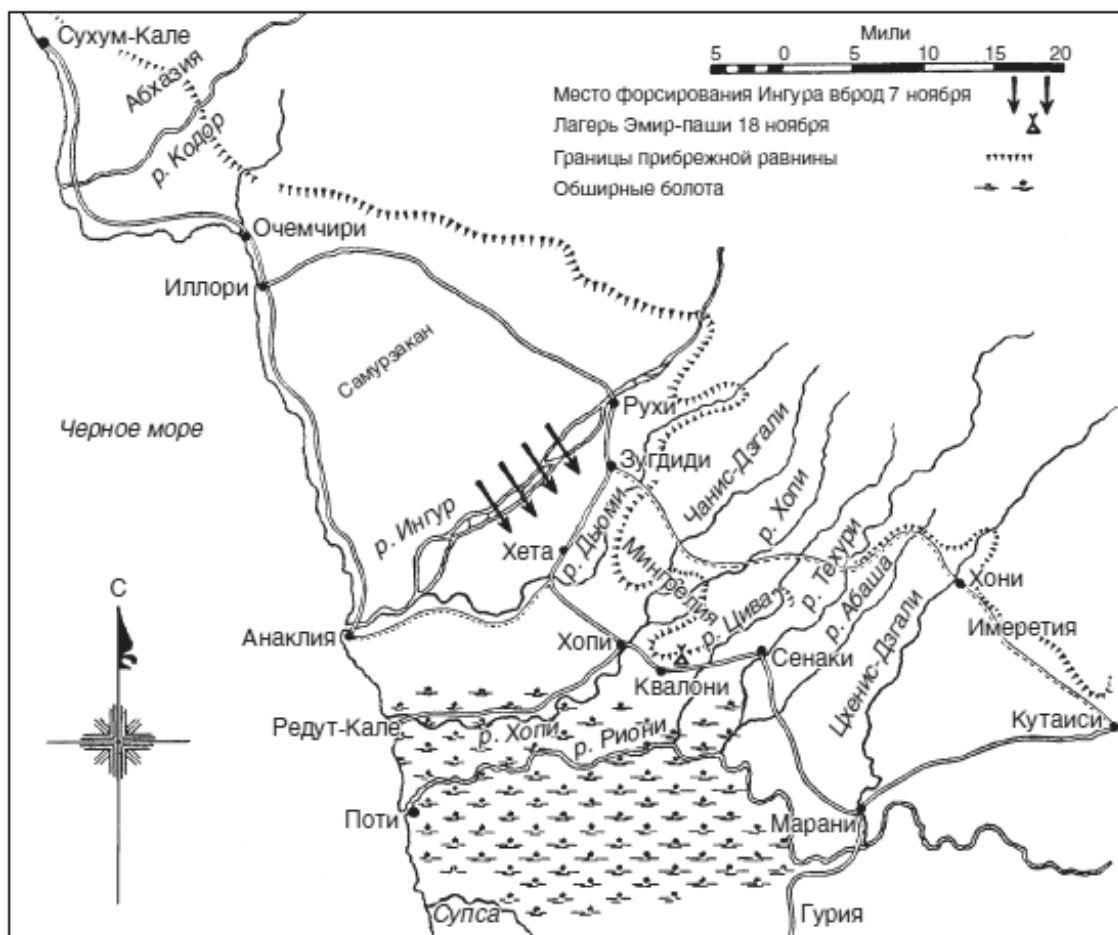
Несколько десятков иностранных офицеров – по большей части венгров и поляков – помогали паше. Начальником штаба у него был Ферхат-паша, венгр по национальности (Штейн), представителем верховного командования союзников – полковник Симмонс, а лей-

³⁶ Романтическая история османских казаков описана в книге в.э.д. Аллена «История Украины» (М.: Издательство Центрполиграф, 2016). После уничтожения Запорожской Сечи в 1775 г. часть казаков бежала в Турцию. Они поселились в устье Дуная на турецкой территории. После Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. оставшиеся в живых потомки этих казаков эмигрировали в Анатолию. Некоторые из них в XIX в. занимались своим наследственным делом – ловили рыбу на небольших островках Бейшехир-гёл в Исаурианском Тавре. Острова на этом озере теперь безлюдны, но нескольких казаков еще можно найти в деревне Казак-Кой, неподалеку от Акшехира. Они говорят по-русски и имеют в своем селении старообрядческий храм. Этих казаков называли «некрасовцами» в честь их первого вождя Некрасова.

тенант Дж. А. Баллард и другие британские офицеры, отвечавшие за обучение стрелков и артиллеристов, находились в составе полевой армии.

8 октября, получив известие о том, что штурм Карса русскими был отбит, Эмир-паша решил, что настал подходящий момент для начала наступления его войска. 15 октября, пройдя по побережью Черного моря, оно заняло Очемчири и Анаклию – небольшой городок в устье реки Ингур. Основные его силы наступали через Самурзакан в направлении той же самой реки. Лесистые склоны гор в те дни были почти безлюдными, и надежд на пополнение припасов в местных селениях не было. Транспорта не хватало, а все снаряжение и припасы можно было везти только по двум дорогам: одна шла по побережью до Анаклии, а другая – гораздо хуже первой – проходила по горам и в селении Рухи пересекала Ингур. Это село находилось в 40 км от устья реки и в 8 км от города Зугдиди. Эта дорога, которую жители Сухума называли «главной сухумской дорогой», на самом деле представляла собой обыкновенную тропу, шедшую через лес, и войскам Эмир-паши потребовалось 20 дней, чтобы преодолеть расстояние 80 км от Сухума до правого берега Ингура, куда они добрались лишь 4 ноября. Средняя скорость передвижения составляла от 3 до 4 км в день, несмотря на то что погода для этого времени года была необычайно сухой.

Багратион расположил свои войска для защиты Ингурской линии крайне неудачно; его действия могут служить классическим примером того, как не надо оборонять берег реки.

Ингурская кампания, 1855 г.

Ингур, подобно большинству кавказских рек, стекающих с гор на Колхидскую низменность, широк, но мелок и во многих местах образует несколько протоков. Чаше всего наиболее глубокой является самая узкая из них. Именно она и представляет самое серьезное препят-

ствие, поскольку течение в ней очень быстрое. Но в сухую погоду (а последние две недели октября и первая неделя ноября 1855 г. оказались необычайно сухими) Ингур можно почти без труда перейти вброд. Броды каждый год меняли свое положение, но местные жители хорошо знали, где их искать. При таких условиях помешать туркам перейти Ингур где-нибудь между Рухи и устьем было практически невозможно. Багратиону следовало организовать активную оборону: держать в центральной точке мощный мобильный отряд, готовый ударить по туркам, когда часть их армии уже пересечет реку. Багратион же выбрал противоположный путь: он распределил свои силы маленькими отрядами по всему течению реки, причем ни один из них не имел связи со своими соседями.

Главные силы (2,5 батальона, казаки и мингрельское ополчение – около 3 тыс. человек и 4 орудия) находились в Рухи. В 10 км вниз по течению стоял другой батальон, охранявший брод. В 2,5 км полтора батальона с четырьмя пушками стерегли третью переправу. Тремя километрами южнее в районе других бродов располагались половина батальона, казаки и два орудия. Еще полтора батальона стояли на нижнем Ингуре, откуда они могли дать весть о любом движении турок в районе Анаклии. Таким образом, две трети русской армии были рассредоточены по местности; в резерве Багратион оставил два куринских батальона, два орудия и имеретинское конное ополчение (около 2 тыс. человек в целом).

Эмир-паша провел два дня на правом берегу Ингура, а утром 7 ноября атаковал русских. Разработав план действий с учетом ошибок в расположении войск противника, он отправил одну бригаду в сторону брода в селении Рухи; вскоре мощная артиллерийская канонада привлекла внимание Багратиона.

А тем временем Эмир-паша велел трем оставшимся бригадам идти к южным бродам; густая растительность помогла турецким стрелкам подобраться к берегу реки незамеченными. Их артиллерия завязала дуэль с русской батареей из четырех пушек, стоявшей южнее третьего брода; одновременно целая бригада турок перешла реку по незащищенному броду чуть выше по течению и захватила орудия, стоявшие в тылу. На четвертой переправе, охранявшейся только половиной батальона солдат и казаками, реку перешла другая бригада противника, несмотря на отчаянное сопротивление русских. На переправе вверх по течению орудия уже были захвачены турками, а два пехотных батальона (потерявшие всех своих офицеров) начали отход. Прекрасные куринские батальоны и мингрельская конница вступили в бой слишком поздно. Из леса доносилась беспорядочная стрельба, ближе к вечеру Эмир-паша велел прекратить бой. Багратион приказал всему своему отряду отходить в Хету. Русские проиграли, потеряв 600 человек и 3 орудия. Потери турок не превышали 400 человек; в бою был убит один британский офицер.

Победа досталась Эмиру легко; его престиж в Стамбуле и штаб-квартире союзников возрос, но он не сумел этим воспользоваться, поскольку судьба Карса была ему, по-видимому, безразлична. Он провел два дня на левом берегу Ингура и только 10 ноября занял Зугдиди (столицу Мингрелии, откуда сбежала княгиня-регентша). Эмир расположился в окрестностях Зугдиди и пробыл там пять дней, потеряв последнюю неделю благоприятной сухой погоды. Контакт с русскими был потерян.

Впрочем, поведение Багратиона оказалось не менее странным. Он отказался от своего первоначального плана навязать туркам сражения на берегу рек Цива и Техури и не останавливался до тех пор, пока не перешел через Цхенис-Дзгали. Таким образом, он оставил туркам всю Мингрелию, в то время как Эмир-паша прохладился в Зугдиди. Багратион велел Бруннеру отойти в Марани (хотя турки не предпринимали никаких попыток начать наступление из Батума), бросив, таким образом, несчастных жителей Гурии, оставшихся верными России, на растерзание башибузукам.

18 ноября Эмир добрался до реки Цива – ему потребовалось 11 дней, чтобы пройти 30 километров, отделявших Ингур от Цивы. После 18 ноября начались осенние дожди. Он

мудро перенес свою основную базу из Сухума в Редут-Кале, который находился всего лишь в 25 километрах от его лагеря в Циве, причем туда шла хорошая дорога. 2 декабря наступавшие войска паши заняли Сенаки на реке Техури, а патрули вышли на берег Цхенис-Дзгали.

Дожди лили не переставая, и турецкий лагерь в Циве превратился в болото. Солдаты Эмира остались без хлеба, а животные – без фуража. Ко второй неделе декабря турецкая армия почти утонула в мингрельской грязи, вполне привычной для Кавказской армии. При данных обстоятельствах, получив известие о капитуляции Карса, Эмир приказал отступить – сначала за Техури, а потом – и за реку Цива.

Если Кавказская экспедиция Эмир-паши не завершилась полным провалом, то это лишь благодаря бездарности его противника, князя Багратиона-Мухранского. 18 ноября он сосредоточил на сильной позиции за рекой Цхенис остатки своих войск, вместе с отрядом Брюннера из Гурии, и подкреплений, которые незадолго до этого прибыли из Тифлиса. В целом эти подкрепления насчитывали 20 батальонов и конное ополчение Гурии, Имеретин и Восточной Грузии (мингрельцы дезертировали из-за того, что их страна была брошена на произвол судьбы). У него было большое преимущество над турками в кавалерии (которой у Эмир-паши практически не было), и это превосходство помогло бы ему разгромить противника в болотах и лесах Мингрелии, особенно теперь, в сезон дождей. Однако Багратион не собирался ждать, когда появятся турки, и в ночь с 19 на 20 ноября приказал сжечь большие склады припасов, накопленных в Марани, поскольку вывезти их не представлялось возможным. Эта последняя глупость так разозлила Муравьева, что он приказал отстранить Багратиона³⁷ от командования (кстати, он был прямым потомком мухранской ветви грузинской царской династии). Его сменил более уравновешенный генерал Брюннер, но восстановить запасы продовольствия, которые с огромным трудом были созданы в Марани, оказалось уже невозможным.

В начале декабря, после падения Карса, в Кутаиси прибыл Бебутов, которому было приказано подготовить наступление на турок в Мингрелии. Однако плохая погода и отсутствие запасов продовольствия – эту проблему создал Багратион-Мухранский – заставили его принять решение: наступление лучше отложить. Тем не менее он занял Озургети и расположил свои войска в селениях вокруг Кутаиси и на реке Цхенис.

Тем временем Эмир-паша продолжал свое отступление, прикрывая его аррьергардом, и по-прежнему удерживал Зугдиди. Бебутов предложил начать контрнаступление в марте, но в феврале ему сообщили, что турки покинули Зугдиди, Хопи и Квалони. Тогда он сконцентрировал свои войска на побережье, в районе Редут-Кале. После этого стало известно, что турецкая армия эвакуировалась морем в Батум, а сам паша уже давно вернулся в Стамбул.

Подготовку Муравьева к Кавказской кампании 1856 г. остановили мирные переговоры. Он предлагал в марте и апреле ликвидировать группировку Эмир-паши, а в мае начать наступление из Карса на Эрзерум. Генерал планировал сосредоточить в Карсе 30 тыс. человек (включая 8 тыс. кавалеристов) и надеялся, что уже в июне Эрзерум (где, как сообщалось, находилось менее 15 тыс. турецких солдат, плохо экипированных и не желавших воевать) будет в его руках.

Чтобы помешать Муравьеву, туркам пришлось бы перебросить из Крыма свои относительно боеспособные войска численностью около 30 тыс. человек. Для того чтобы удерживать Эрзерум и Трапезунд, им потребовалась бы поддержка по крайней мере 20 тыс. британских солдат (судя по настроению французского правительства, рассчитывать на помощь французской армии было бесполезно).

³⁷ Не следует путать его с талантливым полководцем начала XIX в., учеником Суворова, Петром Багратионом, умершим от ран, полученных на Бородинском поле.

Но даже если бы сильная армия союзников, базирующаяся в Трапезунде, вмешалась в войну (и пошла бы в наступление по дороге в Эрзерум, единственной турецкой линии коммуникаций), Муравьев все равно был бы способен вести оборонительную маневренную войну между Эрзерумом и Карсом. В случае продолжения военных действий летом 1856 г. командование турецкой и союзнической армий столкнулось бы с очень сложной проблемой обороны Малой Азии. Поэтому можно смело утверждать, что упорство Муравьева и его победа под стенами Карса значительно усилили позиции России на переговорах о мире.

Что касается Мингрельской экспедиции, то часто утверждают, что если бы союзные правительства согласились с предложениями Эмир-паши, выдвинутыми ими в середине года, то его экспедиция достигла бы своей цели, заставив Муравьева снять осаду Карса, и создала бы угрозу всем владениям России в Закавказье. Но положение дел в Крыму (усложнившееся после того, как защитники Севастополя отбили в июне штурм союзников) не позволило им до наступления осени обеспечить пашу необходимыми войсками.

В предыдущем году, когда на Кавказе стояли три мощные группировки турецких войск, экспедиционный корпус, высаженный в Мингрелии, вполне мог бы добиться победы. Однако здесь, как мы уже отмечали, союзникам пришлось выбирать, где сосредоточить свои главные силы – в Крыму или на Кавказе, и соображения высокой политики заставили их предпочесть крымский вариант.

Книга третья

Кавказская кампания 1877–1878 гг.

Глава 7

Русская и турецкая армии в 1877 г. Провал русского «защитного наступления»

По условиям Парижского мирного договора, заключенного после Крымской войны (1856), Черное море было объявлено нейтральным, а правительства России и Османской империи согласились не иметь в нем военно-морских баз и значительного по величине военно-морского флота. Это условие, выдвинутое Великобританией, несомненно, являлось благоприятным для Турции и было направлено на защиту ее Черноморского побережья. Турция сохранила свой флот в Мраморном и Средиземном морях, а Россия лишилась Черноморского флота. Севастополь и Николаев были превращены в торговые порты. Парижский договор значительно укрепил безопасность турецких владений в Азии (а также на Балканах). Без контроля над Черным морем Россия еще могла завоевать Карс и даже Эрзерум, однако уже кампании Паскевича 1828–1829 гг. показали, что без поддержки военно-морского флота русская армия не сможет захватить Трапезунд. Успешные операции против Сиваса и внутренних районов Малой Азии требовали создания передовых баз в Трапезунде и Гирезуне (Джеразунде). Аналогичным образом, без господства в Черном море соединенные операции против Батума были невозможны, и в 1877–1878 гг., как и в 1853–1856 гг., туркам удалось удержать Батум, создав тем самым угрозу русским коммуникациям, соединявшим Кавказ с Малой Азией.

Турецкие черноморские порты, снабжавшиеся с моря и прикрывавшиеся с суши высокими Понтийскими Альпами, угрожали правому флангу любого русского наступления в глубь Анатолии; да и само русское наступление на Ирак через Диярбакыр было совершенно невозможно до тех пор, пока черноморские порты Турции не будут захвачены с тыла. Британское общество, прислушивавшееся к мнению Пальмерстона, опасалось распространения влияния России до самого Персидского залива. Эти опасения возникли в результате установления русского влияния на Черном море и в Стамбуле в десятилетие, которое последовало за Ункяр-Искелесийским договором 1833 г. Условия Парижского договора, которые касались военно-морского флота России, в определенной степени помогли сдержать экспансию России на Ближнем Востоке, поэтому потери Британии в живой силе и деньгах во время Крымской войны, по-видимому, были оправданы. Впрочем, прошло совсем немного времени, и Россия начала усиленно сопротивляться ограничениям, наложенным на нее Парижским договором. Вместо теоретической опасности продвижения России в Диярбакыр и Ирак в 60-х гг. появилась гораздо более реальная угроза российской экспансии в независимые ханства Центральной Азии и распространения российского политического и военного влияния на Афганистан.

В 1871 г. князь Горчаков, воспользовавшись нарушением баланса сил в Европе после падения Второй империи во Франции, организовал конференцию (которая прошла в Лондоне) и добился отмены условий Парижского договора, касающихся военно-морского флота России. После этого стало ясно, что возобновление русской экспансии на земли Османской империи – всего лишь вопрос времени: она начнется, как только представится такая возможность.

В ходе десятилетия, прошедшего после заключения Парижского договора, русское правительство занималось ликвидацией сопротивления кавказских горцев – этот процесс был остановлен Крымской войной. Как отмечалось ранее, существование огромных незавоеванных территорий, где воинственные племена могли в любой момент совершить нападение на русские внутренние линии коммуникаций, породило серьезные проблемы во время войны 1853–1856 гг.; около половины русской армии, стоявшей на Кавказе, занималось охраной владений России в этом регионе, а вторжение Эмир-паши в Мингрелию, хотя и не принесло больших практических результатов, произвело огромное впечатление на Генеральный штаб России. Оно показало, как велика угроза совместных операций противника на Черноморском побережье против кавказских владений Российской империи.

В 1856 г., после окончания Крымской войны, в Чечне и Дагестане было сосредоточено три русские армии, перед которыми стояла задача окончательного уничтожения мюридов. Популярность Шамиля сильно уменьшилась из-за его жестокого правления и потерь, которые понесли народы Чечни и Дагестана в ходе войны, длившейся уже четверть века. Тем не менее последняя кампания здесь была совсем не простой. Генерал Евдокимов воевал в Чечне два года, и только весной 1859 г. ему удалось захватить крепость Веден, дававшую доступ из Чечни в долину Анди-Кёйсу. Шамиль бежал в аул Гуниб, стоявший над ущельем Кара-Кёйсу. Верность старому имаму сохранили лишь 500 мюридов, в то время как против него новый наместник на Кавказе князь Барятинский сосредоточил 40 тыс. человек с 48 орудиями. Ему удалось захватить в плен Шамиля – самого знаменитого партизанского вождя за всю историю человечества.

Шамиль был сослан в Калугу, и война с мюридами наконец-то закончилась. Тем не менее на Черноморском побережье еще сохраняли свою относительную независимость черкесы. Экономические, а также военные и политические соображения заставили не только покорить, но и переселить народ, сохранивший, вероятно, самую «цивилизованную» племенную культуру в Азии. В Чечне и Дагестане русские удовлетворились подчинением местного населения законам России, но на Черноморском побережье они стремились захватить обширные плодородные земли черкесов. Сюда хлынул поток русских крестьян, которые в 1861 г. были освобождены от крепостной зависимости. Каждый год казаки и переселенцы из Центральной России проникали все дальше и дальше по притокам Кубани, Лабы, Белой и Урупа, создавая свои села и станицы. Эти поселения подвергались частым набегам черкесов, недовольных захватом территорий, которые они считали своими. Около 1860 г. в нижнем течении Кубани сложилась парадоксальная ситуация – в 50 км от Екатеринодара (теперь Краснодар. – *Пер.*), столицы Кубани, у истока реки Афипс еще проживало независимое черкесское племя бжедухов, а соседние натухаи утверждали, что все земли между устьем Кубани и новым портом Новороссийском принадлежат им. Русское правительство решило заставить черкесов переселиться в другие районы империи, а при их желании – и в Турцию. Проведение этой политики было поручено генералу Евдокимову, который проявил себя в Чечне как твердый, но талантливый администратор. Он создал несколько мобильных колонн из стрелковых батальонов Черноморской линии и кубанских пластунов, которых должны были поддерживать донские казачьи сотни. В течение 1860 г. 4 тыс. черкесских семей без всякого сопротивления оставили свои земли на левых притоках Кубани и отправились в Турцию. Однако черкесские племена, жившие юго-восточнее, оказали Евдокимову упорное сопротивление. Три самых крупных племени – абадзехи, шапсуги и убыхи – вступили в союз и попытались создать свое собственное правительство в форме Большого Меджлиса (ассамблеи), который заседал в Сочи. Меджлис обратился за помощью к Турции и Великобритании, но напрасно. В сентябре 1861 г. император Александр II, посетив Екатеринодар, принял

делегацию черкесских вождей. Абадзехи³⁸ готовы были переселиться на предложенные им земли к северу от Кубани, но другие племена остались непреклонны.

Весной 1862 г. начались военные действия против некоторых черкесских племен, но прошло еще два года, прежде чем русская колонна, пройдя маршем из Майкопа по долине реки Пшиш, вступила в Туапсе и завершила покорение земель племени шапсугов. Другая русская колонна, двигаясь вверх по реке Лабе и через водораздел в долину Мзымты, завершила усмирение убыхов. Последние выстрелы в долгой истории покорения черкесов прозвучали в мае 1864 г. Более 600 тыс. черкесов эмигрировали в Турцию; их потомков можно встретить от Балкан до Трансиордании. Кубань была плотно заселена русскими, но на побережье Черного моря многочисленные русские, немецкие, греческие и болгарские поселения, получившие земли черкесов, не смогли прижиться во влажном климате лесистой местности. В дальнейшем эти земли, где когда-то располагались сады и огороды, которые окружали процветающие черкесские селения, заполонила дикая растительность, а на месте бывших прибрежных сел расположились дачи и санатории.

Правление Александра II (1855–1881), начавшееся с отмены крепостного права (1861), стало временем быстрого экономического роста и административных реформ. Эти реформы включали в себя и полную реорганизацию русской армии. Изучив уроки Франко-прусской войны, Александр II в 1874 г. сделал военную службу обязательной, благодаря чему русская армия резко увеличила свою численность. К 1877 г. она включала в себя 41 пехотную линейную дивизию, три гвардейские дивизии, три гренадерские дивизии и несколько стрелковых бригад. Четыре вновь созданные дивизии (38, 39, 40 и 41-я) располагались на Кавказе, где старая Кавказская армия имела постоянные подразделения: Кавказскую гренадерскую дивизию, а также 19, 20 и 21-ю пехотные линейные дивизии (40-я дивизия находилась на Нижней Волге, откуда она за короткое время могла быть переброшена на Кавказ). Полки, входившие в состав кавказских дивизий, имели не три батальона, как в других русских дивизиях (за исключением императорской гвардии), а четыре. Были также сформированы четыре кавказских стрелковых батальона.

Франко-прусская война нарушила хрупкий баланс сил, созданный Парижским миром. Одновременно панславянское движение в России, которое в эти годы значительно усилилось, можно было сравнить лишь с националистскими движениями в Германии и Италии. После восстаний в Боснии и Герцеговине в 1875 г. и сербо-турецкой войны 1876 г. в России произошел самый настоящий взрыв панславянских настроений, и никакие изощренные дипломатические маневры не смогли предотвратить войну между Россией и Турцией в апреле 1877 г.

Опыт кампании Паскевича и быстрое завоевание Анатолии египетской армией Мехмета Али в 30-х гг. XIX в. показали, что Османская империя, вероятно, больше всего уязвима на своих азиатских границах. С другой стороны, русские сочувствовали балканским славянам, поэтому Генеральный штаб России вынужден был считать главным театром этой войны Балканы. К тому же из-за того, что русский военно-морской флот в Черном море оказался еще очень слаб, Генштаб постарался начать свое наступление как можно дальше к западу.

Прошло шесть лет после Лондонской конференции 1871 г., и Россия спешила восстановить свои позиции в Черном море. В Керчи, Севастополе, устье Днепра и Одессе появились фортификационные сооружения и батареи тяжелых орудий, усиленные минными полями. Однако России разрешалось иметь в Черном море лишь четыре броненосных парохода. Поэтому турки, имевшие более 20 бронированных мониторов и канонерок, построенных в основном на британских верфях и находившихся под командой адмирала Хобарта (бывшего капитана Королевского флота) и других британских и иностранных офицеров, господство-

³⁸ Их потомки проживают в среднем течении Кубани, в районе Краснодара.

вали в Черном море. Вероятность действий флота Турции на побережье Кавказа, в устье Дуная и его нижнем течении не только полностью осознавалась российским командованием, но даже преувеличивалась. В результате этого русские не стали воевать на нижнем Дунае и против четырехугольника турецких крепостей, которые могли снабжаться и получать подкрепления по Черному морю, а сосредоточили все свои удары в районе Тырново, Софии и перевалов Западных Балкан. Стратегия России на Кавказе была чрезмерно осторожной; командование опасалось совместных операций на Кавказском побережье под защитой мощного турецкого флота.

Русские коммуникации в Закавказье после Крымской войны значительно улучшились: была построена железная дорога из Поти в Тифлис, однако господство турецкого флота сделало невозможным морское сообщение между русскими черноморскими портами и Поти. Поэтому Кавказская армия получала все необходимое по Военно-Грузинской дороге, шедшей из Владикавказа в Тифлис, или морским путем из Астрахани в Баку.

Россия опасалась турецких морских диверсий. Этот страх сочетался, несмотря на недавнее насильственное переселение черкесов, с преувеличенной нервозностью, которую порождали восстания горцев.

Расположение войск Кавказской армии в мирное время было таким:

Расположение	Подразделения
Северный Кавказ	19, 20, 21 и 38-я дивизии
Нижняя Волга	40-я дивизия
Восточная Грузия	Кавказская гренадерская дивизия
Западная Грузия	41-я дивизия
Ахалцихе	39-я дивизия

Знаменитая Кавказская драгунская дивизия и десять казачьих полков тоже стояли в Закавказье. В 1876 г. 19-ю пехотную дивизию перебросили с Северного Кавказа под Ереван, а в начале 1877 г. было решено усилить войска на Кавказе 38-й дивизией и стрелковыми батальонами. Таким образом, примерно половина русской армии в регионе занималась охраной внутреннего порядка и Черноморского побережья – очень интересный пример того, что даже простая угроза совместных операций или восстаний местных жителей может сковать значительные войсковые силы.

Несмотря на удивительную слабость турецкой армии в Армении весной 1877 г., концентрация на Европейском театре войны и господство турецкого флота в Черном море не позволили русской Кавказской армии предпринять какое-либо серьезное наступление. Его предполагалось осуществить только в том случае, если обстоятельства сложатся благоприятно, да и то они должны были ограничиться лишь Батумом и Ардаганом (по сведениям командования, там еще не завершилось сооружение новых фортификаций), а также блокадой Карса.

Среди представителей командования русской Кавказской армии не было выдающихся личностей вроде Паскевича, Муравьева и Бебутова, которые добились таких замечательных успехов в кампаниях прошлых лет. Наместником на Кавказе являлся в ту пору великий князь Михаил Николаевич, брат царя, – исключительно добродушный человек, обожаемый многими, но лишенный военных талантов. Его главный советник – генерал князь Святополк-Мирский – не имел ни энергии, ни способностей для командования армией. Во главе полевых войск стоял генерал граф Лорис-Меликов, выдающийся, отлично образованный человек (через несколько лет он станет последним канцлером Александра II), по происхож-

дению армянин. Он отлично знал Кавказ, но не обладал инициативой и необходимой властью для того, чтобы принимать решения. Зимой 1876/77 г. в Тифлисе преобладали сдержанные и осторожные настроения. Местное руководство слишком преувеличивало силу «новой» турецкой армии.

За два десятилетия со времен Крымской войны и в ходе Ближневосточного кризиса 1875–1877 гг. в Турции довольно быстрым темпом шли военные реформы. Прусское влияние, начавшееся в годы военной миссии Мольтке, после побед Пруссии в Западной Европе только усилилось, и британских советников, а также польских и венгерских офицеров-эмигрантов времен Крымской войны сменили германские советники со своей теорией войны.

Население Османской империи в 1876 г. составляло около 22 млн человек. Однако служили в армии только мусульмане (12 млн в Азии и 4 млн в Европе). По законам об обязательной военной службе, принятым в 1869–1876 гг., мужчины должны были прослужить четыре года в низамских (нерегулярных) войсках. Два года после этого они считались в отпуске, а потом переходили в резерв (редиф), где их могли призвать в армию в течение последующих девяти лет. Основную массу живой силы поставляли азиатские провинции Турции, однако войска распределялись в основном в европейской части этой страны. Европейские территории делились на округа, где стояли армейские I, II и III корпуса. Центром IV армейского корпусного округа был Эрзерум, а V – Дамаск. Создание VI и VII армейских корпусов в Ираке и Аравии еще не было завершено. Для защиты портов, расположенных между российской границей и Самсуном, создали особый Прибрежный округ.

Система армейских корпусных округов была позаимствована у Пруссии, но если там округа делились на дивизионные подокруга, то в Турции – на полковые. IV армейский корпусной округ состоял из шести полковых подокругов, а Прибрежный – из трех. В мирное время IV армейский корпусной округ (с центром в Эрзеруме) состоял из новых батальонов. Каждый полковой подокруг должен был мобилизовать 12 батальонов редифов (резервистов) 1-й категории и 25 батальонов резервистов 2-й категории (последних называли «мюстах-физами»). Таким образом, номинальный состав IV армейского корпусного округа (Эрзерум) был следующим: 24 низамских батальона, 72 редифских батальона (1-й категории) и 150 редифских батальонов (2-й категории), в сумме – 246 батальонов. В Прибрежном округе регулярных войск не имелось, но он обязан был предоставить 100 резервных батальонов. Таким образом, суммарный потенциал турецкой армии на Кавказе составлял около 350 батальонов, или примерно 250 тыс. человек. V армейский корпусной округ (Дамаск) мог предоставить Кавказскому подкрепления, так что в теории численность турецкой армии на Кавказе могла достигать примерно 300 тыс. человек плюс 50 тыс. бойцов нерегулярной конницы. Таковы были официальные цифры, ходившие в Эрзеруме, о которых, очевидно, хорошо знали в Тифлисе, где они произвели огромное впечатление. Русская разведка, как это ни странно, приняла чисто теоретические расчеты турецкого военного потенциала за реальные цифры. На самом деле, когда началась война, общее число солдат в Армении, рассеянное небольшими подразделениями по обширной территории, составило около 15 тыс. низамов, 50 тыс. резервистов и примерно 25 тыс. бойцов нерегулярной армии, то есть 90 тыс. человек – всего лишь около 25 % предполагаемого количества.

В отличие от Муравьева, который очень хорошо понимал психологию людей Востока, русские командующие 1877 г. не хотели принимать во внимание очевидные и традиционные недостатки турецкой организации. На складах Эрзерума и Трапезунда сосредоточивались огромные запасы продовольствия и обмундирования, но распределение их было крайне неудачным, телег и вьючных животных катастрофически не хватало; медицинской службы – не менее важной в ходе войны, чем продовольствие, – не существовало и в ближайшем будущем так и не появилось. Артиллерии было очень мало; орудия, предоставленные воен-

ным ведомством, установили в Сивасе, Трапезунде и Эрзеруме, но транспорта для их переброски в другие места не нашлось.

Командовал IV армейским корпусным округом Измаил Хакки-паша, влиятельный вождь хайдаранлийских курдов, но он совсем не разбирался в военном деле и был продажен. Тем не менее он пользовался поддержкой влиятельных кругов при дворе и не лишился своего поста даже после того, как в апреле 1877 г. командование над армией Армении принял Ахмет Мухтар-паша. Ахмет Мухтару исполнилось всего лишь 38 лет; это был типичный представитель нового профессионального офицерства, появившегося после реформ последних двух десятилетий. Будучи выходцем из древней турецкой семьи Бурса, он отличился в Йемене и Боснии. Ахмет Мухтар проявил себя как энергичный и храбрый командующий, по стратегическому чутью превосходил своего оппонента, Лорис-Меликова, но ему не хватало тактического умения и офицеров, способных восполнить этот недостаток.

Турецкая армия была хорошо вооружена; пехота имела современные ружья системы Мартини-Пибоди, превосходившие русские берданки. Турки приобрели также несколько новых стальных орудий Круппа, в то время как русская армия имела на вооружении старые модели бронзовых пушек. Но самой слабой стороной турецкой армии стало отсутствие в ней хорошо обученных, знающих офицеров; в этом отношении русская армия далеко ее превосходила. О слабости главного штаба Турции знал весь мир, а несколько способных офицеров были по большей части иностранными авантюристами, которые постоянно подвергались обструкции и становились жертвами интриг. Бездарность высшего командования турецкой армии объясняет его неспособность создать крупные полевые соединения (дивизии и бригады). Табор (батальон) и батарея – их единственные боеспособные полевые единицы; иногда бригады все-таки создавались, но они в целом были лишь временными единицами, состоявшими из шести или восьми батальонов, и предназначались для выполнения особых задач.

Частичная мобилизация резерва в Турции началась осенью 1876 г. Русская разведка работала из рук вон плохо, и в Тифлисе никто так и не узнал, что первые два полностью укомплектованных корпуса резервистов, мобилизованных в IV округе (48 батальонов), были отправлены из Эрзерума в Европу. Когда Ахмет Мухтар посетил Карс (18 апреля 1877 г.), он обнаружил, что его гарнизон состоит всего лишь из 18 батальонов. Он пополнил его тремя новыми батальонами, которые привел с собой из Эрзерума.

В Ардагане стояло восемь батальонов, к которым Ахмет Мухтар смог добавить лишь два. Хасан-Кале имел три батальона, которые прикрывали главную дорогу, шедшую по долине Аракса, а в долине Алашкерта завершалась мобилизация 11 новых. Вместо гипотетической армии в 350 тыс. человек Ахмет Мухтар смог сформировать лишь мобильный полевой отряд в составе девяти батальонов, шести эскадронов кавалерии и одной батареи. Другая армия (которая не подчинялась Мухтару) располагалась на побережье и должна была защищать Батум. Здесь Хусейн-паша имел около 12 тыс. человек. Были приложены все усилия, чтобы в районе Эрзерума, Муша и Вана поднять на борьбу курдов. Измаил Хакки хвастался, что собирается вторгнуться в Закавказье с армией из 40 тыс. всадников.

Турки были уверены, что для защиты Армянского нагорья требовалось оборонять Карс и Ардаган; фортификационные сооружения в обеих крепостях были усовершенствованы немецкими инженерами, а на заводах Круппа приобретена современная дальнобойная позиционная артиллерия. Венгерский ветеран кампаний 1853–1856 гг. Колман (Фейзи-паша) создал прекрасные оборонительные линии вокруг Батума; началось строительство шоссе, соединившего этот порт с Ардаганом и верхней Курой, однако оно осталось незаконченным. Был построен лишь отрезок в 50–60 км к юго-западу от Батума. На самом деле Карс и Ардаган представляли собой передовые базы для наступления в Закавказье, и значение использования этих крепостей для чисто оборонительных целей заключалось в том, что они могли

задержать наступление врага и заставить его разделить свои силы. По-настоящему защищала Армянское нагорье и Эрзерум горная система, состоявшая из Саганлугского хребта и Деве-Боюна. Предстоящая кампания показала, что турки, имея более слабую армию и ограниченные способности организации, совершили ошибку, сконцентрировав все свое внимание на обороне Карса и позабыв о природном горном оборонительном рубеже, на котором можно было бы гораздо удачнее расположить свои главные силы.

За три года до начала войны русский Генеральный штаб разработал план быстрого вторжения в Малую Азию и захвата Эрзерума за шесть недель после пересечения границы. Это сделало бы невозможной концентрацию сколько-нибудь крупной турецкой армии в пределах дистанции удара со стороны закавказской границы. Но великий князь Михаил отказался от этой смелой идеи в пользу более осторожной политики. Две дивизии были оставлены для охраны внутренней безопасности на Северном Кавказе (20-я и 21-я), а одна (41-я) должна была оборонять побережье. В самый последний момент волнения в Чечне и Дагестане вынудили его оставить здесь еще и 38-ю дивизию. Таким образом, для наступательных операций осталось лишь 3,5 дивизии. Эти подразделения были сосредоточены на трех главных стратегических направлениях, и каждая группа оказалась слишком слабой для каких-либо быстрых или решительных действий. В центре Александрополя стояло 1,5 дивизии – одна дивизия гренадер и половина 19-й пехотной. Другая часть 19-й дивизии располагалась на крайнем левом фланге, в Ереване, прикрывая долину Аракса. Половина 38-й дивизии находилась в Ахалцихе, напротив турецкого войска в Ардагане. Сомнения русского Генерального штаба в успехе операции выразились в создании мощного резерва около Тифлиса – в него входили половина 19-й и половина 38-й дивизий. В начале 1877 г. этот резерв был неожиданно отправлен туда, куда его вовсе не собирались посылать: четыре батальона – в Ахалцихе, а 12 – в долину Риони, где уже стояла 41-я дивизия, усиленная тремя стрелковыми батальонами. Таким образом, в самом начале войны в долине Риони и в западной части Кавказа сосредоточился эквивалент трех дивизий, который по своей численности превосходил главные ударные силы в Александрополе. Русское командование, которое уже переоценило опасность мусульманского восстания в Дагестане, теперь, очевидно, опасалось мифического вторжения Эмир-паши в Мингрелию и турецких совместных операций на Кавказском побережье. Одна угроза этих диверсий более чем в два раза уменьшила силы, доступные для наступления на крепости Малой Азии.

Решение сосредоточиться на защите побережья и западных районов и, по необходимости, одновременно проводить ограниченные операции с участием рвавшихся в бой войск определило всю стратегию русского Генерального штаба. Запланировано было сконцентрироваться на достижении двух ограниченных целей неподалеку от области оборонительного скопления войск. От первоначального плана наступления на Эрзерум и нанесения сокрушительного удара по турецким армиям еще до того, как они успеют сосредоточиться и организовать оборону, отказались в пользу рекогносцировки сил в районе Батума и Ардагана. В центре и на левом фланге – как показал опыт прежних войн, самых многообещающих в плане побед оперативных районах, – все действия были ограничены лишь наблюдением за Карсом и демонстрацией сил в районе Баязета. Страх перед внутренними беспорядками и преувеличение опасности, которая исходила от турецкого военно-морского флота, привели к изменению русской стратегии и отказу от единственного разумного плана – решительных действий против Эрзерума.

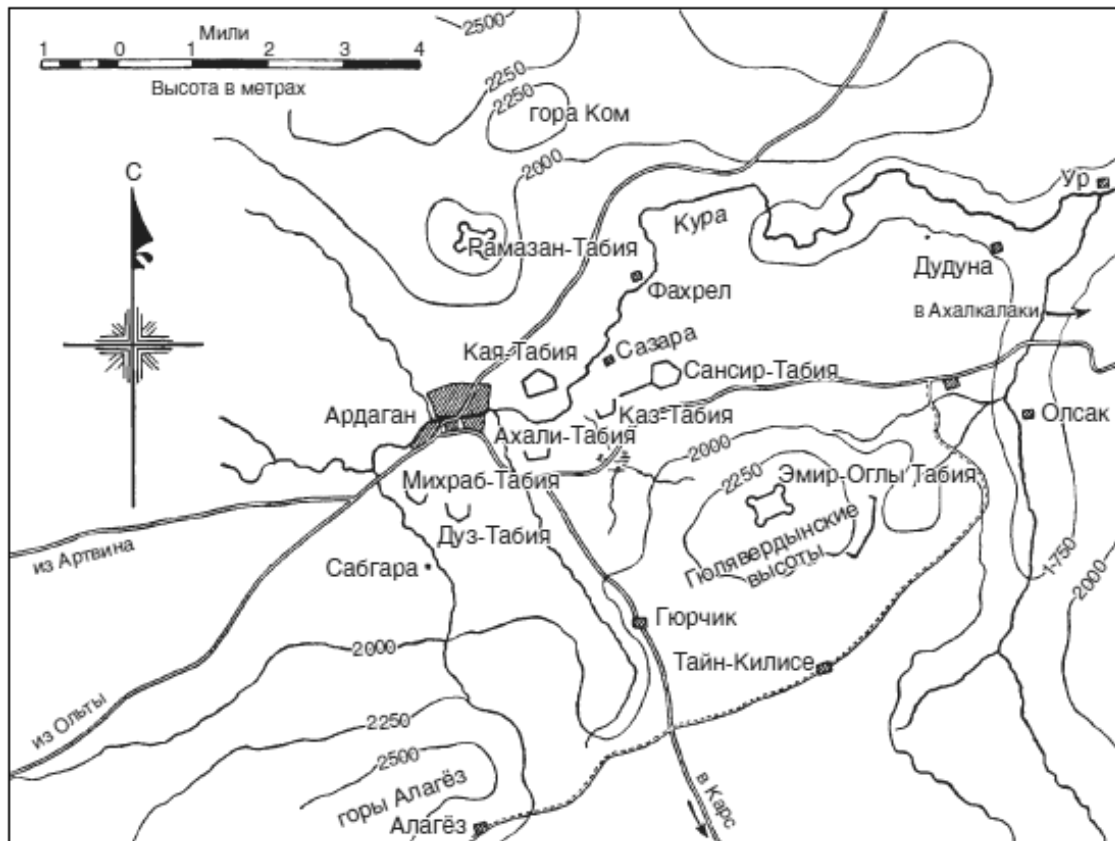
Война была объявлена 24 апреля 1877 г., и в тот же самый день русская армия перешла границу. Ее войска располагались следующим образом:

Группа войск	Командующий	Состав	Примечания
Александропольская	Генерал Гейман	24 батальона пехоты, 2 драгунских полка, 2 полка терских казаков, 2 полка дагестанских конников, 9 полевых батарей, 2,5 конной батареи	Задачи: наблюдение за Карсом; разведка боем в районе Ардагана. Общее число войск: 18 тыс. пехотинцев, 7 тыс. кавалеристов, 92 пушки

Группа войск	Командующий	Состав	Примечания
Ахалцихская, Ахалкалакская	Генерал Девель	8 батальонов пехоты, 2 полка кубанских казаков, 3,5 батареи	Задача: разведка боем в районе Ардагана. Общее число войск: 6,5 тыс. пехотинцев, 2,5 тыс. кавалеристов, 28 пушек
Ереванская, Кульпская	Генерал Тергукасов	9 батальонов пехоты, полк драгун, 4 полка казаков, 3 полевые батареи, конная батарея	Задача: разведка боем в районе Баязета. Общее число войск: 7 тыс. пехотинцев, 3,5 тыс. кавалеристов, 32 орудия
Кобулетская	Генерал Окlobжio	16 батальонов пехоты, казаки, 6 батарей	Задача: разведка боем в районе Батума. Общее число войск: 11 тыс. пехотинцев, 1 тыс. кавалеристов, 48 орудий

Узнав о том, что русские войска перешли границу, Ахмет Мухтар приказал своим скромным полевым силам в Субатане и Хадживели немедленно уходить в Карс. 28 апреля русские достигли Полдervана и Куру-Дере. В ту же самую ночь Мухтар, оставив 21 батальон удерживать крепость Карс, увел свои полевые войска (9 батальонов, 2 полка кавалерии и батарею) в направлении Саганлуга. Его решение оставить Карс, которому предстояла осада, и использовать свои ограниченные полевые войска для прикрытия сосредоточения турецких подкреплений в Эрзеруме было противоположно тому, которое принял в 1855 г. Фенвик Уильямс, но в обоих случаях эти решения, продиктованные различными обстоятельствами, оказались верными. Вечером 30 апреля силы Мухтара, отходу которых могла помешать сильная русская кавалерия, уже заняли позиции на перевалах Саганлуга.

2 мая в Займе, где дорога из Александрополя в Карс соединяется с дорогой, идущей из Ардагана, сосредоточились войска Александропольской группировки. Девель, шедший из Ахалкалаки в сторону Ардагана, узнал от живших в нем армян, что его гарнизон совершенно не готов к бою.

Ардаганская операция

Ардаган располагается на обоих берегах Куры, причем главная часть города находится на левом (северо-западном) берегу. Река здесь узкая, но имеет очень быстрое течение, поскольку ее берега падают вниз почти отвесно. В пределах города она течет с запада на восток, но, выйдя из него, поворачивает на север; вдоль ее восточного берега тянутся Гюлявердынские горы. На западном берегу располагается равнина, которая поднимается к северу, где находится изолированная, довольно крутая гора, на которой был сооружен современный форт Рамазан-Табия. Другой форт, Кая-Табия, прикрывает левый берег реки прямо напротив Гюлявердынских гор и нависает над дорогой в Ахалцихе. Турки, несомненно, считали этот сектор наиболее опасным, хотя самый лучший подход для атакующих сил находится на юго-востоке. Гюлявердынские горы на правом берегу смотрят на форт Кая-Табия, а с юга склоны Алагёза предлагают несколько удачных позиций, откуда можно обстреливать оборонительные сооружения в южном секторе. Горы, на которых стояли селения Гюрчик и Тайн-Килисе, располагались всего лишь в 2 милях от турецких укреплений. В этом секторе для усиления оборонительной линии строился форт Эмир-Оглы, но его еще не закончили. Из 90 пушек, стоявших на позициях, только половина была современной; гарнизон оказался достаточно силен: два батальона низамов, девять батальонов резервистов, одна сьюварийская бригада, три полевые батареи и 1,5 тыс. бойцов нерегулярных войск. Комендант крепости Гасан Сабри-паша был абсолютно непригоден к командованию, а единственным офицером, знавшим военное дело, являлся полковник Мехмет-бей, немец, командовавший сектором от Гюлявердынских гор до Эмир-Оглы-Табия.

11 мая генерал Гейман с гренадерской и кавалерийской бригадами и пятью полевыми батареями присоединился к Девелю. Командование принял на себя прибывший туда Дорис-Меликов. Он сосредоточил артиллерию и главные силы пехоты на горах Гюрчик и Тайн-

Килисе по обеим сторонам от Карской дороги. Девеля, имевшего в своем распоряжении только шесть батальонов, отправили штурмовать Гюлявердынские горы с севера.

Общий штурм должен был начаться на рассвете 16 мая, и Девель послал три батальона Елизаветпольского полка против защитников Гюлявердынских позиций еще до того, как орудия открыли огонь по юго-восточному сектору. Турецкое управление огнем оказалось совершенно бездарным, и елизаветпольцы, имея в качестве преимущества небольшую мертвую зону, овладели окопами противника, понеся незначительные потери. Однако их дальнейшее продвижение было остановлено огнем с форта Эмир-Оглы. Тем временем русские батареи на Тайн-Килисе продолжали обстрел противника. Этот обстрел оказался не очень эффективным, однако нагнал на необученные войска турок такого страха, что они бросили свои позиции в Эмир-Оглы и в беспорядке побежали к реке. Увидев это, Лорис-Меликов бросил в атаку свою пехоту; в это время елизаветпольцы с развевающимися флагами, под звуки оркестра ворвались в форт Эмир-Оглы со стороны Гюлявердынских высот.

Тут Лорис-Меликов проявил качества, отличавшие все его действия во время этой кампании. Осторожный и склонный к последовательным действиям, он не стал развивать успех, а отложил продолжение боевых действий на следующий день. Войска перегруппировали, и Девель перешел на левый берег Куры – ему поручили наблюдать за крепостью с севера; остальные войска сосредоточились на Гюлявердынских высотах для главной атаки на два небольших форта – Сансир и Ахали, которые прикрывали подходы к городу с востока. Турецкие форты молчали, что было очень странно, но русского командующего так поразили мощные фортификации турок, что он продолжал сомневаться в успехе и даже решил отложить штурм на три или четыре дня, чтобы дожидаться подкреплений из Ахалцихе и осадных орудий из Ахалкалаки.

А тем временем среди турок царил паника; Хасан Сабри, комендант Ардагана, устроив немецкому командиру Мехмед-бею выговор за потерю Гюлявердынских высот, в ночь с 16 на 17 мая покинул крепость и двинулся по Батумской дороге с двумя батальонами низамов, всей регулярной кавалерией и всеми полевыми орудиями, которые смог увезти. Нерегулярные войска дезертировали, и Мехмету остались лишь восемь батальонов резервистов и крепостные орудия, с которыми он должен был оборонять крепость. Русские патрули не заметили ухода Сабри; на следующее утро в русский лагерь пришли армяне и сообщили эту новость.

Лорис-Меликов по-прежнему сомневался, стоит ли идти на штурм, не дождавшись подкреплений, и только настойчивость генерала Геймана заставила его около 6 часов вечера отдать приказ атаковать форты Сансир и Ахали. Гренадерские батальоны без труда заняли обе эти позиции, а турки в беспорядке бежали по двум мостам в город. Однако штаб Лорис-Меликова позабыл предупредить Девеля о решении идти на штурм, и два форта на левом берегу Куры, Рамазан и Кая, были оставлены противником безо всяких попыток со стороны русских им помешать.

В руки русских попали все орудия крепости и тысяча пленников; турки за два дня боев потеряли 2 тыс. человек, а русские – 500; основные потери понесли батальоны Елизаветпольского полка. Меликов был чересчур осторожным командующим, но политиком и администратором он оказался отменным – он распустил пленных резервистов по домам, подарив им семена пшеницы для весеннего сева.

Ардаганская операция примечательна тем, что ее с обеих сторон возглавляли совсем не подходящие для этого люди. Турецкими полковыми офицерами командовал бездарный трус, кроме того, они продемонстрировали отсутствие самых элементарных навыков управления огнем. У русских главная проблема заключалась в неправильном расчете времени при проведении тактических передвижений.

Операция оказала мощное психологическое воздействие на войска, не всегда благоприятное для обеих сторон. Турки, несмотря на свое новое дорогое оружие, пришли в уныние, а их чувство неполноценности по отношению к русским только усилилось. С другой стороны, незначительная победа под Ардаганом позволила офицерам старой кавказской школы, вроде Геймана, игнорировать возросшую огневую мощь нового оружия и надеяться только на штыковую атаку.

Поражение турок объяснялось тем, что высшее командование армии назначалось по указке двора. Хасан Сабри, имевший защитников в Стамбуле, избежал серьезного наказания. Вместе с тем людей подобного склада в Эрзеруме охватила паника, и только вмешательство Ахмет Мухтара помешало им отдать приказ об оставлении города. Европейских наблюдателей поражало то презрение, с каким турецкие солдаты и младшие офицеры относились к своему высшему командованию.

Туркам повезло в одном – у них был Ахмет Мухтар, продемонстрировавший характер и стратегическое мышление. Известие о падении Ардагана пришло к нему одновременно с сообщением о том, что Ереванская группа русских войск угрожает Эрзерумскому региону с юго-востока. Тергукасов продолжал свое наступление на запад: 11 мая он достиг Армянского монастыря в Сурп-Оханесе³⁹ у входа в Алашкертскую долину. Мухтар-паша совершенно справедливо рассудил, что наступление Тергукасова и оккупация Ардагана – это две части общего русского оперативного плана, направленного на захват Эрзерума. С учетом слишком медленной организации турецкой полевой армии ситуация для турецкого командующего была очень сложной. Первым делом он позаботился о защите прямых путей из Ардагана в Эрзерум и отправил три батальона с батареей для создания оборонительной позиции на Гюрчю-Богазе, исторических воротах в Грузию. Отсюда идет дорога из долины верхней Куры через долину Ольты-Чая в Эрзерумскую равнину, позволяя обойти Саганлугскую и Деве-Боюнскую позиции. В Ольты из Ардагана с целью задержать предполагаемое русское наступление была переброшена «бригада» в составе от шести до восьми батальонов при одной батарее. Мухтар расположил свои главные силы (12 батальонов и две батареи) в западной части Саганлугских гор, на хребте Шакир-Баба, напротив Бардиза, откуда можно было установить связь с войсками в Ольты. Два батальона заняли Кёпрюкёй; в их задачу входило обеспечение связи с восемью батальонами и двумя батареями, которые были посланы для того, чтобы задержать наступление Тергукасова из Алашкертской долины. Всего у Мухтара насчитывалось 18 тыс. пехотинцев и 36 орудий. Его кавалерия была крайне слабой и в основном состояла из курдских и черкесских нерегулярных бойцов.

К счастью для Ахмет Мухтара, командующий русскими войсками не обладал стратегическим видением и не смог оценить ситуацию. После захвата Ардагана Дорис-Меликов вернулся в окрестности Карса и приступил в Займе к концентрации основной части сил Геймана и Девеля. В Ардаган был отправлен полковник Комаров, и, хотя ему «разрешили» начать наступление на Ольты, он не получил приказа как можно скорее это сделать. 3 июня Комаров с четырьмя батальонами пехоты и двумя полками казаков занял Пенек, а 4-го добрался до Ольты, опередив войска, посланные Мухтаром для обороны этого селения. 5 июня Мухтар, понимая, как важно захватить Ольты, отдал приказ атаковать русских, и населенный пункт был оставлен без всякого сопротивления. Ночью Комаров получил приказ Меликова не только возвратиться в Ардаган, но и отправить четыре батальона из имевшихся у него шести в лагерь в Займе. 4 июня русский главнокомандующий наконец-то принял решение, которое привело к печальным последствиям, проявившимся в последующие три месяца.

Лорис-Меликов получил сообщение о развитии событий в Западном Закавказье, которое вызвало у него тревогу. Оклобжио встретился на своем пути в Батум с неожиданными

³⁹ В 1945 г. это величественное сооружение еще стояло, хотя и в полуразрушенном состоянии.

сложностями – рельеф местности оказался совсем не таким, каким его изобразили на карте топографы Генштаба в Тифлисе. Пришли также известия о том, что русские войска оставили Сухум и турецкая армия при поддержке абхазских мятежников высаживается в нескольких пунктах на побережье Черного моря. Резерв, стоявший в Кутаиси, на помощь которого надеялся Оклобжио, был отправлен к Ингуру. Войска в Западном Закавказье не подчинялись Лорис-Меликову, и он не мог правильно оценить ситуацию. Он стал ждать прибытия великого князя Михаила Николаевича в Александрополь. Когда, после некоторого промедления, наместник прибыл, Лорис-Меликов узнал, что в Тифлисе сложилось очень серьезное положение и что восстание в Абхазии уже перекинулось на Чечню и Дагестан. Советники его императорского высочества посчитали необходимым оставить на Северном Кавказе подкрепления, обещанные Закавказью (бригаду 38-й дивизии). Было принято решение отложить операцию Оклобжио против Батума до тех пор, пока ситуация на Черноморском побережье не улучшится. Кроме того, Лорис-Меликов должен был воздерживаться от проведения крупных операций, которые потребовали бы ухода основной массы его войск с русской границы. Лорис-Меликову велели попытаться принудить Карс к сдаче с помощью одной артиллерии. В его распоряжении осталась лишь одна пехотная дивизия и одна кавалерийская, с которыми он должен был защищать свои батареи. Он хорошо понимал, что силы Мухтара в тылу Саганлугских гор день ото дня увеличиваются и что через несколько недель турки с помощью сравнительно мощной группировки войск снимут осаду с Карса. Поэтому Лорис-Меликов послал Тергукасову приказ продолжать наступление, поскольку надеялся, что угроза долине Пасина отвлечет внимание турок от Карса. Это был непродуманный приказ, весьма странный для такого осторожного командующего, как Лорис-Меликов, а для тех скромных сил, которыми обладал Тергукасов, он оказался роковым.

Глава 8

Черноморское побережье. Батумская операция и турецкое вторжение в Абхазию

Порт и крепость Батум имеет очень выгодное географическое положение. Он окружен с востока крутыми лесистыми горами Акаристана (по-грузински «Аджарии»), и добраться до него можно только с севера по узкой прибрежной полосе. Ее ширина не превышает 15 м; эту полосу пересекают многочисленные реки. Территория между ними заболочена и во многих местах покрыта густыми лесами. Природные препятствия в 1877 г. усиливались воинственным настроением жителей окрестных гор. Акары, говорящие на грузинском диалекте, напоминающем диалект гурийцев и мингрел, были обращены в ислам в конце XVI в. и, подобно боснийцам на Балканах, оставались фанатично преданными султану. Во время кампаний Паскевича акары создали сильные нерегулярные части, которые стали главной опорой турок на Черноморском побережье и в районе Ахалцихе. Вызывает удивление, почему русский Генеральный штаб, столь озабоченный угрозой восстания мусульманских племен Дагестана, не принял во внимание акаров⁴⁰.

Офицеры русской разведки попытались договориться со старшинами Кобулети, но им это не удалось; в апреле 2 тыс. кобулетов и 1 тыс. акаров, привлеченные бесплатной раздачей новых ружей системы Мартини-Пибоди, присоединились к турецкому гарнизону в Батуме. Это значительно усилило войско Хусейн-паши, поскольку у него было всего два батальона низамов и четыре – редифов. В ходе первой недели войны из Трапезунда к нему подошли 6 тыс. нерегулярных бойцов из племени лазов, и его войско увеличилось до 12 тыс. человек. Три четверти этих бойцов не были знакомы с воинской дисциплиной, зато они очень метко стреляли, а особенности местности в районе Батума благоприятствовали партизанской войне.

Русские войска могли подойти к Батуму только по узкой полосе – между морем и горной цепью Чахаты. На левом фланге горы были совершенно неприступны, а на правом русские попадали под огонь турецких военных кораблей.

С Чахатских гор, высотой около тысячи метров, веером стекали реки: Чолок, Очемхури и Ачкава, которые во время частых дождей превращались в бурные потоки. Узкие, глубокие ущелья поросли густым субтропическим лесом, где серьезным препятствием для наступающих войск стали лианы и колючие растения. Горы между реками можно было легко превратить в оборонительные позиции. На позиции Муха-Эстате («Дуб Св. Юстаса», святого покровителя гурийцев), расположенной между верхним течением Очемхури и Ачки, турки во время предыдущих войн уже не раз держали оборону.

К югу от Ачки еще более сильную позицию создавали Хуцубанские высоты. К югу от Хуцубани по глубокому крутому ущелью протекает крупная река Кинтриши. С востока ее ограничивают склоны высокого скалистого массива Перанга, имеющего две вершины: Хино (2597 м) и Перанга (2294 м). Склоны Самебских гор («Самеба» – «Троица» по-грузински) между Кинтриши и ее притоком, рекой Кинташ, образуют естественные оборонительные террасы.

Квирик, другой отрог Перангского хребта, образует вторую скалистую террасу, а к юго-западу от реки Дева почти до самого берега моря тянется третья терраса, которая на

⁴⁰ Еще до начала войны Д. Казбег и Д. Бакрадзе составили подробное описание Гурии и Аджарии. Вероятно, генеральный штаб Кавказской армии не обратил внимания на это описание.

побережье заканчивается отвесной стеной. В этом месте расположен старый пограничный форт Цихис-Дзири («Нижний форт» по-грузински).

Все горы, расположенные к югу от Кинтриши, и в особенности похожую на утес террасу над рекой Дева, под руководством старого венгерского эмигранта Фейзи-паши турки превратили в укрепленные линии с окопами, прикрытыми умело расположенными батареями. Некоторые из них, подобно тем, что стояли на высотах Цихис-Дзири, были вооружены современными тяжелыми орудиями Круппа.

Батумский район представлял собой очень мощный оборонительный комплекс, несомненно, гораздо более сильный, чем фортификации Плевны, созданные Осман-пашой несколько месяцев спустя.

Турецкую оборону ослабляла относительная малочисленность гарнизона Батума, но Хусейн-паша ожидал прибытия от 12 до 24 батальонов резервистов, мобилизованных в прибрежных районах Черного моря. Кроме того, он рассчитывал на помощь новых турецких броненосцев. Паша предусмотрительно сосредоточил войска позади Кинтришской линии, выдвинув нерегулярные части к северу от этой реки и поручив им задержать русских. У генерала Оклобжио для активных действий имелось около 12 тыс. пехотинцев при 48 орудиях. В Озургети и Кутаиси находилось в резерве еще 7 тыс. солдат и 16 орудий. Оклобжио, которому предстояло действовать в узкой местности, приказал войскам создать две колонны. Справа двигался генерал Шелеметев со 163-м полком и имеретинским ополчением при четырех батареях. Ему было приказано наступать по прибрежной дороге, где ровная и относительно открытая местность позволяла разместить пушки. Более сильная колонна под командованием генерала Денибекова, состоявшая из 164-го полка, 1-го и 2-го батальонов кавказских стрелков, одного батальона кубанских пластунов, гурийского ополчения и двух батарей, двигалась по очень плохой дороге, которая начиналась у пограничной реки Чолок и петляла между лесистыми горами верхнего течения Кинтриши. Кавказские стрелки и кубанские батальоны были обучены вести войну в лесных районах, 163-й (Ленкоранский) и 164-й (Закатальский) полки только что сформировали и включили в состав недавно созданной 41-й дивизии. 25 апреля войска перешли границу под проливным весенним дождем и только 27 апреля, после нескольких стычек с акарскими отрядами, переправились через Очемхури, потеряв при этом 100 человек, и заняли Муха-Эстатские высоты. Здесь левая колонна остановилась – надо было подготовить дорогу, соорудить мосты и подвезти продовольствие из Озургети. В Тифлисе неожиданно решили усилить войска Оклобжио, но для снабжения более крупной армии не было сделано никаких запасов. Поэтому русским пришлось простоять без движения на Муха-Эстатских высотах около двух недель. Эта задержка вовсе не способствовала укреплению их престижа у кобулетов и акаров, которые толпами собирались на другом берегу Ачквы, намереваясь задержать их наступление.

Марш возобновился 11 мая. Переправа через Ачкву оказалась очень трудной, поскольку в верховьях эта река текла по узкому ущелью с крутым левым берегом, а в нижнем течении оба берега поросли густым лесом, доходившим почти до самого берега моря. При таких условиях Оклобжио мог бросить в бой лишь относительно небольшие силы. За рекой Ачква русских ожидали около 400 нерегулярных стрелков; акары продемонстрировали отличное знание тактики – на обширной местности они расположили в лесных зарослях одиночных стрелков. Слева с большими трудностями наступал Денибеков; потеряв много людей и лошадей, он вынужден был остановиться. Чтобы прикрыть его правый фланг, Оклобжио передал ему один батальон 75-го (Севастопольского) полка. Лес пришлось очищать шаг за шагом с помощью штыков. Переход через реку с крутым левым берегом оказался еще труднее. К полудню акарские нерегулярные войска начали покидать эти высоты и отходить за Кинтриши. Тем не менее русским удалось окончательно очистить Хуцубанские высоты от врага только к 20 мая. Прошло уже четыре недели с тех пор, как Оклобжио пере-

шел границу. Его наступление было остановлено нерегулярными частями врага, которые не получали никакой помощи от регулярных турецких войск или их артиллерии. Только теперь, спустя месяц после начала войны, русские приблизились к первой линии турецкой обороны, и Оклобжио доложил в Тифлис, что потребуются некоторое время для подготовки форсирования Кинтриши и оно будет очень трудным. В это время внимание русского Генерального штаба было сосредоточено на событиях, происходивших севернее, на побережье Черного моря. Опасения тех, кто предупреждал об опасности вмешательства турецкого военно-морского флота, начали оправдываться.

Еще 26 апреля у русского пограничного форта Св. Николая (в устье реки Чолок) появились три турецких монитора. Позже турецкие корабли подошли к Потю, но не стали приближаться к порту, поскольку его защищали 24 орудия. Эти же самые мониторы 11 мая поддерживали огнем войска, сражавшиеся за Хуцубанские высоты. В тот же день поступило сообщение, что в Очемчири заметили эскадру из шести турецких броненосцев, идущую на север. 12 мая турки высадили войска в Гудауте, восточнее мыса Пицунда, на некотором расстоянии к северу от Сухума. Это стало началом вторжения турок на Абхазское побережье, которое произвело такое сильное впечатление в Тифлисе, что русское командование вынуждено было изменить свои планы. Несмотря на выселение черкесов, у русских имелись основания опасаться бунтов местных жителей; они предполагали, что в турецкой высадке примет участие большое число черкесов, бежавших в Турцию, а кроме того, турки попытаются организовать восстание в Абхазии и на востоке Кавказа и будут его всячески поддерживать. Муса Кундуков сформировал в Турции 28 эскадронов черкесской конницы, однако они оказались малопригодными к войне и не смогли поддержать свою репутацию храбрых и умелых бойцов, которую завоевали у себя дома, воюя с русскими. Поэтому было решено, что Стамбул ограничит свое вторжение лишь побережьем Абхазии (восточнее мыса Пицунда) и направит основные силы в Сухум, что и было сделано в последний год Крымской войны. Хотя русские не провели официального выселения абхазов, несколько тысяч мусульманских абхазов (мухаджирлеров) бежало в Турцию одновременно с черкесами. Поэтому в Трапезунде собралось от двух до трех тысяч абхазов и черкесов, которые позже поднялись на борт транспортов вместе с турецкими регулярными войсками. Корабли везли также 30 тыс. ружей Снайдера, которые предназначались для вооружения местных жителей. Турецкие регулярные войска, выделенные для экспедиции в Абхазию, насчитывали от десяти до двенадцати батальонов при четырех батареях. Всем этим войском командовал Фазиль-паша. Солдаты были перевезены двумя партиями: передовые войска – на трех мониторах и трех паровых фрегатах; через несколько дней за ними последовали главные силы на четырех больших транспортах, которых сопровождали четыре броненосца. 12 мая турки высадили в Гудауте около тысячи мухаджирлеров, к которым тут же присоединились гудаутские абхазы, включая местное ополчение.

Красочный рассказ об этом вторжении достиг Сухума, и русский командующий генерал Кравченко потерял голову. Его паника еще более усилилась, когда 14 мая шесть турецких военных кораблей подошли к Сухуму и начали обстреливать порт и город. Вспыхнули пожары; ночью местные грабители принялись обчищать магазины и частные дома. В городе не было русских войск, поскольку накануне Кравченко отошел на оборонительные позиции в горах за Сухумом. 15 мая турецкая эскадра появилась у побережья южнее города, и генерал решил, что она угрожает путям отхода его войск. Поэтому он велел полностью эвакуировать войска Сухумского района и немедленно отходить в глубь территории.

Однако в Сухуме турки не высаживали регулярные части. Кравченко напугало появление шести турецких военных кораблей, а также высадка некоторого числа мухаджирлеров. Главные силы турок покинули Трапезунд только 18 мая, то есть через три дня после эвакуации Сухума, произведенной по приказу Кравченко. В оправдание этого генерала скажем,

что, несмотря на опасения властей, побережье Черного моря оставалось странным образом очень слабо защищенным. На всем его протяжении от Новороссийска до Поти не имелось ни единой береговой батареи. Между Пицундой, Сухумом, Очемчири и горным районом Цебельда были разбросаны небольшие отряды, общим числом около 4 тыс. человек (включая 500 абхазских ополченцев, на которых положиться было нельзя). В Новороссийске, Сочи и Адлере располагались отряды общей численностью 4 тыс. человек; ими командовал полковник Шелковников⁴¹, который, к счастью для русских, обладал более решительным характером, чем его начальник.

Отход Кравченко вскоре превратился в паническое бегство, в котором к его войскам присоединились служащие административных учреждений Сухума и персонал больницы, а также тысячи беженцев, включая русских, греков и болгар, живших во вновь созданных селениях на побережье. Огромный караван медленно двигался в сторону реки Кодор. Кравченко решил, что прибрежная дорога чересчур опасна, поскольку до него дошли слухи, что в Очемчири высадились турки. В нескольких милях от Сухума он повернул в глубь территории и двинулся по плохой дороге (теперь это современное шоссе), проходившей по ущелью, которое вело к среднему течению рек Кодор и Цебельда. 16 мая русские войска вместе с персоналом больницы, эвакуированным из Сухума, и примерно 2 тыс. беженцев были уже в безопасности, добравшись до станицы Ольгинской, хорошо защищенной самой природой. Эта станица располагалась в 25 км от побережья. Турки так и не высадились в районе Сухума, и единственным реальным противником стали восставшие абхазы. Впрочем, их больше всего интересовали сухумские магазины, виллы и соседние христианские деревни, которые они и разграбили. Число абхазов не превышало 3 тыс.

Кравченко получил известие о том, что турки захватили Очемчири (впоследствии выяснилось, что оно было ложным) и готовятся занять Самурзакан (область, расположенную между Кодором и Ингуром). Генерал испугался, что его войска будут отрезаны от Кутаиси, и решил эвакуировать их из Абхазии и переправиться через Кодор. Он побоялся переходить реку по мосту в городе Ноа, поскольку считал, что тот расположен слишком близко от побережья, и стал искать место для переправы в диком Цебельдинском районе. 17 мая он перешел Кодор по примитивному мосту в Бугаде. Этот мост имел ширину всего лишь 90 см и был перекинут со скалы на скалу через ущелье шириной 18 м, по которому протекала эта река. Кравченко пришлось бросить весь свой обоз и припасы; множество лошадей утонуло в реке, но артиллеристы сумели спасти все четыре орудия. 29 мая его измученная и оголодавшая колонна стала лагерем южнее Кодора, неподалеку от подразделения генерала Алхазова, который пришел сюда из Кутаиси.

Когда весть об эвакуации Сухума дошла до Тифлиса, Алхазову было приказано идти форсированным маршем к Кодору, взяв с собой резервные войска, стоявшие в Кутаиси. Он имел около 3,5 тыс. человек и восемь орудий. Алхазов двигался не очень быстро и в селение Окум, расположенное в 65 км от Кодора, он прибыл только 27 мая. Войска Кравченко, деморализованные поведением своего командира, также вошли в селение, присоединившись к силам Алхазова.

А тем временем турки перенесли свои прибрежные операции дальше на север. 23 мая их броненосцы подвергли обстрелу Адлер и высадили около 1,5 тыс. мухаджирлеров. Полковник Шелковников перебросил из Адлера в Сочи батальон пластунов, сосредоточив здесь два других батальона и две сотни казаков. 2 июня турецкие броненосцы обстреляли Сочи, однако высадиться на берег им не удалось. Впрочем, смысла захватывать Сочи или Туапсе не было, поскольку в этих городах местного населения, способного оказать помощь захват-

⁴¹ Шелковников был армянином.

чикам, не имелось. Тем не менее активные действия турецкого флота заставили русских постоянно распылять свои силы.

В Тифлисе приходившие с Черноморского побережья плохие новости оказали большое влияние на командование. Все войска стратегического резерва находились на западе, поэтому Дорис-Меликов и Тергукасов не имели возможности в критическую минуту оказать поддержку главному фронту. Все подкрепления уходили к генералу Оклобжио; по неизвестным причинам считалось, что успех в Батуме поможет улучшить ситуацию как в долине Риони, так и на побережье Черного моря. Оклобжио, чьи силы значительно возросли, получил приказ действовать решительнее. Две недели, с 13 по 27 мая, он усиленно укреплял свою позицию на Хуцубанских высотах и занимался подвозом припасов, необходимых для атаки на турецкие линии позади Кинтриши. Однако защитники Батума тоже не теряли времени даром. Из Трапезунда продолжали прибывать подкрепления. Новый командующий, Ибрагим Дервиш-паша Лофчали, который отличился в боях в Черногории под руководством Мухтара, теперь имел в своем распоряжении около 20 тыс. пехотинцев, из них половина относилась к регулярным войскам. Кроме того, у него было от 30 до 35 пушек, среди них – несколько дальнобойных и крупнокалиберных. Очень серьезный противник русских занимал хорошо подготовленные позиции на реках Кинтриши и Дева.

Хорошо продуманные Оклобжио действия, предпринятые 28 мая, привели к успеху. Генерал поставил задачу обезопасить левый фланг своих войск от нерегулярных войск противника, которые сосредоточились в большом количестве в верхнем течении реки Кинтриши. Он спланировал смелую операцию, в ходе которой русские должны были переправиться через Кинтриши и захватить Самебские высоты, располагавшиеся в треугольнике между этой рекой и ее левым притоком, рекой Кинташ, отрезав таким образом нерегулярные войска турок в районе верхней Кобулету от регулярной армии в нижнем течении Кинтриши. Внезапной атакой рано утром 28 мая русские без особых потерь овладели Самебскими высотами, однако цель вылазки не была достигнута, поскольку жители Кобулету ушли в горы. К ним на помощь пришли несколько сотен акаров, занявших очень хорошую позицию на горе Талаха. Эта позиция располагалась в тылу русского левого фланга, неподалеку от селения Зенит и истока реки Ачква. 2 и 3 июня за овладение Зенитом и соседним селом Ачквис-Тави⁴² разгорелся жестокий бой, однако русским не удалось подняться на крутые скалистые склоны горы. Их левый фланг по-прежнему был открыт для атак нерегулярных войск турок, а безопасность позиции на Самебских высотах не обеспечивалась. Все понимали, что сражения не избежать, но к нему надо было хорошо подготовиться. Быстрого решения задач, которого требовала ставка в Тифлисе, достичь не удалось.

В результате турецкого вторжения в Абхазию война в бассейне Риони и на Черноморском побережье поглотила все резервы русского командования. В то же самое время, опасаясь возможного мятежа в Дагестане и Чечне, командование отказывалось снимать войска с Северного Кавказа и перебрасывать их на другие театры войны.

Несмотря на то что Шамиля захватили в плен в 1859 г., русское правительство еще целых 20 лет после этого держало в Чечне и Дагестане мощную армию. Здесь были расквартированы 20-я и 21-я дивизии, а в соседней области терских казаков стояла вновь созданная 38-я дивизия, готовая по первому же приказу усилить эти подразделения. Кроме того, в восточных районах Кавказа находилось большинство полков терского казачества. Примерно половина конных полков кубанских казаков и пеших батальонов охраняли Кубань. Эти войска не могли никуда двинуться из-за угрозы восстания горцев. Русское командование решило ослабить потенциально активные элементы на Кавказе, призвав молодых горцев на службу в полки нерегулярной конницы за пределами Дагестана. Эти юноши, как и мусульманские

⁴² Ачквис-Тави означает «исток реки Ачквы», по-грузински.

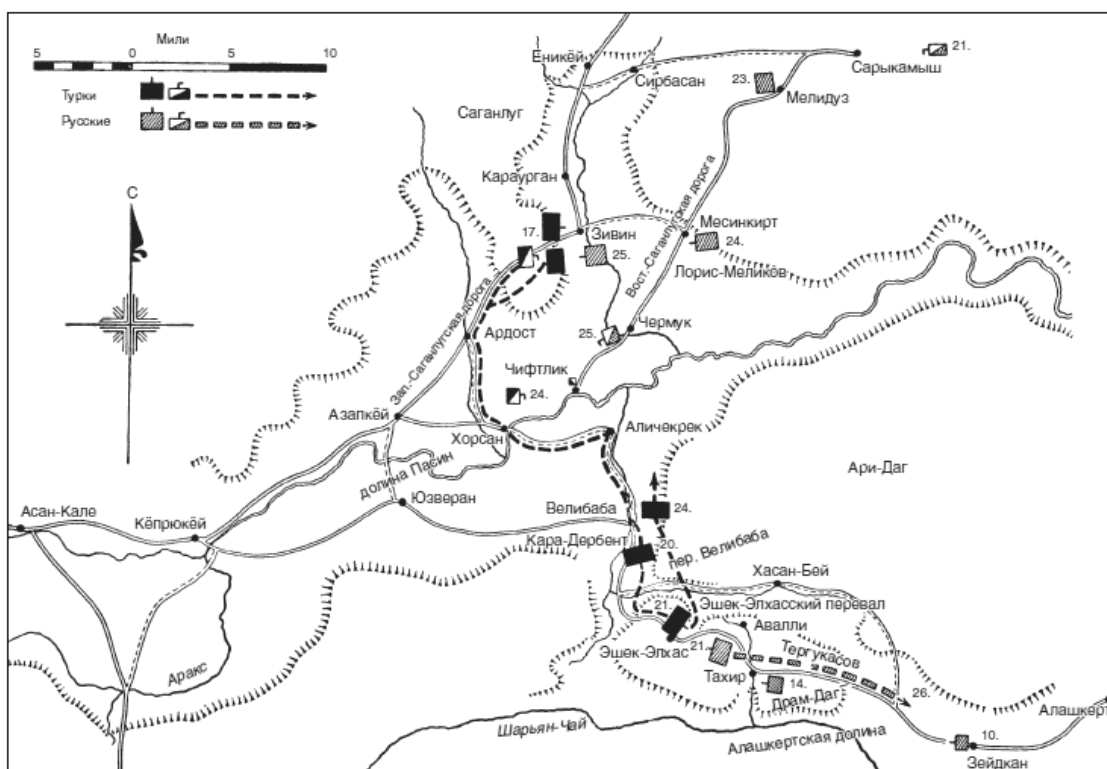
рекруты из Восточного Закавказья, оказались превосходными и надежными бойцами, когда их соединили с русскими подразделениями на турецком фронте.

Тем не менее преувеличенные слухи о победах турок на Западном Кавказе не оставили жителей Дагестана равнодушными. В течение предыдущих двух лет турецкие агенты вели очень активную работу в горах, но если Чечня была всегда готова к восстанию, то в Дагестане вожди племен выступали за союз с Россией, а большая часть населения совершенно равнодушно относилась к вопросу о том, кому подчиняться. В Чечне некий Хаси Али-бей провозгласил себя имамом, и дикие чеченцы бросились откапывать мушкеты, которые они зарыли в землю 20 лет назад. В аулах вспыхнул прежний фанатизм; произошло несколько стычек между горцами и русскими солдатами, в которых чеченцы сильно пострадали от огня новых русских ружей; потери противоположной стороны были невелики. В течение двух недель восстание подавили, но русский военный губернатор Владикавказа генерал Свистунов решил на этом не останавливаться. Он выслал в Ичкерию (сердце Чечни) небольшие колонны войск с требованием выдать Хаси Али, Султан Мурата и других мятежников. Приход карательных войск вызвал новые восстания, и беспорядки перекинулись на Дагестан. К 1 июня ситуация стала весьма серьезной, и доклады Свистунова вкупе с донесениями, приходившими с Черноморского побережья, вызвали в Тифлисе большую тревогу. Это помешало отправить новые подкрепления на главный фронт войны – на Балканы.

Глава 9

Действия Тергукасова в долине Алашкерт. Два сражения в Тахире (июнь 1877 г.)

В начале июня Дорис-Меликов начал осаду Карса. Укрепления этой крепости, созданные Фенвиком в 1854–1855 гг., были усилены и модернизированы, а на Карадагских высотах, на правом берегу Каре-Чая, был построен новый форт Карадаг Табия. На левом берегу реки, у Чакмакских высот, которые в 1855 г. были защищены одними окопами, получившими название «Английские линии», появились два современных форта: Вильямс-Паша (или Инглиз) – Табия и Тисдейл (Мухлис или Блум-Паша) – Табия. На этих фортах, построенных на Карадаге и Чакмаке, были установлены тяжелые крупновесные орудия, которые держали под огнем открытую местность к востоку от Карса. Предварительные боевые действия показали, что у русских нет никаких шансов одержать здесь такую же легкую победу, как в Ардагане, поэтому они приготовились к систематической осаде и перебросили из Александрополя 120 тяжелых орудий и несколько десятков 6-мм минометов. А тем временем успешная кавалерийская атака на Бенлиахмет рассеяла небольшой отряд турецкой кавалерии, который пытался наладить связь между гарнизоном Карса и турецкой полевой армией в Саганлуге.

Боевые действия в долине Аракса весной 1877 г.

На левом крыле русского фронта ереванские войска под командованием генерала Тергукасова, пришедшие со стороны Баязета, 20 мая заняли Каракилисе. 28 мая Лорис-Меликов приказал генералу продолжать свое наступление, чтобы предотвратить любые попытки снять осаду Карса со стороны войск Мухтара в Саганлуге. Это наступление являлось очень рискованным, поскольку русских войск в Алашкертской долине имелось очень мало (5 тыс.

пехотинцев, 3 тыс. кавалеристов при 30 орудиях), и Ахмет Мухтар, которого встревожило продвижение Тергукасова, к 1 июня не был уже столь беспомощен, как 10 мая.

Создание турецкой полевой армии продвигалось очень медленно. Войска, мобилизованные в районе побережья, участвовали в боях на кавказском берегу. Шесть батальонов резервистов прибыли из Стамбула в Эрзерум; ожидалось прибытие еще 18 таких батальонов из Дамаска. После ухода Комарова в Ардаган турецкий отряд в Ольты присоединился к главным силам на Саганлуге, которые теперь включали в себя 21 батальон при 24 орудиях и тысячу всадников. Старый венгерский офицер Фейзи-паша, который организовал оборону Батума, был назначен начальником штаба Мухтар-паши и занялся созданием мощной оборонительной позиции в Зивине, там, где Паскевич одержал в 1828 г. свою знаменитую победу.

Войска Мехмет-паши, прикрывавшие проход из Алашкертской долины в долину Пасин через горы Драм-Даг, пополнились. Теперь он имел 12 батальонов, 12 орудий и тысячу черкесских всадников. В качестве резерва, располагавшегося между Эрзерумом и Кёпрюккёем, Ахмет Мухтар имел семь батальонов резервистов. В Эрзеруме собрались рекруты, из которых сформировали 17 новых батальонов, но их еще не успели вооружить. Имелось также 8 или 9 новых полевых батарей, но без лошадей. К концу первой недели июня Ахмет Мухтар собрал около 20 тыс. человек и 36 орудий. Эта армия вряд ли способна была справиться с Гейманом (прикрывавшим войска, осаждавшие Карс, с запада) и Тергукасовым одновременно. Мухтар весьма разумно решил пойти против последнего, то есть более слабого отряда.

Тергукасов был озабочен восстановлением своих слабо защищенных коммуникаций. Армяне, населявшие Алашкертскую долину, являлись союзниками русских, но на живших южнее курдов Ала-Дага, настроенных хотя и не очень лояльно к туркам, положиться было нельзя. Генерал опасался также, что гарнизон Вана ударит «ему в спину». Он послал грузинского князя Амилахвари разведать данное направление; этот офицер, вернувшись, заверил его, что там все в порядке, но последовавшие события опровергли его слова. Ахмет Мухтар приказал Фаик-паше, который командовал войсками Вана, двинуться в сторону Баязета и до 20 мая соединиться с двумя турецкими батальонами, которые отступали оттуда. К концу мая Фаик сосредоточил в Ала-Даге шесть батальонов, шесть орудий и несколько тысяч курдов. Они готовы были напасть на незащищенные линии коммуникаций Тергукасова.

Успокоенный докладом Амилахвари, выполняя приказ главнокомандующего, который, как он полагал, хорошо знает обстановку, Тергукасов продолжал идти на запад по Алашкертской долине. 10 июня он достиг Зейдкана, из которого турки ушли в сторону Кара-Дербента⁴³ на Драм-Дате. Ахмет Мухтар решил его остановить и приказал Мехмет-паше занять оборонительную позицию, прикрывавшую Кара-Дербент и Эшек-Элхасский перевал.

Дорога, ведущая из Алашкертской долины в долину Пасин, после Зейдкана проходит почти параллельно небольшой реке Шарьян⁴⁴, притоку верхнего Евфрата. От Зейдкана дорога раздваивается и идет по трем перевалам Драм-Даг. Верхняя дорога проходит через селение Тахир, а нижняя поднимается по сужающемуся ущелью Шарьян. Обе они снова соединяются в селении Эшек-Элхас на вершине Драм-Дага, после чего дорога спускается вниз, минуя Кара-Дербент, и в селении Велибаба, расположенном в Пасинской долине, выходит на открытую местность.

Получив приказ Мухтара, Мехмет-паша, отошедший ранее к Эшек-Элхасу, снова двинулся в сторону Зейдкана, собираясь занять позицию на самом восточном из трех хребтов Драм-Дага. Однако он обнаружил, что русские уже закрепились на первом хребте, и 14 июня

⁴³ *Кара-Дербент* – Черный перевал (или ущелье). На современных картах он называется «Кизил (Красный) – Дербент».

⁴⁴ *Шарьян* – армянское название; река называется на современных картах турецким именем Гюзель. Эшек-Элхас (осел Ильи), возможно, имеет отношение к пророку Илье.

занял оборонительную позицию, прикрывавшую селение Тахир, на самой западной горной цепи. Здесь он расположил десять батальонов и две батареи с двумя батальонами, а одну батарею поставил в Эшек-Элхасе, чтобы обеспечить себе безопасный путь к отступлению. Ахмет-Мухтар прислал ему в качестве подкрепления два батальона и одну батарею с тысячей черкесских конников. Однако к началу сражения успели только конники.

Левый и правый фланги турецкой позиции защищали высокие и крутые горы, на которых Мехмет-паша поставил один батальон пехоты и две пушки. Центр защищали поспешно отрытые траншеи, в которых расположились четыре батальона и шесть орудий. Два батальона остались в резерве в селении Тахир, а два других – с кавалерией и двумя пушками – расположились в тылу на правом фланге. Диспозиция войск Мехмет-паши была вполне удовлетворительной, но он сделал большую ошибку, не додумавшись занять средний хребет Драм-Дага, который располагался между его позицией и восточным хребтом, занятым русскими.

На рассвете 16 июня последние установили на среднем хребте свою батарею и начали обстреливать позиции турок. Колонны русской пехоты в это же время спустились в глубокое ущелье и атаковали оба турецких фланга. Как и в Ардагане, артиллеристы противника стреляли из рук вон плохо, и русские, неся лишь незначительные потери, продолжали наступать. Вскоре они попали в мертвое пространство перед турецкими позициями, которое защитило их от артиллерийского огня. Главная атака русских войск развернулась на правом фланге врага, но турки отчаянно оборонялись, пока Тергукасов не прислал на помощь атакующим свой резерв (один батальон Крымского полка), который должен был обойти позиции врага с юга. Русская кавалерия тем временем ворвалась в ущелье Шарьян, но была остановлена огнем двух турецких пушек резерва, стоявших на правом фланге, и смогла продолжить атаку только после прибытия конной батареи.

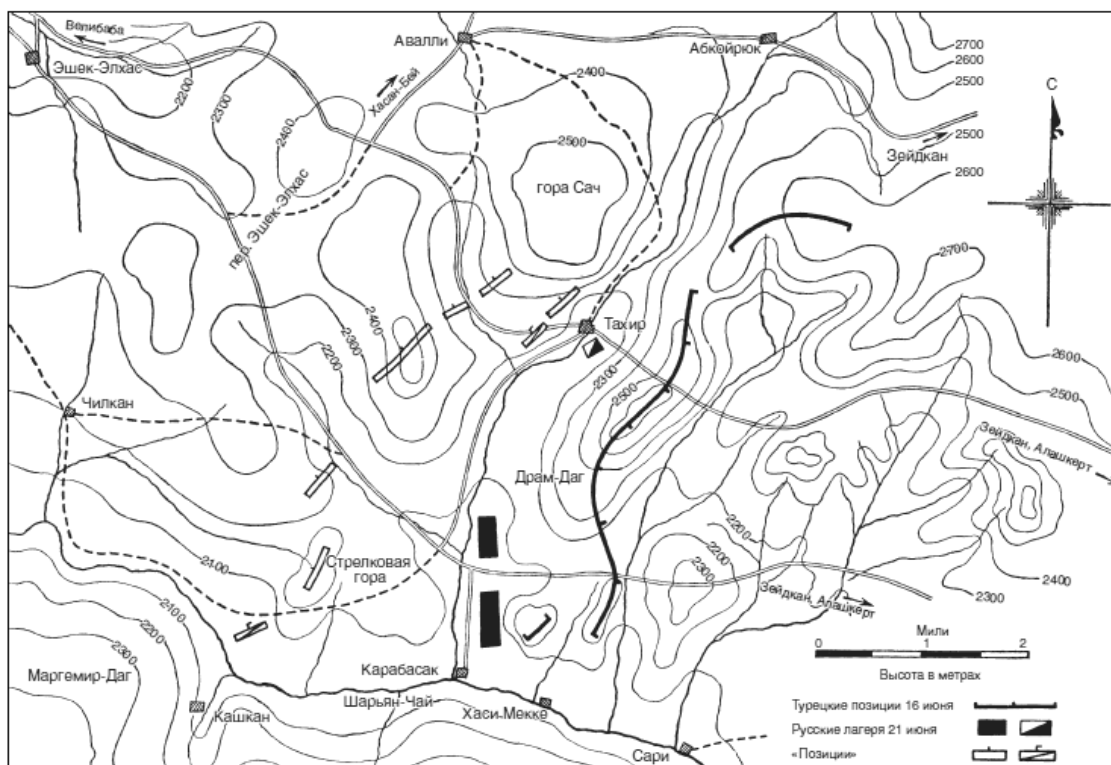
Мехмет-паша бросил на усиление правого фланга все свои резервы и повел в бой черкесских кавалеристов, надеясь остановить русских. В бою паша погиб, а контратака с левого фланга турок захлебнулась. Их отступление началось в тот момент, когда в резерве у Тергукасова осталось всего две роты. От полного разгрома противника спас лишь огонь двух батарей, установленных на входе в Шарьянское ущелье. Амилахвари показал себя в бою столь же бестолковым, что и в разведке, и русская кавалерия, которая могла бы принести Тергукасову победу, подошла к Эшек-Элхасу уже после того, как вся отступавшая турецкая пехота его миновала. Два батальона и шесть орудий, оставленные в резерве Мехмет-пашой, были достаточно сильны, чтобы прикрыть отступление турок. Поздно вечером прибыли два батальона и одна полевая батарея, отправленные Мухтаром в качестве подкрепления Мехметовых войск, которые усилили арьергард. Турки оставили на поле боя тысячу убитых и десять орудий; тысяча солдат попала в плен. Русские потеряли менее 300 человек. Победа Тергукасова, хотя и не являлась окончательной, несомненно, помогла русской армии, поскольку турецкая группа, защищавшая долину Пасин, была разбита и дезорганизована.

17 июня Тергукасов послал Дорис-Меликову депешу. Он описал ход битвы и сообщил, что тревожится за свой тыл, поскольку получил сведения о том, что концентрация войск Фаик-паши в Ала-Даге создала угрозу Баязету. В тот же самый день Дорис-Меликов, уже получивший тревожные известия из этой крепости, собрал военный совет, который начал свою работу еще до прибытия депешы Тергукасова. Лорис-Меликов, который рассматривал наступление Тергукасова как прикрытие для войск, осаждавших Карс, решил теперь отправить отряд под командованием генерала Геймана, поручив ему провести демонстрацию против позиций в Саганлугских горах, которая должна была отвлечь войска турок от отряда Тергукасова. Одновременно генерал Девель получил приказ продолжать осаду Карса. Мысль о серьезной бомбардировке этой крепости перед началом штурма была оставлена; решили провести лишь демонстративный артиллерийский обстрел. Таким образом, Лорис-Меликов,

несмотря на свою победу в Ардагане и превосходящие силы, которые он сумел сосредоточить для решающего удара, вынужден был из-за турецкой демонстрации в районе Черноморского побережья принять стратегию, которая сводилась лишь к нескольким довольно неэффективным оборонительным диверсиям. Командующий выпустил из своих рук инициативу, что позволило Ахмет Мухтару ее перехватить, и это притом, что в те недели, пока шла концентрация и организация турецкой армии в Эрзеруме, его войска оказались слабее русских.

Стратегическая смелость Ахмет Мухтара, от природы неисправимого оптимиста, являлась поистине необыкновенной, особенно если учесть, как слабы и плохо обучены были войска, которыми он располагал. Разгром Мехмет-паши не произвел на него никакого впечатления; он воспринял это как стимул для энергичных и смелых действий. Оставив половину своих войск в Зивине для прикрытия троп через Саганлугские горы, он отправился в Велибабу, где 20 июня, то есть через четыре дня после разгрома в Тахире, сосредоточил около 10 тыс. человек пехоты, четыре батареи и 3 тыс. конников.

Тем временем Тергукасов стоял лагерем на поле битвы, произошедшей 16 июня. Он ничего не знал о концентрации войск Мухтара и не получил никаких известий о предполагаемой диверсии Геймана в Саганлуге. На рассвете 20 июня мощный разведывательный отряд в составе двух рот пехоты и четырех сотен казаков под командованием полковника Медведовского прошел севернее Тахира в сторону селения Авалли. Его целью было изучить тропу, шедшую мимо Эшек-Элхаса и Кара-Дербента к перевалу Хасан-Бей. Пройдя Тахир, Медведовский увидел многочисленную турецкую конницу, которая двигалась по дороге из Эшек-Элхаса в Тахир. Он немедленно послал гонца предупредить об этом Тергукасова и занял позицию, прикрывающую ущелье и селение Тахир.

Тахирский бой, июнь 1877 г.

Перед рассветом 21 июня Ахмет Мухтар перебросил в Эшек-Элхас 13 батальонов, всю свою кавалерию и три батареи из Велибабы, оставив там разбитые войска Мехмет-паши, преобразованные в шесть батальонов при восьми орудиях, в качестве стратегического

резерва. Пройдя от Эшек-Элхаса на восток, турки достигли того места, где сходятся два ответвления дороги, шедшей из Зейдкана. Отсюда половина кавалеристов, пять батальонов и одна батарея пошли на Тахир, а главные силы в составе восьми батальонов, двух батарей и оставшихся кавалеристов под командованием Рейс Ахмет-паши продолжили спуск по дороге в ущелье Шарьян. Мухтар-паша думал, что лагерь Тергукасова находится в Тахире; он планировал иммобилизовать русских с помощью своей левой колонны, в то время как правая, двигаясь вдоль Шарьяна, должна была обойти их слева на большом расстоянии.

Однако главные силы Тергукасова стояли лагерем не в Тахире, а в двух с половиной милях южнее его, в долине Шарьян. Предупрежденный Медведовским, он около 10 утра расположил своих людей на оборонительной позиции длиной более 4 миль – слишком растянутой для шести с половиной батальонов. Но, к счастью для Тергукасова, турки атаковали только крайние фланги его войск, при этом враг наступал двумя отдельными, никак не связанными между собой группами.

Первая турецкая атака началась в Тахирском ущелье, где пять батальонов и 1,5 тыс. черкесов под командованием Мусы-паши Кундукова (этот черкес являлся когда-то офицером русской армии) были встречены несколькими сотнями казаков и русской пехотой, которой насчитывалось всего полтора батальона. Турки захватили скалистую гору Сач, но из-за сильного огня русской батареи продвинуться дальше не смогли. К полудню ситуация стабилизировалась. В центре, между Тахирским ущельем и дорогой на Эшек-Элхас, позиции русских защищала одна батарея, полтора батальона пехоты, две роты стрелков, несколько драгун и казаки. На левом фланге, между дорогой и рекой Шарьян, стояли один батальон пехоты, две роты стрелков, три эскадрона драгун и одна конная батарея. Вскоре после полудня пехота Рейс Ахмета решительно атаковала «Стрелковую гору», занятую двумя ротами стрелков, а турецкая регулярная кавалерия и черкесы попытались пройти вдоль реки. Вокруг горы разгорелся ожесточенный штыковой бой; черкесы бросились в атаку на русскую пехоту, но были отброшены в ходе контратаки драгун. Тергукасов направил в бой свой последний резерв – две роты и один драгунский эскадрон. Последующие атаки турок, хотя и многочисленные, были плохо организованы и беспорядочны, поэтому им не удалось захватить ни одного важного пункта на оборонительной линии русских. На правом фланге генерал Броневский, заметив, что противник устал, сумел собрать четыре батальона и бросил их в контратаку. Турок выбили из Тахирского ущелья и с горы Сач.

Тем временем Мухтар-паша выслал из Велибабы три батальона и одну батарею. Они прошли по перевалу Хасан-Бей, рассчитывая обойти русский правый фланг с севера. Однако дорога заняла у них весь день, и, когда авангард колонны из Велибабы появился у селения Авалли, сражение в Тахирской долине уже закончилось. Вечером казаки Медведовского заняли Авалли, и туркам пришлось уйти.

Ахмет Мухтар, как военачальник, продемонстрировал в тот день все свои достоинства и недостатки: значительные стратегические способности, сочетавшиеся с неумением вникать в детали сражения и менять свои планы на поле боя, как того требовали обстоятельства. Его план базировался на неверном предположении, и главные силы русских оказались совсем не там, где он ожидал. Сам он в бою не участвовал, доверив руководство Рейс Ахмету, который не сумел понять, что самым слабым звеном в системе обороны русских являлся центр, и его можно легко разбить. Вместо того чтобы лично руководить боем и изменить свой план на месте, Ахмет Мухтар понадеялся на маневр своих войск, которые прошли по перевалу Хасан-Бей и опоздали. Этот маневр теоретически был очень хорош, но на практике оказался неудачным.

Турки потеряли 21 июня около 2 тыс. человек убитыми и ранеными, что составило 20 % всех участников боя. Русские лишились 700 человек, или 10 %. Ахмет Мухтару был нанесен серьезный удар, обошедшийся ему очень дорого, но и русские войска оказались измотан-

ными. Их и так не очень крупные силы еще больше уменьшились, к тому же боеприпасы подходили к концу, а Тергукасов ожидал, что на следующий день турки возобновят атаку.

Мухтар-паша потерпел тактическое поражение, но стратегически его действия принесли туркам пользу. Мухтар знал, что к Баязету уже подошли войска Фаика, и понимал, что Тергукасов рискует быть отрезанным от своей базы. Он правильно рассудил, что отступление русских неизбежно, а поскольку его силы сильно уменьшились, он стремился избежать очередной атаки и новых потерь. Поэтому Тергукасов был приятно удивлен, когда на следующий день (22 июня) турки предложили заключить перемирие на 24 часа, чтобы похоронить убитых и собрать раненых. Русский командир до сих пор не имел никаких вестей от Дорис-Меликова, а Мухтар ночью получил сообщение, что к Саганлугским позициям приближается Гейман.

Мухтар знал, что лагерь в Зивине очень хорошо укреплен, и был уверен, что его можно будет удержать, но опасался, как бы русские не вклинились между двумя группами его армии. Они могли обойти Зивинские позиции и спуститься с Саганлугских гор по тропам, ведущим в долину Аракса, которые проходят через Хорсан или восточнее – через Чифтлик и Аличекрек, и атаковать базу Мухтара в Велибабе. Поэтому он решил перегруппировать свои войска в Велибабе и послать большую часть кавалерии в Хорсан, чтобы усилить три батальона и одну батарею, стоявшие в Кёпрюкёе. Эти силы связывали между собой группы, расположенные в Велибабе и Зивине.

Глава 10

Битва под Зивином. Отход Тергукасова и снятие осады Баязета

За всю историю кавказских войн не было столь бездарно организованной и проведенной операции, как наступление Лорис-Меликова на Зивин в июне 1877 г.

Войска, предназначенные для этой операции, включали в себя: 16 батальонов кавказских гренадер, один батальон саперов, одну бригаду кавказских драгун, три казачьих полка, четыре полка нерегулярной мусульманской конницы, шесть полевых и две конные батареи – всего 18 тыс. пехотинцев, 6 тыс. кавалеристов и 64 орудия. Командовал этими войсками генерал Гейман, а Лорис-Меликов их лично сопровождал.

Однако главная цель похода так и не была выяснена до конца; все знали только одно – Лорис-Меликов хочет помочь Тергукасову. Это возможно было сделать двумя способами: соединиться с войсками Тергукасова или атаковать главные силы турок, которые, как всем стало известно, стояли в Зивине, и разгромить войска, предназначенные для нападения на Тергукасова. Если предполагалась атака на Зивин, то самой удобной дорогой для наступления являлась та, что поднималась на перевал Эшек-Мейдан. Пройдя по ней через Еникёй и Караурган, русская армия могла бы создать угрозу левому (северному) флангу Зивинской позиции, обращенной на восток. Этим путем, по старой дороге из Карса в Кёпрюкёй, прошла в 1829 г. колонна Муравьева. Если же Лорис-Меликов намеревался как можно скорее соединиться с войсками Тергукасова, то ему следовало идти той дорогой, которая проходила восточнее и после Сарыкамыша поднималась на перевал Мелидуз, а оттуда спускалась в долину Аракса в Хорсане или Чифтлик-Аличекреке. Если бы командующий выбрал этот маршрут, то ему надо было прикрыть наступающую колонну мощным отрядом из Месинкирта, способным отразить вероятную атаку турок со стороны Зивина. (На Саганлугском плато обе этих тропы соединяла дорога, проходившая через Сирбасан. Этим путем провел свою колонну в 1829 г. сам Паскевич⁴⁵.)

Войска уже вышли на Саганлугское плато, а Лорис-Меликов так и не решил, куда же ему все-таки идти. Это было очень характерно для него. Сначала он предполагал двинуться по второй (восточной) дороге, шедшей из Месинкирта к реке Араке, но потом, оказавшись на плато, вдруг передумал и решил атаковать Зивинскую позицию.

23 июня русские разбили лагерь на плато. Кавалерийские патрули, которым поручили разведать обстановку за Месинкиртом, противника на своем пути не встретили. От Тергукасова не было никаких вестей; посыльный каракалпак, отправленный к нему, не вернулся. Лорис-Меликов расстроился и стал нервничать; ходили слухи, что в Зивине сосредоточено 40–50 тыс. турок. Главнокомандующий собрал военный совет, и все ветераны кавказских войн во главе с генералом Гейманом высказались за то, чтобы атаковать Зивинскую позицию. Лорис-Меликов неохотно согласился. Информация, полученная от шпионов и в ходе расспросов армянских крестьян, оказалась более или менее верной: около 20 батальонов турок и три батареи стояли на Зивинских высотах; другая группа расположилась в Велибабе (это был отряд Мухтара, находившийся южнее Аракса, между Меликовым и Тергукасовым); кавалерия (черкесы Мусы-паши) – в Хорсане.

Зивинскую позицию создал Фейзи-паша (Колман) на высотах, тянувшихся на западном берегу ущелья, в котором протекала река Зивин-Чай. Эти высоты пересекала главная дорога,

⁴⁵ После установления в 1878 г. новой границы дорога Сарыкамыш – Сирбасан – Еникёй – Караурган стала частью главной дороги, шедшей из Карса к русской границе в Караургане. Параллельно ей была проложена железная дорога из Эрзерума в Карс.

шедшая из Караургана в Эрзерум, а тропа в Месинкирт, ответвлявшаяся от нее ниже селения Зивин, проходила по берегу Зивин-Чая. Эта позиция перегораживала главную (западную) дорогу из Карса в Эрзерум и располагалась на фланге восточной дороги, проходившей через Месинкирт к предмостным укреплениям Хорсана и Чифтлика, которые защищали переправу через Араке. Позиции Фейзи тянулись по ущелью до точки, расположенной в 8 км южнее селения Зивин и в 11 км от восточной дороги. Поэтому, расположив свои войска в Зивине, Мухтар надеялся защитить обе дороги, шедшие в долину Аракса и Эрзерум. Однако в этом и заключался ее главный недостаток – она была слишком растянута. После того как Мухтар забрал одну «дивизию» для наступления на позицию Тергукасова, на Зивинских высотах осталось всего 12 батальонов. Их усилили четырьмя батальонами резерва, но 16 батальонов при 18 орудиях и почти полном отсутствии кавалерии было явно недостаточно, чтобы удерживать фронт длиной 10 км.

На Зивинских фортификационных сооружениях более двух месяцев трудились турецкие солдаты; анатолийские резервисты считались прирожденными землекопами, привыкшими создавать террасы на горных склонах и рыть оросительные каналы на каменистых равнинах. К 25 июня траншеи были готовы повсюду, за исключением левого фланга позиции, который выходил на дорогу из Караургана в Кёпрюкёй. Этот фланг оказался практически не защищен, и его открытость стала очень опасной еще и потому, что он располагался на пологих склонах, где вполне могла развернуться кавалерия.

Русские могли бы атаковать именно левый фланг, помня, как в 1829 г. их отряд обошел его к западу от главной дороги. Однако разведка русского штаба сосредоточилась теперь на фронтальном участке турецкой позиции и изучала возможность обойти ее с юга, где склоны были очень крутыми и неровными и пересекались многочисленными оврагами.

Лорис-Меликов или, скорее, его подчиненный генерал Гейман мечтали о полном разгроме турецкой армии: если атаковать ее левый фланг, то турки смогут отступить по дороге в Кёпрюкёй (что и случилось в 1829 г.), зато удачная атака на правый фланг позволит отрезать им путь к отступлению. В результате русская операция превратилась во фронтальную атаку 16 батальонов на очень сильные позиции, которые обороняло такое же число турецких батальонов. Это верно, что численный состав русского батальона на 25 % превосходил численный состав турецкого, но, поскольку Лорис-Меликов оставил 4 батальона в резерве, численный состав войск обоих противников был, фактически, одинаковым. Русские значительно превосходили турок в кавалерии и артиллерии, но план Меликова исключал эффективные действия конницы, а крутые склоны сильно затрудняли подъем орудий на вершины гор для поддержки пехоты.

Рано утром 25 июня Лорис-Меликов свернул свой лагерь в Месинкирте и двинулся в сторону Зивин-Чая, оставив в Мелидузе свою свиту под защитой довольно сильного соединенного отряда. Правая колонна, включавшая в себя всю пехоту и пять батарей с тремя полками кавалерии, двигалась по дороге – в селение Зивин, расположенное в 16 км от Месинкирта. Основная часть кавалерии под командованием Чавчавадзе пошла по дороге, ведущей в Хорсан. В 8 утра Лорис-Меликов наконец-то получил депешу Тергукасова (привезенную каракалпакским посланцем, которому была выдана за это награда в 2 тыс. рублей). Генерал, сообщив о сражениях 16 и 21 июля, а также о своих серьезных потерях и недостатке боеприпасов, писал, что отступает в сторону Еревана, и просил воспрепятствовать концентрации турецких сил против него. Отличаясь нерешительностью, русский командующий велел обеим колоннам остановиться. Этот приказ пришел в тот самый момент, когда пехота уже приближалась к ущелью Зивин-Чая. Войска простояли в бездействии до 2 часов дня, пока Лорис-Меликов обсуждал со своими генералами сложившуюся ситуацию. Он спрашивал, так ли уж необходимо атаковать Зивин, и предлагал провести взамен кавалерийскую демонстрацию в Хорсане. Но старые кавказские вояки, Гейман и Комаров, которым не терпелось

повторить маневр Паскевича 1829 г., настояли на взятии Зивина, после которого можно было двинуться на турецкую группировку, находившуюся, как они полагали, в Хорсане. На самом деле там стоял лишь отряд черкесской нерегулярной кавалерии, который Мухтар отправил из Велибабы.

А тем временем Фейзи-паша, фактический руководитель обороны Зивина, поскольку находившийся там командир армейского корпуса IV дивизии Измаил Хакки-паша был к этому совершенно не способен, воспользовался задержкой, чтобы сосредоточить свои войска для отпора русским.

Лорис-Меликов расположил три батареи на высотах на восточном берегу реки Зивин-Чай и оставил рядом с ней свой генеральный резерв (четыре батальона ереванских grenадер). На Караурганскую дорогу был отправлен всего один полк терских казаков, который должен был ее охранять. Атакующие силы состояли из Мингрельского и Тифлисского grenадерских полков с тремя батальонами грузинских grenадер при двух батареях.

Мингрельцы получили приказ перейти Зивин-Чай и атаковать правый фланг турецкой позиции, который отделяло от центра длинное и глубокое ущелье. Ее левый фланг прикрывали два полка дагестанской кавалерии, которые должны были поддерживать связь с фланкирующей колонной Чавчавадзе. Тифлисский и Грузинский полки получили приказ – атаковать турецкий центр.

Поскольку долина, которую требовалось пересечь мингрельцам, была очень узкой, приданная им батарея имела возможность обстреливать линию турецких траншей. Гейман приказал двум батальонам атаковать позиции врага, а третьему – идти в сторону одиночной горы к югу от турецких оборонительных линий. Несмотря на крутой и сложный подъем, мингрельские grenадеры поднялись на вершину горы и после ожесточенного штыкового боя овладели всей линией турецких траншей. Противник бежал в овраг, расположенный в тылу. Этот успех был достигнут к 5 часам вечера при сравнительно небольших потерях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.